

ISSN 3107 - 2143 (Print)
ISSN 3107 - 2151 (Online)

Vol.1 № 3 (3) 2026

SOCIOLOGY. KZ

INSTITUTE OF PHILOSOPHY, POLITICAL SCIENCE AND RELIGIOUS STUDIES

ISSN 3107 - 2143 (Print)
ISSN 3107 - 2151 (Online)

SOCIOLOGY.KZ

Vol 1 № 3 (3) 2026

"SOCIOLOGY.KZ" ЖУРНАЛЫ-ӘЛЕУМЕТТАНУ ЖӘНЕ ОНЫМЕН БАЙЛАНЫСТЫ ПӘНДЕРДІҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІНЕ
АРНАЛҒАН МАМАНДАНДЫРЫЛҒАН БАСЫЛЫМ.
БҰҚАРАЛЫҚ АҚПАРАТ ҚҰРАЛДАРЫН ТІРКЕУ ТУРАЛЫ КУӘЛІГІ: №KZ72VPY00132884, АСТАНА, 2025 ЖЫЛҒЫ 29 ҚАЗАН
ЖУРНАЛДЫҢ ТАҚЫРЫПТЫҚ БАҒЫТТАРЫ: СОЦИОЛОГИЯНЫҢ ҒЫЛЫМИ, ТЕОРИЯЛЫҚ ЖӘНЕ
ӘДІСТЕМЕЛІК МӘСЕЛЕЛЕРІНЕ, СОНДАЙ-АҚ ӘЛЕУМЕТТІК, ЭКОНОМИКАЛЫҚ ЖӘНЕ САЯСИ ПРОЦЕСТЕРДІҢ
СОЦИОЛОГИЯЛЫҚ АСПЕКТІЛЕРІНЕ АРНАЛҒАН МАҚАЛАЛАРДЫ ЖАРИЯЛАЙДЫ.
ЖИЛІГІ: ЖЫЛЫНА 4 РЕТ
ТІЛДЕРІ: ҚАЗАҚ, ОРЫС, АҒЫЛШЫН
ҚҰРЫЛТАЙШЫСЫ ЖӘНЕ БАСПАҒЕР: ҚР ҒЖБМ ҒК ФИЛОСОФИЯ, САЯСАТТАНУ ЖӘНЕ ДІНТАНУ ИНСТИТУТЫ,
АЛМАТЫ, ҚАЗАҚСТАН. РЕДАКЦИЯ МЕКЕНЖАЙЫ: ҚАЗАҚСТАН, АЛМАТЫ, 050010, ШЕВЧЕНКО КӨШЕСІ, 28

ЖУРНАЛ "SOCIOLOGY.KZ" - СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ АКТУАЛЬНЫМ ВОПРОСАМ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ И СМЕЖНЫХ ДИСЦИПЛИН.
СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ: №KZ72VPY00132884,
АСТАНА, ОТ 29 ОКТЯБРЯ 2025 ГОДА
ТЕМАТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ: ЖУРНАЛ ПУБЛИКУЕТ СТАТЬИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ НАУЧНЫМ,
ТЕОРЕТИЧЕСКИМ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ СОЦИОЛОГИИ, А ТАКЖЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИМ АСПЕКТАМ
СОЦИАЛЬНЫХ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ.
ПЕРИОДИЧНОСТЬ: 4 РАЗА В ГОД
ЯЗЫКИ: КАЗАХСКИЙ, РУССКИЙ, АНГЛИЙСКИЙ
УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ: ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ, ПОЛИТОЛОГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ КН МНВО РК, АЛМАТЫ, КАЗАХСТАН
АДРЕС РЕДАКЦИИ: КАЗАХСТАН, АЛМАТЫ, 050010, УЛИЦА ШЕВЧЕНКО, 28

"SOCIOLOGY.KZ" JOURNAL IS A SPECIALIZED PUBLICATION DEDICATED TO CURRENT ISSUES
IN SOCIOLOGY AND RELATED DISCIPLINES.
CERTIFICATE OF REGISTRATION OF MASSMEDIA: №KZ72VPY00132884, ASTANA, DATED OCTOBER 29, 2025
THEMATIC FOCUS: THE JOURNAL PUBLISHES ARTICLES DEDICATED TO SCIENTIFIC, THEORETICAL,
AND METHODOLOGICAL ISSUES IN SOCIOLOGY, AS WELL AS SOCIOLOGICAL ASPECTS OF SOCIAL,
ECONOMIC, AND POLITICAL PROCESSES.
FREQUENCY: 4 TIMES PER YEAR
LANGUAGES: KAZAKH, RUSSIAN, ENGLISH,
FOUNDER AND PUBLISHER: INSTITUTE OF PHILOSOPHY, POLITICAL SCIENCE AND RELIGIOUS STUDIES
OF THE CS MSHE RK, ALMATY, KAZAKHSTAN.
EDITORIAL OFFICE ADDRESS: KAZAKHSTAN, 050010, ALMATY, SHEVSHENKO STREET, 28

© ҚР ҒЖБМ ҒК ФИЛОСОФИЯ, САЯСАТТАНУ ЖӘНЕ ДІНТАНУ ИНСТИТУТЫ
050010, АЛМАТЫ, ШЕВЧЕНКО КӨШЕСІ, 28
[HTTPS://JOURNALSOCIOLOGY.KZ](https://journalsociology.kz)

© FILOSOFIA, SAYASATTANU JÄNE DINTANU INSTITUTY
050010, ALMATY, SHEVCHENKO KÖŞESI, 28
[HTTPS://JOURNALSOCIOLOGY.KZ](https://journalsociology.kz)

Редакциялық Кеңес

САДВОКАСОВА Айгуль (Философия, саясаттану және дінтану институтының Бас директоры, әлеуметтану ғылымдарының докторы, Қазақстан социология академиясының академигі, Қазақстан) – Төраға

АБДИРАЙИМОВА Гульмира (Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, әлеуметтану ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстан социология академиясының академигі, Қазақстан)

БЕЙМИШЕВА Айгуль (Narxoz Университеті, PhD, Қазақстан)

ГУРЕВИЧ Леонид (BISAM Central Asia, тарих ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстан социология академиясының академигі, Қазақстан)

ДЖАМАНБАЛАЕВА Шолпан (Философия, саясаттану және дінтану институты, әлеуметтану ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстан социология академиясының академигі, Қазақстан)

ЖАКИЯНОВ Талгат (Конфессияаралық және дінаралық диалогтың халықаралық орталығы, әлеуметтану ғылымдарының кандидаты, Қазақстан)

ЖУНУШОВА Сайкал (Ж. Баласағын атындағы Қырғыз ұлттық университеті, әлеуметтану ғылымдарының кандидаты, доцент, Қырғызстан)

КИЗИЛОВА Ксения (Дүниежүзілік құндылықтарды зерттеу қауымдастығы, PhD, Австрия)

МУХАМБЕТОВА Куралай (Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, әлеуметтану ғылымдарының кандидаты, Қазақстан)

ПЭК Кенмин (Сонсиль университеті, PhD, қауымдастырылған профессор, Корея Республикасы)

РАКИШЕВА Ботагоз («Қоғамдық пікір» зерттеу институты, әлеуметтану ғылымдарының кандидаты, Қазақстан)

РЫСТИНА Индира (Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, PhD, қауымдастырылған профессор, Қазақстан)

СЕИТОВ Азамат (Әлемдік экономика және дипломатия университеті, әлеуметтану ғылымдарының докторы, профессор, Өзбекстан)

ТОКТАРОВ Ермек (Философия, саясаттану және дінтану институты, PhD, Қазақстан)

ШАУКЕНОВА Зарема (Қазақстан социологтар қауымдастығы, әлеуметтану ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстан социология академиясының академигі, Қазақстан)

ХАНАФИ Сари (Бейрут американдық университеті, PhD, профессор, Ливан)

Редакциялық Бөлім

САДВОКАСОВА Айгуль (Философия, саясаттану және дінтану институтының Бас директоры, әлеуметтану ғылымдарының докторы, Қазақстан социология академиясының академигі, Қазақстан) – *Бас редактор*

ҚЫЗЫРБЕК Дина (Философия, саясаттану және дінтану институты, магистр) – *Редактор*

НОГАЙБАЕВА Ляззат (Философия, саясаттану және дінтану институты) – *Редактор-корректор*

Бұқаралық ақпарат құралдарын тіркеу туралы куәлігі: № KZ72VPY00132884, Астана, 29 қазан 2025 жылы

Жиілігі: жылына 4 рет

Тілдері: қазақ, ағылшын, орыс

Құрылтайшысы және баспагер: Философия, саясаттану және дінтану институты, Алматы, Қазақстан.

Редакция мекенжайы: 050010, Алматы, Шевченко көшесі, 28

Редакционный Совет

САДВОКАСОВА Айгуль (Генеральный директор Института философии, политологии и религиоведения, д.соц.н., академик Академии социологии Казахстана, Казахстан) – *Председатель*

АБДИРАЙЫМОВА Гульмира (КазНУ им. Аль-Фараби, д.соц.н., профессор, академик Академии социологии Казахстана, Казахстан)

БЕЙМИШЕВА Айгуль (Университет Narxoz, PhD, Казахстан)

ГУРЕВИЧ Леонид (BISAM Central Asia, д.ист.н., профессор, академик Академии социологии Казахстана, Казахстан)

ДЖАМАНБАЛАЕВА Шолпан (Институт философии, политологии и религиоведения, д.соц.н., профессор, академик Академии социологии Казахстана, Казахстан)

ЖАКИЯНОВ Талгат (Международный центр межконфессионального и межрелигиозного диалога, к.соц.н., Казахстан)

ЖУНУШОВА Сайкал (КНУ им. Ж.Баласагына, к.соц.н., доцент, Кыргызстан)

КИЗИЛОВА Ксения (Ассоциация Всемирного обзора ценностей, PhD, Австрия)

МУХАМБЕТОВА Куралай (ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, к.соц.н., Казахстан)

ПЭК Кенмин (Университет Сонсиль, PhD, ассоциированный профессор, Республика Корея)

РАКИШЕВА Ботагоз (Исследовательский институт «Общественное мнение», к.соц.н., Казахстан)

РЫСТИНА Индира (ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, PhD, ассоциированный профессор, Казахстан)

СЕИТОВ Азамат (Университет мировой экономики и дипломатии, д.соц.н., профессор, Узбекистан)

ТОКТАРОВ Ермек (Институт философии, политологии и религиоведения, PhD, Казахстан)

ШАУКЕНОВА Зарема (Ассоциация социологов Казахстана, д.соц.н., профессор, академик Академии социологии Казахстана, Казахстан)

ХАНАФИ Сари (Американский университет Бейрута, PhD, профессор, Ливан)

Редакционный Отдел

САДВОКАСОВА Айгуль (Генеральный директор Института философии, политологии и религиоведения, д.соц.н., академик Академии социологии Казахстана, Казахстан) – *Главный редактор*

ҚЫЗЫРБЕК Дина (Институт философии, политологии и религиоведения, магистр) – *Редактор*

НОГАЙБАЕВА Ляззат (Институт философии, политологии и религиоведения) – *Редактор-корректор*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: № KZ72VPY00132884 г. Астана от 29.10.2025

Периодичность: 4 раза в год

Языки: казахский, английский, русский

Учредитель и издатель: НАО «Институт философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК», Алматы, Казахстан **Адрес редакции:** 050010 Казахстан, г. Алматы, ул. Шевченко, 28

Editorial Board

SADVOKASSOVA Aigul (General Director of the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies, Doctor of Sociological Sciences, Academician of the Academy of Sociology of Kazakhstan, Kazakhstan) – *Chairman*

ABDIRAIYMOVA Gulmira (Al-Farabi Kazakh National University, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Academician of the Academy of Sociology of Kazakhstan, Kazakhstan)

BAEK Kyungmin (Soongsil University, PhD, Associate Professor, Republic of Korea)

BEIMISHEVA Aigul (Narxoz University, PhD, Kazakhstan)

GUREVICH Leonid (BISAM Central Asia, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Academy of Sociology of Kazakhstan, Kazakhstan)

JAMANBALAEVA Sholpan (Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Academician of the Academy of Sociology of Kazakhstan, Kazakhstan)

ZHAKIYANOV Talgat (International center for interfaith and interreligious dialogue, Candidate of Sociological Sciences, Kazakhstan)

ZHUNUSHOVA Saikal (Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Kyrgyzstan)

KIZILOVA Kseniya (World Values Survey Association, PhD, Austria)

MUKHAMBETOVA Kuralai (L.N. Gumilyov Eurasian National University, Candidate of Sociological Sciences, Kazakhstan)

RAKISHEVA Botagoz (“Public Opinion” Research Institute, Candidate of Sociological Sciences, Kazakhstan)

RYSTINA Indira (L.N. Gumilyov Eurasian National University, PhD, Associate Professor, Kazakhstan)

SEITOV Azamat (University of World Economy and Diplomacy, Doctor of Sociology, Professor, Uzbekistan)

TOKTAROV Yermek (Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies, PhD, Kazakhstan)

SHAUKENOVA Zarema (Association of Sociologists of Kazakhstan, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Academician of the Academy of Sociology of Kazakhstan, Kazakhstan)

HANAFI Sari (American University of Beirut, PhD, Professor, Lebanon)

Editorial Office

SADVOKASSOVA Aigul (General Director of the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies, Doctor of Sociological Sciences, Academician of the Academy of Sociology of Kazakhstan, Kazakhstan) – *Editor-in-Chief*

KYZYRBEEK Dina (Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies, MSc) – *Editor*

NOGAYBAYEVA Lyazzat (Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies) – *Copy Editor / Proofreader*

Certificate of registration of mass media: No. KZ72VPY00132884, Astana, dated October 29, 2025

Frequency: 4 times per year

Languages: Kazakh, English, Russian

Founder and Publisher: Institute of Philosophy, Political Science, and Religious Studies of the Kazakh National Research University of Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan. Editorial Office Address: 28 Shevshenko street, Almaty, Kazakhstan, 050010

МАЗМҰНЫ / CONTENT / СОДЕРЖАНИЕ

1. ӘЛЕУМЕТТІК ЗЕРТТЕУДІҢ ӘДІСТЕМЕСІ МЕН ӘДІСТЕРІ / METHODOLOGY AND METHODS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH / МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Накипбаева Ж.А.

Конструирование смысла в качественном анализе: кодирование и аналитическая
оптика в MAXQDA7

2. ӘЛЕУМЕТТІК-МӘДЕНИ ТРАНСФОРМАЦИЯЛАР, БІРЕГЕЙЛІК ЖӘНЕ ДИАСПОРАЛАР / SOCIOCULTURAL TRANSFORMATIONS AND IDENTITY / СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ, ИДЕНТИЧНОСТЬ И ДИАСПОРЫ

Садвокасова А.К., Ғали Д.Ә.

Қазақстандағы өзбек, ұйғыр және дүнген этностарының кеңістіктік қоныстану
модельдері: динамикасы мен өзгеру бағыттары28

Ким Г.Н.

Диаспоральность и диаспоричность: от производных понятий к новой
аналитической парадигме современной диаспорологии52

Ермекбаева Ж.К.

Факторы и аналитическая типология интеграционных профилей в Казахстане.....68

3. ДЕМОГРАФИЯ, ГЕНДЕР ЖӘНЕ ӘЛЕУМЕТТІК ИНКЛЮЗИЯ / DEMOGRAPHY, GENDER AND SOCIAL INCLUSION / ДЕМОГРАФИЯ, ГЕНДЕР И СОЦИАЛЬНАЯ ИНКЛЮЗИЯ

Мухамбетова К.А.

Между социальной невидимостью и субъектностью: голос матерей детей
с инвалидностью87

Отар Э.С., Несипбаева А.Ж., Мантаева А.Е.

Семья как пространство воспроизводства и трансформации гендерных норм
в этнических сообществах Казахстана108

Италмасова Р.Б., Орынбасар Ж.

Сообщество практиков как инструмент формирования профессиональной
идентичности студентов со случайным выбором профессии:
результаты action research.....131

Әбидин Ә.Н., Дүйсенова С.М.

Студенттердің білім беру ортасына қанағаттануы және университетке адалдығы..148

4. ЭКОНОМИКАЛЫҚ СОЦИОЛОГИЯ / ECONOMIC SOCIOLOGY / ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Alekseeva V.S., Rakhimova M.

Creative economy: the relationship between intellectual labour, innovation
and the environmental agenda 158

Burkhanova D.K., Akmadi M.A., Nurkanat A.N.

Digital skills and career adaptability among youth in Kazakhstan: the transition
from higher education to a transforming labour market 178

5. ІС-ШАРАЛАР / EVENTS / СОБЫТИЯ

Session “Multiple Identities in the Digital Society: Risks and Opportunities”
at the XXI World Congress of Sociology 193

МРНТИ 04.15.41

КОНСТРУИРОВАНИЕ СМЫСЛА В КАЧЕСТВЕННОМ АНАЛИЗЕ: КОДИРОВАНИЕ И АНАЛИТИЧЕСКАЯ ОПТИКА В MAXQDA

Жанар НАКИПБАЕВА

*Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте
Республики Казахстан, Астана, Казахстан
zhanarnakipbayeva@gmail.com*

Ссылка на данную статью: Накипбаева Ж.А., Конструирование смысла в качественном анализе: кодирование и аналитическая оптика в MAXQDA // *SOCIOLOGY.KZ*. – 2026. – №3(3). – С.7 – 27. <https://doi.org/10.48010/2026.3/sskz.25>

Аннотация. Статья посвящена методологическим и практическим аспектам обработки и анализа качественных данных с использованием программы MAXQDA. Актуальность исследования обусловлена противоречием между устойчивым ростом применения качественной методологии в современной социологии, в том числе казахстанской, и сохраняющейся недостаточной прозрачностью процедур обработки, кодирования и интерпретации собранных данных. Цель статьи заключается в том, чтобы показать последовательность аналитических действий, сформированную на пересечении теоретических подходов к качественному анализу, возможностей программы MAXQDA и практического исследовательского опыта. На примере демонстрационного проекта MAXQDA рассмотрен переход от отдельного высказывания информанта к субкоду и далее к обобщающей категории, а также раскрыты аналитические возможности программы. Отдельное внимание уделено проблеме перехода от кодирования к интерпретации.

Ключевые слова: качественный анализ данных, кодирование, MAXQDA, обоснованная теория, интерпретация данных, методологическая прозрачность

САПАЛЫ ТАЛДАУДАҒЫ МАҒЫНАНЫ ҚҰРАСТЫРУ: MAXQDA-НЫҢ КОДТАУ ЖӘНЕ ТАЛДАМАЛЫҚ ОПТИКАСЫ

Жанар НАКИПБАЕВА

*Қазақстан Республикасының Президенті жанындағы Қазақстанның
стратегиялық зерттеулер институты, Астана, Қазақстан*

CONSTRUCTING MEANING IN QUALITATIVE ANALYSIS: CODING AND ANALYTICAL OPTICS IN MAXQDA

Zhanar NAKIPBAYEVA

*¹The Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of
Kazakhstan, Astana, Kazakhstan*

Аңдатпа. Мақала MAXQDA бағдарламасын пайдалана отырып, сапалы деректерді өңдеу мен талдаудың әдіснамалық және практикалық аспектілеріне арналған. Зерттеудің өзектілігі қазіргі әлеуметтануда, соның ішінде қазақстандық әлеуметтануда сапалы әдіснаманы қолданудың тұрақты өсуі мен жиналған деректерді өңдеу, кодтау және интерпретациялау рәсімдерінің жеткілікті ашықтығының сақталмауы арасындағы қайшылығында. Мақаланың мақсаты – сапалы талдауға арналған теориялық тәсілдердің, MAXQDA бағдарламасының мүмкіндіктерінің және практикалық зерттеу тәжірибесінің тоғысында қалыптасқан талдамалық әрекеттер тізбегін көрсету. MAXQDA-ның демонстрациялық жобасы негізінде ақпарат берушілердің жеке пікірінен субкодқа, одан әрі жалпылама санатқа өту жолы қарастырылды, сондай-ақ бағдарламаның талдамалық мүмкіндіктері ашылды. Кодтаудан интерпретацияға өту мәселесіне ерекше назар аударылды.
Түйін сөздер: сапалы деректерді талдау, кодтау, MAXQDA, негізделген теория, деректерді интерпретациялау, әдіснамалық ашықтық

Abstract. This article addresses the methodological and practical aspects of processing and analyzing qualitative data using the MAXQDA software. The relevance of the study stems from a contradiction between the steady growth in the application of qualitative methodology in contemporary sociology, including in Kazakhstan, and the persistent lack of transparency in the procedures for processing, coding, and interpreting collected data. The aim of the article is to present a sequence of analytical actions formed at the intersection of theoretical approaches to qualitative analysis, the capabilities of the MAXQDA software environment, and practical research experience. Using the example of a MAXQDA demonstration project, the article examines the transition from an individual informant's statement to a subcode and further to a generalized category, while also outlining the analytical capabilities of the program. Particular attention is given to the problem of moving from coding to interpretation.

Key words: qualitative data analysis, coding, MAXQDA, grounded theory, data interpretation, methodological transparency

Введение

Согласно результатам наукометрического анализа, проведенного авторами методического пособия «От данных к инсайтам: качественный анализ в MAXQDA» в рамках КИСИ при Президенте РК, в последние годы наблюдается устойчивый рост интереса к качественным данным и методам их анализа как в мировой, так и в казахстанской социологии.

Анализ статей, опубликованных в 2021-2025 годах в девяти ведущих международных социологических журналах, индексируемых в базе данных Scopus, показал, что качественные методы использовались в 38,2% всех проанализированных работ. Казахские данные демонстрируют сопоставимую тенденцию: качественная методология была представлена в 41,2% публикаций. При этом 22,1% работ имели исключительно качественный дизайн, а еще 19,1% сочетали качественные и количественные методы [1].

Результаты анализа позволяют говорить о расширении применения качественной методологии в современной социологии. При этом несмотря на широкое распространение качественных методов в современной социологии, процедуры обработки и анализа качественных данных по-прежнему остаются предметом значимой методологической дискуссии.

Armstrong и др. и Campbell указывают на недостаточную прозрачность кодирования, неопределенность единиц анализа, расхождения в интерпретации одного и того же материала и слабое описание перехода от данных к теоретическим выводам [2; 3]. Недостаточная детализация аналитических процедур ограничивает возможность оценить, каким образом исследователь пришел к полученным результатам.

Nowell с коллегами [4] подчеркивают, что растущее признание качественных исследований требует и большей строгости и методичности. Чтобы считаться заслуживающими доверия, исследователи должны фиксировать и раскрывать методы анализа достаточно детально, чтобы читатель мог оценить достоверность самого процесса.

Вместе с тем результаты наукометрического анализа демонстрируют, что проблема казахских публикаций заключается не столько в отсутствии качественных исследований, сколько в недостаточной методологической прозрачности их проведения и представления. В частности, в ряде публикаций отсутствует описание используемого программного обеспечения, а также процедур обработки, кодирования и интерпретации данных [1].

Таким образом, анализ позволяет обозначить, что с одной стороны, качественные методы получают все более широкое распространение в современной социологии, с другой – процедуры их обработки, анализа и интерпретации не всегда представлены с достаточной степенью методологической прозрачности. Поэтому актуальным становится вопрос не только о распространении качественной методологии, но и о том, насколько последовательно и подробно исследователи описывают работу с качественными данными.

Таким образом, **цель данной статьи** заключается в том, чтобы показать последовательность аналитических действий, сформированную на пересечении

теоретических подходов к качественному анализу, возможностей программы MAXQDA и практического исследовательского опыта.

Методология

Методологическая основа статьи сформирована на пересечении трех взаимосвязанных оснований: теоретических подходов к качественному анализу, практики работы с программой MAXQDA и собственного опыта автора в проведении качественных исследований.

В работе учитываются положения обоснованной теории [5], подходы к категоризации и кодированию данных [6; 7], рефлексивный тематический анализ [8; 9], а также общие вопросы дизайна качественного исследования [10; 11; 12; 13; 14; 15].

Особое значение для предлагаемого подхода имеет различие между двумя способами понимания кодирования. Первый «coding reliability» подход, ориентирован на процедурную строгость и согласованность кодирования между исследователями. Второй – рефлексивный подход, который рассматривает кодирование как интерпретативный и итеративный процесс, в котором важную роль играют исследовательская позиция и аналитические решения автора [17].

Практика работы в MAXQDA опирается не только на общие методологические источники, но и на обучение автора работе с программой на специализированном курсе, организованном официальным представителем разработчика MAXQDA, а также на собственный практический опыт использования программы.

А также практическая работа позволила выявить ряд методологических затруднений, которые возникают непосредственно в процессе анализа. К ним относятся чрезмерная фрагментация кодов, потеря контекста при разделении высказываний на отдельные смысловые элементы и сложности перехода от описательного к интерпретативному уровню кодирования. Подобные проблемы не всегда подробно представлены в методологической литературе, однако регулярно возникают в практической исследовательской работе.

Для демонстрации аналитических возможностей MAXQDA в статье используется демонстрационный проект «Work-Life Balance», встроенный в дистрибутив программы в качестве готового обучающего примера. Такой выбор продиктован именно требованием прозрачности и воспроизводимости, о котором говорилось выше. Поскольку структура кодов, транскрипты интервью и результаты кодирования в этом проекте являются открытыми и доступны любому пользователю MAXQDA, читатель может самостоятельно проверить и воспроизвести все описываемые далее аналитические процедуры.

Основная часть

Многие молодые исследователи, да и ученые в целом, приступая к изучению определенного социального процесса или ситуации, прежде всего задаются вопросом «**Как именно мне это изучить?**» На этом этапе и возникает одна из наиболее распространенных методологических ловушек – представление о том, что качественные методы, и особенно интервью, являются относительно простым способом получения информации о социальных явлениях [18]. Данная установ-

ка нередко закрепляется еще на стадии выбора метода исследования и объясняется, среди прочего, стремлением избежать статистического анализа, воспринимаемого как более трудоемкий [19, с. 9].

В условиях цифровизации доступность онлайн-интервью, видеосвязи, цифровых платформ для записи и автоматической транскрибации создает иллюзию того, что основная сложность исследования заключается в том, чтобы найти респондентов, задать им вопросы и собрать достаточный объем материала [20]. При этом важно понимать, что качественное исследование не становится простым только потому, что его данные не требуют статистической обработки. Отсутствие сложных статистических процедур вовсе не означает отсутствия аналитической работы [6; 21]. Напротив, интервью – это лишь один из способов производства эмпирического материала, а само проведение интервью составляет только один этап качественного исследования [22].

Основная аналитическая работа начинается после того, как данные собраны. Исследователь должен не просто «прочитать» транскрипты интервью, а систематически работать с массивом данных: осуществлять кодирование [23], выделять повторяющиеся и контрастирующие смыслы [8], сопоставлять позиции различных участников, выявлять паттерны, исключения и противоречия [24; 25], формировать категории и темы [26], соотносить эмпирический материал с исследовательскими вопросами и теоретическими концепциями. При этом необходимо постоянно сохранять связь между интерпретацией и исходными данными, чтобы выводы не превращались в субъективные впечатления самого исследователя [27]. Последнее особенно важно, поскольку именно вопрос субъективности на протяжении долгого времени остается одним из центральных вопросов в дискуссиях о качестве качественного исследования [28].

Таким образом, после сбора данных перед исследователем возникает уже другой, значительно более сложный вопрос: **как работать с полученным материалом таким образом, чтобы последующий анализ был не произвольной интерпретацией, а обоснованным аналитическим процессом? Другими словами, как обосновать, что выводы действительно следуют из собранных данных, а не являются результатом предварительных представлений или личных ожиданий исследователя?**

Поэтому качественный анализ представляет собой не один технический шаг, а последовательный и вместе с тем итеративный процесс. После разработки методологии и сбора эмпирического материала исследователь проходит несколько взаимосвязанных этапов: подготовку данных, знакомство с ними, кодирование, сравнение данных, формирование категорий и тем, интерпретацию, проверку обоснованности выводов и представление результатов [10, с. 147-224; 29, 187-218; 29, 187-218]. Такой подход позволяет проследить путь от отдельных высказываний и наблюдений к более общим аналитическим выводам.

Знакомство с данными и кодирование

Знакомство с данными – необходимый этап, предшествующий формальному кодированию. На этой стадии исследователь формирует целостное представле-

ние о материале. Многократное прочтение транскриптов и других данных позволяет не просто ознакомиться с содержанием, а увидеть его внутреннюю логику, повторяющиеся мотивы и связи между фрагментами, постепенно выделяя моменты, потенциально значимые для исследовательского вопроса [8, с. 87-88]. Без такого погружения кодирование рискует свестись к механической фиксации разрозненных, вырванных из контекста фрагментов, поскольку код, кажущийся значимым при первом прочтении отрывка, может утратить смысл или оказаться второстепенным при сопоставлении со всем массивом данных.

После того как исследователь успешно завершил знакомство с данными, можно приступать к основной части аналитической работы. Strauss [30, с. 27] отмечал, что любой исследователь, стремящийся овладеть навыками качественного анализа, должен научиться хорошо и легко кодировать данные. Качество исследования во многом зависит от качества кодирования. Другими словами, кодирование – это не техническая формальность, а тот момент, где закладывается фундамент всей последующей интерпретации. Слабое, поверхностное или поспешное кодирование неизбежно ограничивает глубину и достоверность выводов, какими бы качественными не были собранные данные сами по себе. Поэтому исследователю важно овладеть навыками грамотного кодирования.

Код в качественном исследовании – это чаще всего слово или короткая фраза, которая символически присваивает обобщающий, значимый, сущностный и/или экспрессивный атрибут фрагменту вербальных или визуальных данных. Данные могут включать в себя транскрипты интервью, полевые заметки участника-наблюдателя, дневники, документы, литературу, артефакты, фотографии, видеозаписи, веб-сайты, электронную переписку и т.д. [31, с. 3].

А кодирование представляет собой операции, посредством которых данные разделяют, концептуализируют и снова соединяют по-новому. Это центральный процесс, благодаря которому из данных строятся теории [32, с. 49].

Выбор конкретных техник кодирования не является произвольным, он напрямую зависит от методологического подхода, которого придерживается исследователь. Здесь исследователь либо ограничивается общим тематическим анализом данных без явной теоретической рамки, либо выбирает специализированный подход, например, обоснованную теорию, который служит процедурным каркасом для всего исследования [33, с.70].

В рамках обоснованной теории анализ строится как последовательность трех типов кодирования: открытого, осевого и избирательного [32, с.49]. Открытое кодирование представляет собой аналитический процесс расчленения, сравнения, концептуализации и категоризации данных, где исследователь присваивает отдельным фрагментам первичные концепты, а затем, сравнивая и группируя их, поднимается к более высокому уровню абстракции, рабочим категориям. Осевое кодирование соединяет эти данные по-новому, устанавливая связи между категорией и ее субкатегориями через условия, контекст, стратегии действия и следствия. Избирательное кодирование, в свою очередь, это процесс выделения центральной («ядерной») категории и систематического связывания вокруг нее всех остальных категорий в единую, логически стройную теорию [32, с.49]. Дру-

гими словами, если открытое кодирование дробит текст на множество мелких концептов, а осевое группирует их в смысловые блоки, то избирательное кодирование выстраивает вокруг одной ядерной категории целостную архитектуру исследования.

Альтернативную логику предлагают Braun & Clarke [8]. Согласно авторам тематический анализ – это метод выявления, анализа и описания повторяющихся паттернов (тем) в данных [8, с.78]. Здесь анализ подчиняется единой аналитической логике, согласно которой данные сначала кодируются на уровне мелких кодов, затем коды объединяются в подкатегории, а те в более широкие темы, что и придает анализу иерархическую структуру и аналитическую строгость.

Упрощенную модель этого преобразования Saldaña [31, с.12] представляет в виде схемы (Рис.1). На ней отдельные коды, присвоенные конкретным, «частным» фрагментам данных, группируются в категории. Несколько категорий, в свою очередь, могут включать в себя субкатегории и связываться между собой. Сопоставление категорий друг с другом приводит к формированию тем и концептов, которые на завершающем этапе анализа складываются в теорию. Таким образом, схема наглядно демонстрирует движение анализа сразу по двум осям: от реального к абстрактному и от частного к общему. Именно это движение и составляет суть перехода от кодирования к построению теории.

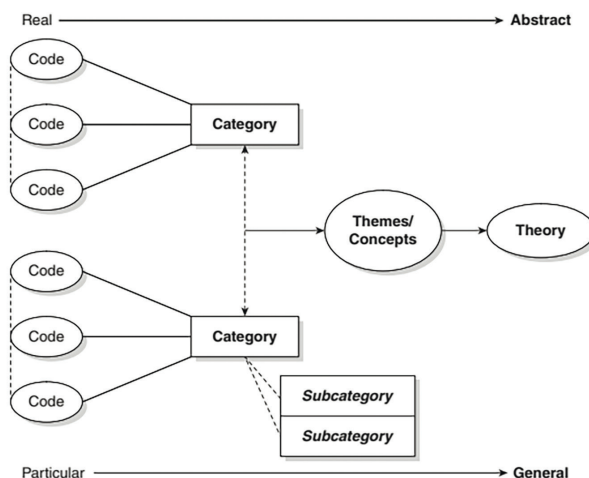

Рисунок-1. Упрощенная модель преобразования кодов в теорию для качественного исследования [31, с.12]

Таким образом, кодирование – это не механическая разметка текста, а последовательный аналитический процесс, который начинается с внимательного знакомства с данными и постепенно движется от отдельных кодов к категориям, темам и, в конечном счете, к теоретическим обобщениям. Качество итоговых выводов напрямую зависит от того, насколько внимательно и системно проведено кодирование на каждом из этих этапов.

MAXQDA и его возможности при кодировании

MAXQDA позволяет эффективно организовывать, анализировать и визуализировать различные типы данных, включая интервью, анкеты, документы, таблицы, библиографические данные, изображения и видеоматериалы, а также веб-страницы.

На примере демонстрационного проекта MAXQDA «Work-Life Balance»¹ логике кодирования можно объяснить в три этапа: от конкретного высказывания информанта к субкоду, объединяющему группу высказываний по одной теме, и далее к общей категории (согласно упрощенной модели преобразования кодов Saldaña [31, с.12]).

Этап 1. Открытое кодирование. На этапе первичного кодирования каждое высказывание информанта, отвечающего на вопрос о конкретной сфере повседневной жизни, кодируется как самостоятельная единица анализа непосредственно тем кодом, к которому оно относится. Так, отвечая на вопрос о типичном рабочем дне, информант Матео описывает гибкий график, не привязанный к фиксированному времени. Селим, сообщает, что рабочий день часто растягивается до девяти-десяти часов из-за непредсказуемых внешних встреч. Крис описывает четко разделенную неделю между офисом и учебой. Каждое из этих высказываний кодируется индивидуально конкретным кодом «Typical workday», как фрагмент, привязанный к тексту (Рис.2).

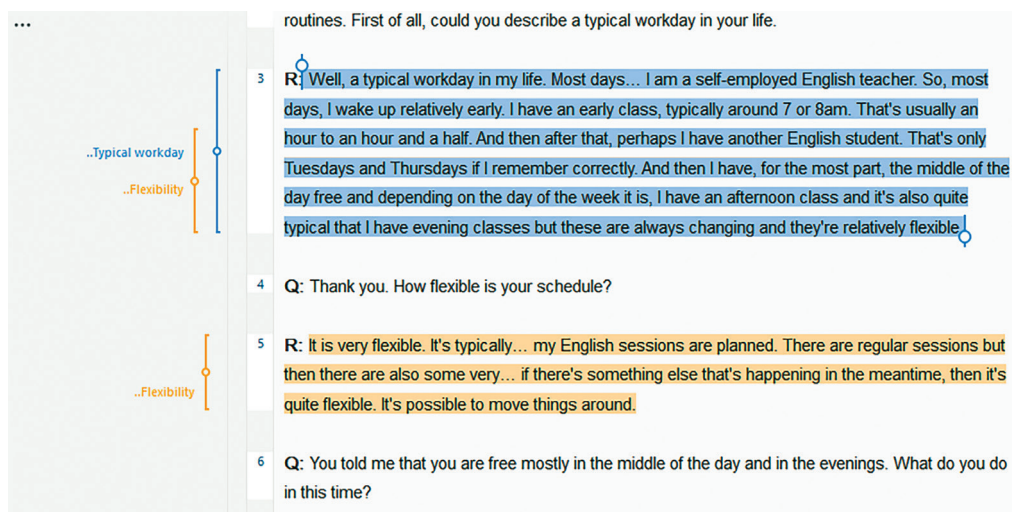

Рисунок-2. Пример открытого кодирования
(на основе данных проекта «Work-Life Balance»)

Этап 2. Субкод. Когда коды относятся к одной и той же более широкой сфере жизни, они объединяются в субкод. Так, коды «Typical workday», «Friends &

¹ «Work-Life Balance» — один из демонстрационных проектов, встроенных в MAXQDA как готовый учебный пример, который на материале различных типов данных (от транскриптов интервью до аудио и видеозаписей, веб-ссылок и других современных источников исследовательских данных). Говоря на языке социологов, это готовая база данных, предоставленная начинающим исследователям для практики.

family», «Childcare», «Domestic work», «Education» и «Free time, self-care» вместе образуют субкод «Daily activities» (Повседневная деятельность), поскольку все они описывают различные аспекты того, как у информанта устроен день: сколько времени уходит на работу, семью, детей, быт, обучение и личное время. Каждый код при этом сохраняет свою самостоятельность и, может быть, в любой момент открыт отдельно, но на уровне субкода они рассматриваются как единое смысловое целое (Рис. 3).

Code	Count
Codes	1410
Good quotes	7
Daily activities	0
Typical workday	16
Friends & family	41
Education	21
Domestic work	7
Childcare	14
Free time, self-care	18
Working conditions	0
Flexibility	24
Workplace & career	24
Amount of hours	29
Salary & budgeting	11

Рисунок-3. Субкод «Daily activities» с кодами
(на основе данных проекта «Work-Life Balance»)

Этап 3. Категория. Субкод «Daily activities» вместе с другими субкодами того же уровня («Working conditions», «Wishes for the future», «Satisfaction») образует общую категорию верхнего уровня «Work-Life Balance» (Баланс между работой и личной жизнью). Основанием для такого объединения служит не тематическое сходство субкодов между собой (они, напротив, содержательно разные. Повседневные дела не похожи на пожелания на будущее или оценку удовлетворенности), а то, что каждый из них представляет собой одну из составляющих общего конструкта, того, как информант выстраивает и оценивает баланс между разными сферами своей жизни. Таким образом, категория «Work-Life Balance» существует не как абстрактная исследовательская конструкция, а как обобщение, подтверждаемое тем, как сами информанты интегрируют разные аспекты своей жизни в единую картину баланса.

Codes	1410
Work-Life balance	0
Satisfaction	0
negative	47
positive	53
Wishes for the future	0
More free time	17
Less/no overtime	8
Stricter separation	7
Better use of free time	4
More flexibility	4
Working conditions	0
Flexibility	24
Workplace & career	24
Amount of hours	29
Salary & budgeting	9
AI: Salary & budgeting (Kazumi)	2
Daily activities	0
Typical workday	16
Friends & family	41
Education	21
Domestic work	7
Childcare	14
Free time, self-care	18

Рисунок-4. Категория «Work-Life Balance» с субкодами
(на основе данных проекта «Work-Life Balance»)

Такая структура наглядно демонстрирует, как кодирование движется от конкретного и частного к абстрактному и общему, оставаясь при этом верифицируемым, соответственно любую категорию можно в любой момент «раскрыть» обратно до исходных субкодов, кодов и конкретных цитат информантов.

Процесс кодирования изображений, видео и аудиоданных строится по аналогичной логике и технике анализа. К примеру, при работе с видео исследователь выделяет значимый объект непосредственно на видео и присваивает ему код, аналогично работе с фрагментом текста.

В данной статье на примере демонстрационного проекта MAXQDA «Work-Life Balance» наглядно показан процесс кодирования только одной категории. Однако в зависимости от сложности исследовательских вопросов таких категорий может быть значительно больше, а сама их структура многоуровневой. Одна категория способна включать десятки субкодов, каждый из которых, в свою очередь, объединяет множество отдельных кодов. Это обстоятельство свидетельствует о том, что **кодирование далеко не механическая процедура разметки данных, а трудоемкий и интеллектуально насыщенный этап аналитической работы, требующий от исследователя постоянного удержания в фокусе как отдельных фрагментов данных, так и складывающейся из них общей концептуальной картины.**

Вместе с тем даже безупречно проведенное кодирование – это лишь подготовительный этап. После его завершения исследователя ожидает наиболее содержательная часть аналитической работы, собственно анализ и интерпретация уже систематизированных данных, в ходе которых разрозненные категории и субкоды превращаются в связное объяснение изучаемого явления.

Анализ и интерпретация полученных качественных данных

Переход от сбора данных к их анализу методологи качественных исследований описывают как этап, сочетающий в себе противоречивые качества: он трудоемок, сопряжен с неопределенностью и требует подолгу удерживать в фокусе одновременно частные детали и складывающуюся из них общую картину, но именно он делает исследование по-настоящему увлекательным, когда разрозненные фрагменты данных выстраиваются в новое знание [34]. Эта двойственность усугубляется объемом собираемого материала, где даже небольшой проект порождает огромный и разнородный массив данных (полевые заметки, транскрипты, документы), что вызывает ощущение, которое Gibbs называет «утопанием в данных» [35]. Поэтому упорядочивание этого разнообразия, т.е. организация, структурирование и интерпретация заключенного в нем смысла составляет суть качественного анализа.

Marvasti [14] и Flick [12] подчеркивают, что исследователь-качественник размышляет о связях между наблюдениями, формулирует предварительные объяснения и задает новые вопросы уже в процессе сбора материала, то есть сбор данных, анализ и интерпретация образуют не линейную последовательность, а циклический, взаимопроникающий процесс [14, с.83; 12]. В таком случае завершающим этапом исследовательского цикла оказывается не анализ, а интерпретация данных [10, с.147-224; 29], момент, когда выявленные категории соотносятся с исходным исследовательским вопросом, существующей литературой и более широкими социальными процессами. Если анализ отвечает на вопрос «что содержится в данных и как это организовано?», то интерпретация отвечает на вопрос «что это означает и почему это важно?».

Применительно к кодированию этот принцип операционализирует Saldaña [31]: «если исследователь добросовестно и, при необходимости, неоднократно применял методы первого цикла кодирования, переводил их в более обобщенные конструкты через методы второго цикла и вел содержательный корпус аналитических записок, результатом должны стать устоявшиеся категории, темы или, в лучшем случае, целостная теория» [31, с.185].

Daymon & Holloway [34] уточняют, что именно происходит на этом шаге. Интерпретация, по их определению, это процесс приписывания данным смысла, причем конструирование этого смысла образует не менее непрерывный цикл, чем сам анализ (сбор данных, анализ, интерпретация и вновь сбор данных), а не одностороннее движение к финальной точке [34, с.316]. Практически интерпретация требует от исследователя постоянного «перемещения» между собранным эмпирическим материалом и релевантной литературой. Он не просто фиксирует смыслы, артикулирует самими информантами, но сопоставляет их с выводами других исследователей, работавших со сходной проблематикой, тем самым выходя за пределы самих данных.

Чтобы оценить качество получившейся интерпретации, авторы, опираясь на Patton [34, цит. Daymon & Holloway, с.318], предлагают три критерия: интерпретация должна быть содержательной (соотноситься с исходными исследовательскими вопросами), понятной читателю и достоверной. Для обеспечения досто-

верности они рекомендуют три конкретные исследовательские практики: 1. целенаправленный поиск отклоняющихся случаев и альтернативных объяснений, не укладывающихся в выявленные закономерности; 2. проверку интерпретации самими информантами и последовательную рефлексивность, явное признание собственной позиции, ценностей; 3. предвзятостей, которые повлияли на то, как именно было сконструировано итоговое знание [34, с.318-319].

Особое место в этой логике занимает мысль Marvasti [14], добавляющая измерение, которого не хватает остальным авторам. По мнению автора анализ качественных данных никогда не бывает теоретически нейтральным, поскольку одни и те же данные допускают разные, в равной степени обоснованные прочтения, в зависимости от теоретической оптики исследователя. Автор иллюстрирует это на примере речи бывшего бездомного человека перед студентами: «Я не был одинок в своей проблеме... Сегодня я знаю, что я не один. Есть много людей, которые заботятся...». При объективистском подходе этот фрагмент свидетельство того, что забота окружающих сыграла решающую роль в выходе информанта из бездомности, что могло бы обосновывать необходимость социальных программ поддержки. При конструктивистском подходе тот же текст анализируется не как источник фактов, а как риторически выстроенное повествование об искуплении, где сначала идет рассказ о трудностях («я был один»), затем – о нынешнем благополучии («сегодня я не один»). Marvasti [14] показывает, что стигматизированные информанты сознательно используют собственный опыт стигмы для конструирования позитивного образа себя [14]. При этом автор считает, что ни одна теоретическая оптика не ошибочна, т.к. они отвечают на разные вопросы, вытекающие из разных теоретических допущений о социальной реальности. Объективизм и конструктивизм не конкурируют за то, какой из них вернее отражает единую объективную реальность, а задают данным принципиально разные вопросы.

Это же различие Marvasti [14] прослеживает и в самом кодировании, сопоставляя объективистскую и конструктивистскую версии обоснованной теории Charmaz [15]. В первой смысл «обнаруживается» в данных как факт, во второй конструируется через две фазы кодирования – инициальную («что здесь происходит?») и целенаправленную, укрупняющую повторяющиеся коды до теоретически нагруженных категорий [15, с.686]. Именно из этого различия вытекает практическое следствие, на которое указывает Charmaz [15], что если категория не обнаруживается в данных как готовый факт, а конструируется самим исследователем, то у нее нет иной опоры на достоверность, кроме постоянной проверки на соответствие материалу. Поэтому Charmaz [15] настаивает на сохранении эмпирической чувствительности и гибкости на всем протяжении анализа, недогматичном отношении к однажды выбранным кодам и готовности заменить их другим набором понятий, если те перестают «схватывать» данные, а также на пересмотре и подкреплении стратегии кодирования через обращение к академической литературе и, при необходимости, через сбор дополнительных данных [15].

Таким образом, переход от сбора данных к их анализу и интерпретации в качественном исследовании нельзя свести к последовательности формальных

процедур. Как показывают Daymon & Holloway [34], это принципиально циклический, взаимопроникающий процесс, в котором сбор материала, анализ и интерпретация постоянно возвращаются друг к другу, а не движутся к единой финальной точке, и уже это делает бессмысленной попытку отделить «нейтральное упорядочивание данных» от их истолкования. Marvasti и Flick [14; 12] независимо друг от друга подтверждают эту мысль на уровне самого исследовательского процесса, уже во время сбора данных исследователь размышляет над связями между наблюдениями и формулирует предварительные объяснения, а значит, интерпретация начинается не постфактум, а вместе с самими данными.

Поэтому центральной для раздела оказывается мысль Marvasti [14]: анализ качественных данных не нейтрален, и множественность прочтений одного и того же материала это не издержка метода, требующая устранения, а его неотъемлемое свойство, вытекающее из того, что объективистская и конструктивистская оптики отвечают не на один и тот же, а на разные вопросы о социальной реальности. Отказ признать эту множественность и есть главная методологическая ошибка, поскольку он превращает выбранную исследователем интерпретацию в маскировку под факт, то, против чего прямо предостерегает и Charmaz [15], настаивая, что категория не обнаруживается в данных, а конструируется, и потому обязана оставаться открытой для пересмотра, а не застывать в статусе окончательного вывода. Практически это требует от исследователя усилий намеренно искать случаи и объяснения, не укладывающиеся в уже выявленную закономерность, сверять получившуюся интерпретацию с самими информантами и последовательно признавать собственную позицию, ценности и предвзятости, повлиявшие на то, как было сконструировано итоговое знание [34].

Однако важно понимать, что непризнание собственных методологических заблуждений при анализе и интерпретации – это не только методологическая ошибка, когда исследователь принимает сконструированную им категорию за объективно «обнаруженный» факт, как указывали Marvasti [14] и Charmaz [15]. Это еще и вопрос академической честности, когда исследователь сознательно закрывает глаза на явные методологические ошибки, игнорирует отклоняющиеся случаи вместо того, чтобы искать их, отказывается пересматривать категорию, которая перестала соответствовать данным, или выдает одно из возможных прочтений за единственно верное. В этом случае он не просто ошибается методологически, а нарушает базовое обязательство перед научным сообществом и обществом в целом. Такая позиция подрывает не только достоверность конкретного исследования, но и доверие к качественным методам, поскольку решения, основанные на непроверенных или сознательно упрощенных интерпретациях, способны вводить в заблуждение как научное сообщество, так и практиков, принимающих решения на основе этих данных.

Отсюда и вытекает главное правило, которое стоит держать в голове при работе с собственным материалом – сила интерпретации определяется не тем, удалось ли исследователю найти единственно верное прочтение данных, а тем, насколько прозрачно и честно он удерживает и обосновывает избранную им теоретическую позицию возвращаясь к данным, ищет случаи, не укладывающиеся

в выявленную закономерность, признает собственную роль в конструировании того знания, которое в итоге предъявляет читателю, и открыто называет пределы и слабые места собственной интерпретации, а не скрывает их за видимостью методологической строгости.

Практическую реализацию описанного выше перехода от кода к категории удобно показать на примере MAXQDA. Важно сразу отметить, что сама по себе она не выявляет причинно-следственные связи и не интерпретирует данные, она визуализирует структуру уже присвоенных кодов и их совместное появление в материале, оставляя объяснение этих связей за исследователем. Смещение того, что показывает инструмент, с тем, что из этого следует, было бы ровно той методологической небрежностью, против которой предостерегают и Marvasti [14] и Charmaz [15], когда настаивают на признании собственной роли в конструировании знания, а не выдаче его за «обнаруженный» факт.

Функционал **Браузер кодовых связей** (Рис.5) особенно точно иллюстрирует логику, о которой шла речь выше. Он показывает, какие категории регулярно возникают в одних и тех же фрагментах данных. Эта совместная встречаемость не более чем ассоциация, то, что два кода систематически соседствуют в тексте, не доказательство, а лишь основание для вопроса «почему они оказываются связаны?» и «что эта связь означает применительно к исследовательскому вопросу?». Тем самым инструмент повторяет ту логику, которую Marvasti [14] описывает на уровне теоретической оптики, что визуализация связи между кодами допускает разные объяснения, и выбор между ними – задача исследователя, а не программы.

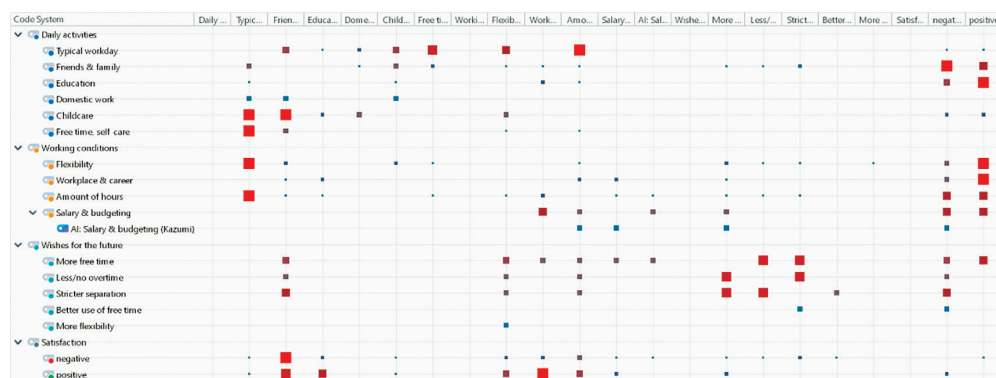

Рисунок-5. Результат Code Relations Browser
(на основе данных проекта «Work-Life Balance»)

Матрица (Рис. 5) наглядно показывает цвет и размер квадрата на пересечении двух кодов, что отражает частоту их совместной встречаемости в одном сегменте данных. Например, «Typical workday» чаще всего пересекается с «Amount of hours» и «Flexibility», а «Less/no overtime» и «Stricter separation» с кодом «negative» из блока «Satisfaction». Матрица лишь фиксирует эти совпадения, а для этого, чтобы объяснить, почему коды оказываются рядом исследователь возвраща-

ется к самим сегментам текста, стоящим за квадратом на пересечении, и через их прочтение, с опорой на исходные высказывания информантов и на существующую литературу, решает, отражает ли связь причинную зависимость (например, именно негибкость графика порождает жалобы), общий контекст высказывания.

Модель «Кодовая теория» не просто отображает закодированный фрагмент данных, а требует от исследователя сформулировать по каждой ячейке связное аналитическое суждение, то, что Charmaz [15] называет написанием исследовательской заметки.

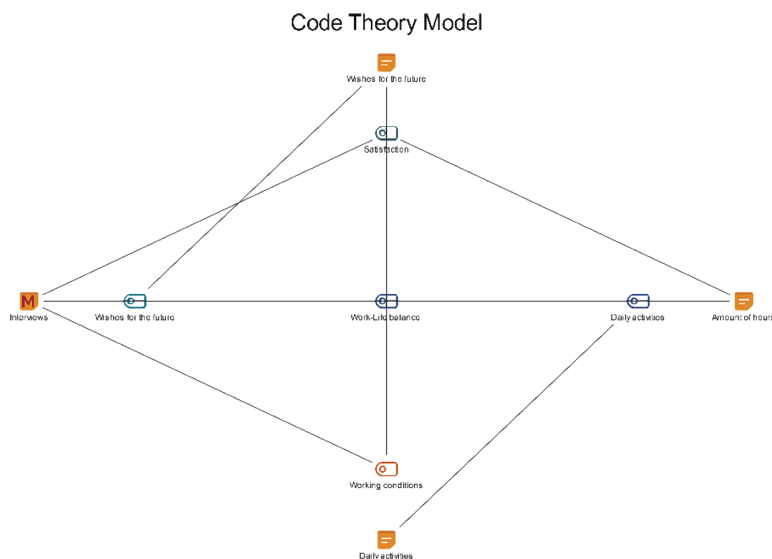

Рисунок-6. Результат Code Theory Model
(на основе данных проекта «Work-Life Balance»)

Модель «Кодовая теория» (Рис. 6) визуализирует переход от разрозненной сети совместных встречаемостей к связному теоретическому суждению. В центре расположена сама категория «Work-Life Balance», от которой исследователь провел линии к субкодам «Daily activities», «Working conditions», «Wishes for the future» и «Satisfaction», а также, в обход центра, напрямую связал отдельные коды и источник данных между собой: «Interviews» с «Wishes for the future» и «Amount of hours», «Daily activities» с «Amount of hours» и «Working conditions». В отличие от Браузера кодовых связей, где связи возникают автоматически на основе частоты совпадений, здесь каждая линия не статистический факт, а решение самого исследователя, где он выбирает, какие именно коды считает содержательно связанными, и тем самым переводит матрицу совместной встречаемости в предварительную концептуальную модель.

Наконец, инструмент Summary Grid (Рис.7) особенно точно иллюстрирует другую сторону той же логики. Он не просто отображает закодированный фрагмент данных, а требует от исследователя сформулировать по каждой ячейке связное аналитическое суждение.

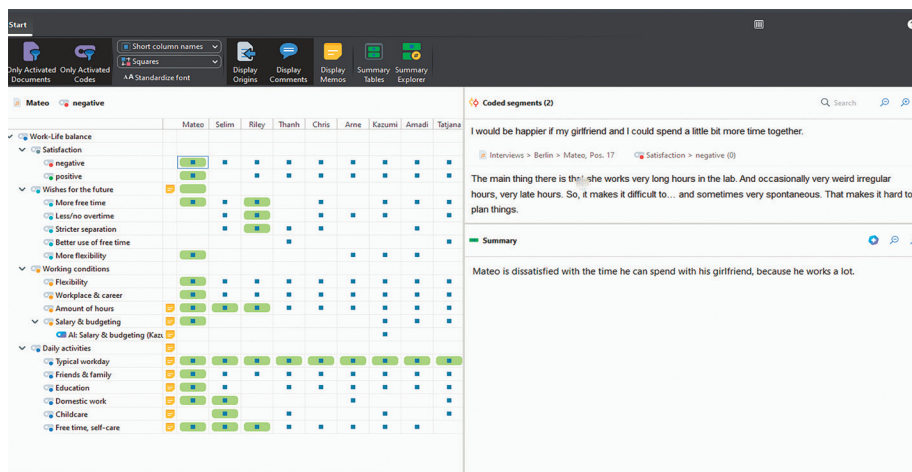

Рисунок-7. Результат Summary Grid (на основе данных проекта «Work-Life Balance»)

Ключевое отличие Summary Grid в том, что происходит справа. При выделении конкретной ячейки инструмент выводит сами закодированные сегменты, в данном случае две цитаты Матео о нехватке времени на отношения с девушкой из-за долгих и непредсказуемых рабочих часов, и открывает поле «Summary» для исследовательской заметки. Здесь исследователь не просто фиксирует, что сегмент относится к коду «negative», а формулирует связное аналитическое суждение о том, что этот сегмент означает: «Матео недоволен тем, сколько времени он может проводить с девушкой, потому что много работает». Charmaz [15] называет это написанием исследовательской заметки. Программа задает лишь структуру для этого шага (ячейку, поле, привязку к коду и информанту), само содержание интерпретации, ее обоснованность и точность остаются полностью на ответственности исследователя, а не инструмента.

Таким образом, аналитические инструменты MAXQDA не заменяют интерпретацию и не производят ее автоматически, они делают зримой и проверяемой саму структуру категорий и их связей, ту работу, которую исследователь в любом случае обязан проделать сам, если хочет, чтобы данные не просто были организованы, но обрели смысл.

Заключение

Представленный в статье материал позволяет сделать вывод, выходящий за рамки простой демонстрации функционала MAXQDA. Качество качественного исследования определяется не тем, используется ли специализированная программа, а тем, насколько последовательно исследователь разделяет организацию данных и их интерпретацию.

Кодирование, показанное на примере демонстрационного проекта «Work-Life Balance», позволяет увидеть один из основных рисков, с которым сталкивается начинающий исследователь — это сведение аналитической работы к присвоению тексту отдельных меток. Переход от отдельного высказывания к субкоду и далее

к категории требует не только технической разметки, но и постоянного внимания к тому, как отдельные детали складываются в общую картину. На этом этапе формируется аналитическая структура, к которой исследователь может возвращаться и сопоставлять ее с исходным материалом.

При этом кодирование, даже проведенное достаточно тщательно, остается только одним из этапов анализа. Как отмечает Marvasti [14], качественный анализ не является теоретически нейтральным. Одни и те же данные могут получить разные интерпретации в зависимости от выбранной исследователем аналитической перспективы. Поэтому игнорирование этого обстоятельства становится методологической проблемой. В таком случае собственная интерпретация исследователя может быть представлена как непосредственное описание фактов. По этой причине требование Charmaz [15] сохранять недогматичное отношение к уже сформированным категориям и пересматривать их при несоответствии данным имеет принципиальное значение для качественного исследования.

Из проведенного анализа вытекают следующие выводы:

Интерпретация начинается не после кодирования, а вместе с ним. Разделение сбора данных, анализа и интерпретации на последовательные этапы является скорее методологическим упрощением. Предварительные объяснения и связи между наблюдениями начинают формироваться уже в процессе присвоения первых кодов.

Множественность является свойством качественного анализа, которое невозможно полностью устранить. Исследователь может выбрать одну из нескольких возможных интерпретаций, однако это не означает, что она является единственно верной. Здесь важно показывать, каким образом исследователь пришел к своему выводу и на чем он основан.

Программное обеспечение не снимает с исследователя интерпретативной ответственности. Инструменты MAXQDA помогают увидеть структуру данных и совместную встречаемость кодов. Однако они не устанавливают причинно-следственные связи и не формулируют аналитические выводы.

Достоверность обеспечивается практикой. Поиск отклоняющихся случаев, проверка интерпретации самими информантами и последовательная рефлексивность являются конкретными исследовательскими действиями. Они не должны появляться в тексте статьи в виде цитат только как формальное подтверждение достоверности уже полученных результатов.

Непризнание методологических заблуждений является не только аналитической, но и этической проблемой. Игнорирование отклоняющихся случаев, отказ пересматривать категории, которые перестали соответствовать реальности, и представление одного из возможных прочтений как единственно верного снижают доверие не только к конкретному исследованию, но и к качественной методологии в целом. Это особенно важно учитывать в исследованиях, результаты которых используются при принятии практических и управленческих решений.

При этом, представленный в статье алгоритм не претендует на статус универсальной модели анализа качественных данных. Его значение заключается не столько в технической демонстрации возможностей MAXQDA, сколько в том,

что он позволяет показать сам процесс методологического выбора. Обычно этот процесс остается за пределами текста статьи и поэтому недоступен для критической оценки читателем. В данном случае внимание переносится не только на полученный результат, но и на то, каким образом исследователь к нему пришел.

Именно устранение этого разрыва между результатом исследования и путем, которым он был получен, представляется одной из наиболее важных задач для дальнейшего развития качественной методологии. Это особенно актуально для казахстанской социологии, где развитие качественных методов требует не только освоения современных программ, но и более внимательного отношения к логике построения самого исследования.

Список литературы

1. От данных к инсайтам: качественный анализ в MAXQDA: методическое пособие / Ж. Накипбаева, С. Ермаханова, Г. Касимова. – Астана: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2026. – 120 с.
2. Armstrong, D., Gosling, A., Weinman, J., Marteau, T. The place of inter-rater reliability in qualitative research: An empirical study // *Sociology*. – 1997. – Vol. 31, No. 3. – P. 597–606. – DOI: 10.1177/0038038597031003015.
3. Campbell, J. L., Quincy, C., Osserman, J., Pedersen, O. K. Coding in-depth semistructured interviews: Problems of unitization and intercoder reliability and agreement // *Sociological Methods & Research*. – 2013. – Vol. 42, No. 3. – P. 294–320. – DOI: 10.1177/0049124113500475.
4. Nowell, L. S., Norris, J. M., White, D. E., Moules, N. J. Thematic analysis: Striving to meet the trustworthiness criteria // *International Journal of Qualitative Methods*. – 2017. – Vol. 16, No. 1. – DOI: 10.1177/1609406917733847.
5. Strauss, A., Corbin, J. *Basics of Qualitative Research: Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory*. – Thousand Oaks: SAGE Publications, 2015.
6. Miles, M. B., Huberman, A. M., Saldaña, J. *Qualitative Data Analysis: A Methods Sourcebook*. – 4th ed. – Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2020. – 381 p.
7. Saldaña, J. *The Coding Manual for Qualitative Researchers*. – 4th ed. – London: SAGE Publications, 2021.
8. Braun, V., Clarke, V. Using thematic analysis in psychology // *Qualitative Research in Psychology*. – 2006. – Vol. 3, No. 2. – P. 77–101
9. Braun, V., Clarke, V. *Thematic Analysis: A Practical Guide*. – London: SAGE Publications, 2021.
10. Creswell, J. W., Poth, C. N. *Qualitative Inquiry and Research Design: Choosing Among Five Approaches*. – 4th ed. – Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2018.
11. Denzin, N. K., Lincoln, Y. S. *The SAGE Handbook of Qualitative Research* / ed. by N. K. Denzin, Y. S. Lincoln. – 3rd ed. – Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2005.
12. Flick, U. *An Introduction to Qualitative Research*. – 4th ed. – London: SAGE Publications Ltd., 2009.
13. Hammersley, M. *Dilemma Qualitative Method*. – 1st ed. – London: Routledge, 1989. – DOI: 10.4324/9780203392904.
14. Marvasti, A. B. *Qualitative Research in Sociology: An Introduction*. – London: SAGE Publications, 2004
15. Charmaz, K. Qualitative interviewing and grounded theory analysis // *Handbook of Interview Research: Context and Method* / ed. by J. F. Gubrium, J. A. Holstein. – Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2002.

16. Braun, V., & Clarke, V. (2019). Reflecting on reflexive thematic analysis. *Qualitative Research in Sport, Exercise and Health*, 11(4), 589–597. <https://doi.org/10.1080/2159676X.2019.1628806>
17. Braun, V., Clarke, V. Reflecting on reflexive thematic analysis // *Qualitative Research in Sport, Exercise and Health*. – 2019. – Vol. 11, No. 4. – P. 589–597. – DOI: 10.1080/2159676X.2019.1628806
18. Scheurich, J. J. A postmodernist critique of research interviewing // *International Journal of Qualitative Studies in Education*. – 1995. – Vol. 8, No. 3. – P. 239–252. – DOI: 10.1080/0951839950080303.
19. Dani, A., Al Quraan, E. Investigating research students' perceptions about statistics and its impact on their choice of research approach // *Heliyon*. – 2023. – Vol. 9, No. 10. – Article e20423. – DOI: 10.1016/j.heliyon.2023.e20423.
20. Thunberg, S., Arnell, L. Pioneering the use of technologies in qualitative research – A research review of the use of digital interviews // *International Journal of Social Research Methodology*. – 2022. – Vol. 25, No. 6. – P. 757–768. – DOI: 10.1080/13645579.2021.1935565.
21. Coffey, A., Atkinson, P. *Making Sense of Qualitative Data: Complementary Research Strategies*. – Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 1996.
22. Roulston, K. Considering quality in qualitative interviewing // *Qualitative Research*. – 2010. – Vol. 10, No. 2. – P. 199–228.
23. Glaser, B. G., Strauss, A. L. *The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research*. – Chicago: Aldine Publishing Company, 1967.
24. Lofland J., Snow D., Anderson L., Lofland L. H. *Analyzing Social Settings: A Guide to Qualitative Observation and Analysis*. 4th ed. Belmont, CA: Wadsworth/Thomson Learning, 2006. 282 p.
25. Ragin C. C. *Constructing Social Research: The Unity and Diversity of Method*. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press, 1994. 194 p.
26. Charmaz K. *Constructing Grounded Theory: A Practical Guide Through Qualitative Analysis*. London; Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2006. 208 p.
27. Silverman D. *Interpreting Qualitative Data: A Guide to the Principles of Qualitative Research*. 4th ed. Los Angeles: SAGE, 2011. 500 p.
28. Goodwin J., Horowitz R. Introduction: The Methodological Strengths and Dilemmas of Qualitative Sociology // *Qualitative Sociology*. 2002. Vol. 25, No. 1. P. 33–47. DOI: 10.1023/A:1014300123105.
29. Mason J. *Qualitative Researching*. 3rd ed. London: SAGE Publications Ltd, 2018. 288 p.
30. Strauss A. L. *Qualitative Analysis for Social Scientists*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 319 p.
31. Saldaña J. *The Coding Manual for Qualitative Researchers*. Los Angeles: SAGE Publications, 2009. 223 p.
32. Страусс А., Корбин Дж. *Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники* / пер. с англ. и послесловие Т. С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
33. Creswell J. W. *Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches*. 3rd ed. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2009. 260 p.
34. Daymon C., Holloway I. *Qualitative Research Methods in Public Relations and Marketing Communications*. 2nd ed. London: Routledge, 2011. 397 p.
35. Gibbs G. R. *Analyzing Qualitative Data*. Los Angeles: SAGE Publications, 2007. 160 p.

Transliteration

1. Nakipbaeva Zh., Ermahanova S., Kasimova G. Ot dannyh k insajtam: kachestvennyj analiz v MAXQDA [From data to insights: qualitative analysis in MAXQDA]: metodicheskoe

posobie. – Astana: Kazhastanskij institut strategicheskikh issledovanij pri Prezidente RK, 2026. – 120 s. (in Russ)

2. Armstrong, D., Gosling, A., Weinman, J., Marteau, T. The place of inter-rater reliability in qualitative research: An empirical study // *Sociology*. – 1997. – Vol. 31, No. 3. – P. 597–606. – DOI: 10.1177/0038038597031003015.

3. Campbell, J. L., Quincy, C., Osserman, J., Pedersen, O. K. Coding in-depth semistructured interviews: Problems of unitization and intercoder reliability and agreement // *Sociological Methods & Research*. – 2013. – Vol. 42, No. 3. – P. 294–320. – DOI: 10.1177/0049124113500475.

4. Nowell, L. S., Norris, J. M., White, D. E., Moules, N. J. Thematic analysis: Striving to meet the trustworthiness criteria // *International Journal of Qualitative Methods*. – 2017. – Vol. 16, No. 1. – DOI: 10.1177/1609406917733847.

5. Strauss, A., Corbin, J. *Basics of Qualitative Research: Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory*. – Thousand Oaks: SAGE Publications, 2015.

6. Miles, M. B., Huberman, A. M., Saldaña, J. *Qualitative Data Analysis: A Methods Sourcebook*. – 4th ed. – Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2020. – 381 p.

7. Saldaña, J. *The Coding Manual for Qualitative Researchers*. – 4th ed. – London: SAGE Publications, 2021.

8. Braun, V., Clarke, V. Using thematic analysis in psychology // *Qualitative Research in Psychology*. – 2006. – Vol. 3, No. 2. – P. 77–101

9. Braun, V., Clarke, V. *Thematic Analysis: A Practical Guide*. – London: SAGE Publications, 2021.

10. Creswell, J. W., Poth, C. N. *Qualitative Inquiry and Research Design: Choosing Among Five Approaches*. – 4th ed. – Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2018.

11. Denzin, N. K., Lincoln, Y. S. *The SAGE Handbook of Qualitative Research* / ed. by N. K. Denzin, Y. S. Lincoln. – 3rd ed. – Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2005.

12. Flick, U. *An Introduction to Qualitative Research*. – 4th ed. – London: SAGE Publications Ltd., 2009.

13. Hammersley, M. *Dilemma Qualitative Method*. – 1st ed. – London: Routledge, 1989. – DOI: 10.4324/9780203392904.

14. Marvasti, A. B. *Qualitative Research in Sociology: An Introduction*. – London: SAGE Publications, 2004

15. Charmaz, K. Qualitative interviewing and grounded theory analysis // *Handbook of Interview Research: Context and Method* / ed. by J. F. Gubrium, J. A. Holstein. – Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2002.

16. Braun, V., & Clarke, V. (2019). Reflecting on reflexive thematic analysis. *Qualitative Research in Sport, Exercise and Health*, 11(4), 589–597. <https://doi.org/10.1080/2159676X.2019.1628806>

17. Braun, V., Clarke, V. Reflecting on reflexive thematic analysis // *Qualitative Research in Sport, Exercise and Health*. – 2019. – Vol. 11, No. 4. – P. 589–597. – DOI: 10.1080/2159676X.2019.1628806

18. Scheurich, J. J. A postmodernist critique of research interviewing // *International Journal of Qualitative Studies in Education*. – 1995. – Vol. 8, No. 3. – P. 239–252. – DOI: 10.1080/0951839950080303.

19. Dani, A., Al Quraan, E. Investigating research students' perceptions about statistics and its impact on their choice of research approach // *Heliyon*. – 2023. – Vol. 9, No. 10. – Article e20423. – DOI: 10.1016/j.heliyon.2023.e20423.

20. Thunberg, S., Arnell, L. Pioneering the use of technologies in qualitative research – A research review of the use of digital interviews // *International Journal of Social Research Methodology*. – 2022. – Vol. 25, No. 6. – P. 757–768. – DOI: 10.1080/13645579.2021.1935565.

21. Coffey, A., Atkinson, P. Making Sense of Qualitative Data: Complementary Research Strategies. – Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 1996.
22. Roulston, K. Considering quality in qualitative interviewing // Qualitative Research. – 2010. – Vol. 10, No. 2. – P. 199–228.
23. Glaser, B. G., Strauss, A. L. The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research. – Chicago: Aldine Publishing Company, 1967.
24. Lofland J., Snow D., Anderson L., Lofland L. H. Analyzing Social Settings: A Guide to Qualitative Observation and Analysis. 4th ed. Belmont, CA: Wadsworth/Thomson Learning, 2006. 282 p.
25. Ragin C. C. Constructing Social Research: The Unity and Diversity of Method. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press, 1994. 194 p.
26. Charmaz K. Constructing Grounded Theory: A Practical Guide Through Qualitative Analysis. London ; Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2006. 208 p.
27. Silverman D. Interpreting Qualitative Data: A Guide to the Principles of Qualitative Research. 4th ed. Los Angeles: SAGE, 2011. 500 p.
28. Goodwin J., Horowitz R. Introduction: The Methodological Strengths and Dilemmas of Qualitative Sociology // Qualitative Sociology. 2002. Vol. 25, No. 1. P. 33–47. DOI: 10.1023/A:1014300123105.
29. Mason J. Qualitative Researching. 3rd ed. London: SAGE Publications Ltd, 2018. 288 p.
30. Strauss A. L. Qualitative Analysis for Social Scientists. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 319 p.
31. Saldaña J. The Coding Manual for Qualitative Researchers. Los Angeles: SAGE Publications, 2009. 223 p.
32. Strauss A., Korbin Dzh. Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, procedury i tehniki [Basics of Qualitative Research: Grounded Theory, Procedures and Techniques] / per. s angl. i posleslovie T. S. Vasil'evoy. – M.: Jeditorial URSS, 2001. – 256 s. (in Russ).
33. Creswell J. W. Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches. 3rd ed. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2009. 260 p.
34. Daymon C., Holloway I. Qualitative Research Methods in Public Relations and Marketing Communications. 2nd ed. London: Routledge, 2011. 397 p.
35. Gibbs G. R. Analyzing Qualitative Data. Los Angeles: SAGE Publications, 2007. 160 p.

Авторлар туралы мәлімет / Сведения об авторах / Information about authors

Жанар Абдуакановна Накипбаева	Главный эксперт, Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, Астана, Казахстан, email: zhanarnakipbayeva@gmail.com, ORCID ID https://orcid.org/0000-0003-3422-841X
Жанар Абдуакановна Накипбаева	Бас сарапшысы, Қазақстан Республикасының Президенті жанындағы Қазақстанның стратегиялық зерттеулер институты, Астана, Қазақстан, email: zhanarnakipbayeva@gmail.com, ORCID ID https://orcid.org/0000-0003-3422-841X
Zhanar Nakipbayeva	Chief expert, The Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan, email: zhanarnakipbayeva@gmail.com, ORCID ID https://orcid.org/0000-0003-3422-841X

МРНТИ 05.41.00; 05.61.21

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ӨЗБЕК, ҰЙҒЫР ЖӘНЕ ДҮНГЕН ЭТНОСТАРЫНЫҢ КЕҢІСТІКТІК ҚОНЫСТАНУ МОДЕЛЬДЕРІ: ДИНАМИКАСЫ МЕН ӨЗГЕРУ БАҒЫТТАРЫ

¹Айгуль САДВОКАСОВА, ²Дінмұхаммед ҒАЛИ

¹Философия, саясаттану және дінтану институты, Алматы, Қазақстан

²Қолданбалы этносаяси зерттеулер институты, Астана, Қазақстан
esenai2020@gmail.com

Осы мақалаға сілтеме: Садвокасова А.К., Ғали Д.Ә. Қазақстандағы өзбек, ұйғыр және дүнген этностарының кеңістіктік қоныстану модельдері: динамикасы мен өзгеру бағыттары// SOCIOLOGY.KZ – 2026. – № 3(3). – Б.28 – 51. <https://doi.org/10.48010/2026.3/sskz.26>

Аңдатпа. Мақалада 2023–2025 жылдары Қазақстандағы өзбек, ұйғыр және дүнген этностарының кеңістіктік қоныстану модельдеріне салыстырмалы талдау жүргізілді. Сонымен қатар жекелеген аумақтардағы 2020–2025 жылдар аралығындағы динамика салыстырылды. Зерттеудің мақсаты – тұрақты аумақтық қоныстану өзектерін анықтау, кеңістіктік өзгерістердің бағыттарын айқындау және үш этностың қоныстану құрылымдарындағы қалалық және ауылдық құрамдастарды салыстыру. Зерттеудің эмпирикалық негізін Қазақстан Республикасы Ұлттық статистика бюросының деректері құрады. Бұл деректер Қолданбалы этносаяси зерттеулер институтының жекелеген елді мекендерге қатысты мониторинг материалдарымен толықтырылды. Талдау жалпыұлттық, өңірлік, аудандық, қалалық және жекелеген елді мекендер деңгейінде жүргізілді. Нәтижесінде этностардың негізгі шоғырлану аумақтарын, қоныстану түрлері мен ірі қалалық орталықтарын, сондай-ақ қоныстану географиясындағы өзгерістердің бағыттарын көрсететін салыстырмалы схема әзірленді.

Әр этнос өкілдерінің 90%-дан астамы негізгі шоғырлану аумақтарында тұратыны анықталды. Алайда бұл аумақтардың ішкі кеңістіктік ұйымдасуы әртүрлі. Өзбек этносының қоныстану моделі жергілікті этникалық көпшілік қалыптасқан аудандар мен Шымкенттегі ірі қалалық орталықты біріктіретін тұрақты оңтүстік қалалық-ауылдық жүйе ретінде қалыптасқан. Ұйғыр этносының қоныстану моделі полицентрлі оңтүстік-шығыстық құрылымымен ерекшеленеді. Бұл модельде Алматы мен агломерациялық аумақтардың рөлі күшейіп, Ұйғыр және Панфилов аудандарындағы динамика әртүрлі бағытта өзгерген. Дүнген этносының қоныстану моделі Қордай ауданындағы негізгі

ауылдық өзекті, Жамбыл ауданындағы қосымша орталықты және Алматы, Астана мен Қарағанды облысының жекелеген аумақтарындағы жедел өсуді ұштастырады. Зерттелген кезеңде дәстүрлі ареалдар шешуші маңызын сақтағанымен, ірі қалалар мен қосалқы орталықтардың күшеюі қоныстану құрылымын біртіндеп күрделендіргені көрсетілді.

Зерттеудің ғылыми жаңалығы Қазақстандағы үш этностың қоныстану модельдерін бірыңғай көрсеткіштер жүйесі бойынша көпдеңгейлі салыстыру-мен айқындалады. Аумақтық шоғырлану мен әлеуметтік-институционалдық анклавануды ажырату зерттеудің әдіснамалық қағидаты ретінде қолданылды. Ықшам қоныстану көрсеткіштерінің өзі этностардың әлеуметтік байланыстары мен қоғамдық өмірге қатысу деңгейін бағалауға жеткіліксіз деген қорытынды жасалды.

Түйін сөздер: ықшам қоныстану, аумақтық шоғырлану, кеңістіктік модельдер, өзбектер, ұйғырлар, дүнгендер, урбандалу, агломерация.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ МОДЕЛИ РАССЕЛЕНИЯ УЗБЕКСКОГО, УЙГУРСКОГО И ДУНГАНСКОГО ЭТНОСОВ В КАЗАХСТАНЕ: ДИНАМИКА И НАПРАВЛЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЙ

¹Айгуль САДВОКАСОВА, ²Дінмұхаммед ҒАЛИ

¹Институт философии, политологии и религиоведения, Алматы, Казахстан

²Институт прикладных этнополитических исследований, Астана, Казахстан

SPATIAL SETTLEMENT PATTERNS OF THE UZBEK, UYGHUR, AND DUNGAN ETHNIC GROUPS IN KAZAKHSTAN: DYNAMICS AND DIRECTIONS OF CHANGE

¹Aigul SADVOKASSOVA, ²Dinmukhammed GALI

¹Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies, Almaty, Kazakhstan

²Institute of Applied Ethnopolitical Research, Astana, Kazakhstan

Abstract. The article presents a comparative analysis of the spatial settlement patterns of the Uzbek, Uyghur, and Dungan ethnic groups in Kazakhstan in 2023–2025. In addition, trends in selected areas over the period 2020–2025 are compared. The study aims to identify stable territorial settlement cores, determine the directions of spatial change, and compare the urban and rural components of the settlement structures of the three ethnic groups. The empirical basis of the study consists of data from the Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan.

Аннотация. В статье проведён сравнительный анализ пространственных моделей расселения узбекского, уйгурского и дунганского этносов в Казахстане в 2023–2025 годах. Кроме того, сопоставлена динамика отдельных территорий за 2020–2025 годы. Цель исследования - выявить устойчивые территориальные ядра расселения, определить направления пространственных изменений и сравнить городские и сельские компоненты структуры расселения трёх этносов. Эмпирическую основу исследования составили данные Бюро национальной статистики Республики Казахстан.

These data were supplemented by monitoring materials from the Institute of Applied Ethnopolitical Research covering selected settlements. The analysis was conducted at the national, regional, district, city, and individual settlement levels. Based on the results, a comparative framework was developed to present the principal areas of ethnic concentration, settlement types, major urban centers, and directions of change in settlement geography.

More than 90% of each group was found to reside in its principal areas of concentration. However, the internal spatial organization of these areas differs. The settlement pattern of the Uzbek ethnic group constitutes a stable southern urban-rural system combining districts with local ethnic majorities and the major urban center of Shymkent. The Uyghur settlement pattern is characterized by a polycentric southeastern structure. Within this model, the role of Almaty and its agglomeration areas has increased, while trends in the Uyghur and Panfilov districts have moved in different directions. The Dungan settlement pattern combines a principal rural core in Korday District, a secondary center in Zhambyl District, and rapid growth in Almaty, Astana, and selected areas of the Karaganda Region. Although traditional settlement areas retained their decisive importance during the study period, the growing role of major cities and secondary centers gradually increased the complexity of the settlement structure.

The scientific contribution of the study lies in its multilevel comparison of the settlement patterns of the three ethnic groups in Kazakhstan using a unified system of indicators. The distinction between territorial concentration and social and institutional enclave formation was adopted as a methodological principle. The study concludes that compact-settlement indicators alone are insufficient to assess ethnic groups' social ties and levels of participation in public life.

Keywords: compact settlement, territorial concentration, spatial patterns, Uzbeks, Uyghurs, Dungans, urbanization, agglomeration.

Они были дополнены материалами мониторинга Института прикладных этнополитических исследований по отдельным населённым пунктам. Анализ проведён на общенациональном, региональном, районном и городском уровнях, а также на уровне отдельных населённых пунктов. По результатам разработана сравнительная схема, отражающая основные территории концентрации этносов, типы расселения, крупные городские центры и направления изменений географии расселения.

Установлено, что свыше 90% представителей каждой группы проживает на основных территориях концентрации. Вместе с тем внутренняя пространственная организация этих территорий различается. Модель расселения узбекского этноса представляет собой устойчивую южную городско-сельскую систему, объединяющую районы с локальным этническим большинством и крупный городской центр в Шымкенте. Модель расселения уйгурского этноса характеризуется полицентрической юго-восточной структурой. В рамках этой модели усилилась роль Алматы и агломерационных территорий, тогда как динамика в Уйгурском и Панфиловском районах была разнонаправленной. Модель расселения дунганского этноса сочетает основное сельское ядро в Кордайском районе, дополнительный центр в Жамбылском районе и быстрый рост в Алматы, Астане и на отдельных территориях Карагандинской области. Показано, что в исследуемый период традиционные ареалы сохранили определяющее значение, однако усиление крупных городов и центров второго уровня постепенно усложняло структуру расселения.

Научная новизна исследования состоит в многоуровневом сравнении моделей расселения трёх этносов Казахстана на основе единой системы показателей. Разграничение территориальной концентрации и социально-институциональной анклавизации использовано в качестве методологического принципа исследования. Сделан вывод, что показатели компактного расселения сами по себе недостаточны для оценки социальных связей этносов и уровня их участия в общественной жизни.

Ключевые слова: компактное расселение, территориальная концентрация, пространственные модели, узбеки, уйгуры, дунганы, урбанизация, агломерация.

Кіріспе

Қазақстанда көптеген этностар шашыраңқы қоныстанса, кейбірі тарихи қалыптасқан белгілі бір аумақтарда тығыз шоғырланған. Өзбек, ұйғыр және дүнген этностары негізінен елдің оңтүстігі мен оңтүстік-шығысында қоныстанған. Олардың қазіргі географиясы ұзақ мерзімді тарихи қоныстану, тарихи қоныстану, халықтың табиғи қозғалысы, сыртқы және ішкі көші-қон, урбандалу және әкімшілік-аумақтық өзгерістер ықпалымен қалыптасты.

Ықшам қоныстану көбіне қауымдастықтың әлеуметтік тұйықтығымен теңестіріледі. Алайда аумақтық шоғырлану мен әлеуметтік-институционалдық оқшаулану бір ұғым емес. Осы мақалада бұл ұғымдар ажыратылады: демографиялық көрсеткіштер этникалық топтардың кеңістікте орналасуын сипаттау үшін пайдаланылады, алайда олар этникалық топтардың әлеуметтік тұйықтығын немесе әлеуметтік ықпалдасу деңгейінің төмендігін өздігінен дәлелдемейді.

Қоныстанудың кеңістіктік моделі этникалық топтың аумақта қалай орналасқанын сипаттайды. Ол негізгі шоғырлану аумақтарын, қалалық және ауылдық халықтың арақатынасын, жергілікті орталықтарды және кеңістіктік өзгерістердің бағыттарын қамтиды. Осы тәсіл арқылы әр топтың жалпы қоныстану моделін айқындауға болады. Оның құрамындағы аумақтық нысандар, атап айтқанда аудандық деңгейдегі ықшам қоныстану, қалалық шоғырлану және шашыраңқы қоныстану жеке қарастырылады.

Зерттеудің өзектілігі жалпыұлттық көрсеткіштердің ішкі кеңістіктік өзгерістерді толық көрсете бермейтіндігімен байланысты. Мегаполистер мен агломерациялық аумақтардағы өсім дәстүрлі аудандық орталықтардағы тұрақтанумен немесе қысқарумен қатар жүруі мүмкін. Сондықтан тарихи ареалдың сақталуы оның ішіндегі халықтың қайта бөлінуіне де, этникалық топтың басқа аумақтарға таралуына да кедергі болмайды.

Зерттеудің эмпирикалық негізін ҚР ҰСБ 2023 және 2025 жылдардың басындағы деректері құрады. Бұл деректер бірқатар аумақтар бойынша салыстырмалы көрсеткіштермен толықтырылды. Талдау жалпыұлттық, өңірлік, аудандық, қалалық және жекелеген елді мекендер деңгейінде жүргізілді.

Мақаланың мақсаты – Қазақстандағы өзбек, ұйғыр және дүнген этностарының тұрақты аумақтық қоныстану өзектерін анықтау, олардың кеңістіктік өзгерістерінің бағыттарын айқындау, қалалық және ауылдық құрамдас бөліктерді салыстыру және тарихи қалыптасқан ареалдардан тыс өсудің сипатын бағалау. Зерттеудің ғылыми жаңалығы Қазақстандағы үш этностың қоныстану модельдерін бірыңғай көрсеткіштер жүйесі негізінде көпдеңгейлі салыстырудан және осы модельдердің кеңістіктік ұйымдасуын сипаттайтын салыстырмалы схеманы әзірлеуден тұрады. Схемада негізгі шоғырлану аумақтары, ірі қалалық орталықтар мен өзгерістердің бағыттары ескеріледі.

Әдіснама

Талдауда этнос өкілдері санының динамикасы, олардың қалалық және ауылдық бөлінісі, аумақтық шоғырлануы, сондай-ақ этностардың демографиялық салмағы қарастырылды. Аумақтық шоғырлану белгілі бір аумақта тұратын этнос

өкілдерінің осы этностың елдегі жалпы санындағы үлесін, ал демографиялық салмақ этностың сол аумақ халқының құрамындағы үлесін білдіреді. Негізгі қоныстану өзегі¹ ретінде этнос өкілдерінің елдегі жалпы санының жиынтық түрде кемінде 90%-ын қамтитын іргелес немесе тарихи өзара байланысты өңірлер мен республикалық маңызы бар қалалардың жиынтығы қарастырылды. Бұл өлшем үш этностың барлығына бірдей қолданылды. Өңір ішіндегі қоныстану ерекшеліктері аудандар, қалалар және деректердің қолжетімділігіне қарай жекелеген елді мекендер деңгейінде зерттелді. Этнос өкілдері жергілікті халықтың жартысынан астамын құрайтын аумақтар жеке қарастырылды. Әлеуметтік контексті сипаттау үшін Қолданбалы этносаяси зерттеулер институтының (ҚЭЗИ) 2022 жылғы сауалнамасының нәтижелері пайдаланылды [24]².

Ықшам қоныстану және этникалық анклавтың (әлеуметтік оқшаулану) қалыптасуы

Ықшам қоныстану – этникалық топтың елді мекен, аудан немесе бірнеше іргелес аумақ шегінде шоғырлануы. Бұл кеңістіктік-демографиялық сипаттамаға сүйеніп, қауымдастықтың қақтығыс әлеуеті, саяси оқшаулануы немесе әлеуметтік тұйықтығы туралы қорытынды жасауға болмайды. Аумақтық сегрегацияны зерттеуде бес негізгі өлшем бөлінеді: орналасудың біркелкілігі, топаралық байланыстардың ықтималдығын білдіретін экспозиция, шоғырлану, орталықтану және кластерлену [5]. Аумақтық шоғырлану ұзақ мерзімді тарихи қоныстану, мемлекеттік шекаралардың өзгеруі, қоныс аудару, сыртқы және ішкі көші-қон, отбасылық-туыстық байланыстар, шаруашылық қызметінің ерекшеліктері, сондай-ақ тіл мен мәдениетті сақтауға ұмтылыс нәтижесінде қалыптасуы мүмкін.

Ықшам қоныстану әлеуметтік ықпалдасудың жоғары деңгейімен үйлесе алады. Түркістан облысы мен Шымкент материалдары этникалық бірегейлікті сақтау азаматтық бірегейліктің қалыптасуымен қатар жүре алатынын көрсетеді [11]. Әлеуметтік ықпалдасу мемлекеттік тілді меңгеру, ортақ білім беру ұйымдарында оқу, ықшам қоныстану аумағынан тыс жерде еңбек ету, сондай-ақ мемлекеттік және қоғамдық институттарға қатысу арқылы көрінуі мүмкін. Осы зерттеуде әлеуметтік анклавтану аумақтық шоғырланумен теңестірілмейді. Ол топ мүшелерінің әлеуметтік, экономикалық, тілдік және институционалдық байланыстарының негізінен өз ортасымен шектелуін және бұл жағдайдың ұзақ уақыт сақталуын білдіреді [6].

А. Портес пен Л. Дженсен анклавтық экономиканың тұрғындардың аумақтық шоғырлануымен бірдей еместігін көрсетті. Ол өзара байланысты кәсіпорындар жүйесімен және топшілік еңбек нарығымен айқындалады [1]. Дж. Логан, Р. Альба және В. Чжан ықшам қоныстанудың сыртқы шектеулерден де, мәдени ортаны сақтауға деген ерікті ұмтылыстан да туындауы мүмкін екенін анықтады [2]. Р. Уолдингер «этникалық анклав» ұғымын шамадан тыс кең қолдану ау-

¹ Осы мақалада «қоныстану өзегі» (ядро) белгілі бір этнос өкілдерінің басым бөлігі шоғырланған, тарихи қалыптасқан негізгі қоныстану аумағын білдіреді

² Әлеуметтік контексті сипаттау үшін Қолданбалы этносаяси зерттеулер институтының 2022 жылғы әлеуметтанулық зерттеуі пайдаланылды. Бетпе-бет сауалнамаға ықшам қоныстанған бес этностың 4 000 өкілі, соның ішінде өзбек, ұйғыр және дүнген этностарының әрқайсысынан 800 респондент қатысты.

мақтық шоғырлану мен этникалық экономиканы араластыруға әкелетінін атап, талдауда кеңістіктік орналасудың өзінен гөрі этникалық экономиканың құрылымы мен ішкі үдерістеріне назар аударуды ұсынды [3]. Кейінгі зерттеулер топ-ішілік байланыстар ықпалының біржақты емес екенін көрсетті: олар жұмысқа орналасу мен бейімделуді жеңілдетуі мүмкін, алайда нәтиже желілік ресурстардың сапасына және іс жүзінде пайдаланылуына тәуелді [4; 7; 9]. Сондықтан ықтимал тәуекелдерді аумақтық шоғырланудың өзімен емес, оның тұрақты әлеуметтік тұйықтықпен, топаралық байланыстардың шектеулілігімен, аумақтық депривациямен және әлеуметтік ұтқырлықтың төмендеуімен ұштасуымен байланыстыру қажет [8; 10].

Ықшам қоныстанудың әлеуметтік негіздерін түсіндіруде туыстық қатынастардың кеңістіктік қырын ескеру маңызды. М. Блаубуэр, К. Малдер және А. Зорлу ерлі-зайыптылардың ата-аналарымен арақашықтығын талдай отырып, кеңістіктік ұйымдасу бір үйде бірге тұрумен шектелмейтінін көрсетті [25]. Орталық Азия материалдары да осы үрдісті нақтылай түседі. Б. Х. Кармышева өзбектер арасында үйленген ұлдардың ата-анасына таяу қоныстануы мен өзара көмектің сақталуын атап өтсе [26], Д. Кандийоти бірнеше отбасын біріктіретін үй шаруашылықтарын, кенже ұлдың ата-анасымен бірге тұруын және басқа үйленген ұлдардың сол маңға орналасуын сипаттайды [27]. М. Д. Савуров дүнгендердің отбасы құрылымы мен отбасылық қатынастарындағы дәстүрлі және жаңа ерекшеліктерді қарастырады [28].

Осы мәселелерді Қазақстан жағдайында қарастыру үшін ҚЭЗИ-дің 2022 жылғы «Этникалық анклавтардың қалыптасуының негізгі факторлары» зерттеуіндегі үй шаруашылығы құрамына қатысты деректер пайдаланылды. Респонденттерге «Сізбен бірге кім тұрады?» деген сұрақ қойылды [24]. Өзбек респонденттері арасында жұбайымен және балаларымен бірге тұру нұсқасын таңдағандардың үлесі Жамбыл облысында 74,0%, Түркістан облысында 50,0%, Шымкентте 56,8% болды. Жұбайымен, балаларымен және күйеуінің ата-анасымен бірге тұратынын көрсеткендердің үлесі аталған аумақтарда тиісінше 14,0%, 9,3% және 19,6%-ды, ал жұбайымен, балаларымен және әйелінің ата-анасымен бірге тұратындардың үлесі 6,0%, 7,6% және 0,8%-ды құрады.

Дүнген респонденттері арасында жұбайымен және балаларымен бірге тұру нұсқасын таңдағандардың үлесі Алматы облысында 66,0%, Жамбыл облысында 49,2%, Алматы қаласында 35,3% болды. Жұбайымен, балаларымен және күйеуінің ата-анасымен бірге тұратындардың үлесі тиісінше 4,0%, 15,8% және 10,7%-ды құрады. Жұбайымен, балаларымен және әйелінің ата-анасымен бірге тұру нұсқасын Жамбыл облысындағы респонденттердің 2,3%-ы таңдаған, ал Алматы облысы мен Алматы қаласында бұл жауап тіркелмеген.

Ұйғыр респонденттері арасында жұбайымен және балаларымен бірге тұру нұсқасын таңдағандардың үлесі Алматы облысында 51,0%, Алматы қаласында 76,0% болды. Жұбайымен, балаларымен және күйеуінің ата-анасымен бірге тұратындардың үлесі тиісінше 11,0% және 3,0%-ды, ал жұбайымен, балаларымен және әйелінің ата-анасымен бірге тұратындардың үлесі 3,9% және 1,0%-ды құрады [24].

Қарастырылған этностық-өңірлік топтардың барлығында жұбайымен және балаларымен бірге тұру ең жиі таңдалған жауап болды. Ата-аналармен бірге тұру нұсқаларының ішінде күйеуінің ата-анасымен тұру жиірек аталды: бұл көрсеткіш өзбектерде Шымкентте 19,6%, дүнгендерде Жамбыл облысында 15,8%, ұйғырларда Алматы облысында 11,0% болды. Бұл деректер ұрпақаралық бірге тұру тәжірибелерінің сақталуын сипаттайды. Сондықтан отбасылық-туыстық байланыстар ықшам қоныстанудың тұрақтылығын қолдайтын әлеуметтік тетіктердің бірі ретінде қарастырылуы мүмкін, алайда сауалнама бөлек тұратын туыстардың аумақтық жақындығын тікелей өлшемейді [24].

1-кесте. Ықшам қоныстану мен этникалық анклавтың идеалдық-типтік айырмашылықтары

Өлшем	Ықшам қоныстану	Этникалық анклав
Негізгі белгісі	Әлеуметтік оқшаулануды міндетті түрде білдірмейтін аумақтық шоғырлану	Тұрақты әлеуметтік, экономикалық немесе институционалдық тұйықталумен ұштасатын аумақтық шоғырлану
Әлеуметтік байланыстар	Топ мүшелері бір-біріне қолдау көрсетіп, өзге топтармен де тұрақты байланыс орнатады	Негізгі әлеуметтік байланыстар көбіне қауымдастық шеңберімен шектеледі
Экономикалық орта	Ортақ еңбек нарығына қатысу, жергілікті кәсіпкерлік пен қызмет көрсету салаларына араласу	Топішілік жұмыспен қамтуға және жергілікті нарыққа тәуелділік қалыптасуы мүмкін
Тіл және білім беру	Тіл мен дәстүрді сақтау ортақ білім беру және қоғамдық институттарға қатысумен ұштасады	Тілдік және білім беру сегментациясы байқалуы мүмкін
Институционалдық ықпалдасу	Ортақ әкімшілік және қоғамдық институттарға қатысу	Ресми институттармен қатар әрекет ететін бейресми құрылымдар қалыптасуы мүмкін
Әлеуметтік ықпалдасуға ықпалы	Мәдени сабақтастықты сақтау мен жергілікті даму әлеуметтік ықпалдасуға қайшы келмейді	Тұрақты тұйықтық сыртқы байланыстарды әлсіретіп, әлеуметтік оқшаулануды күшейтуі мүмкін

Дереккөз: авторлар [1–10] негізінде құрастырған

Шетелдік зерттеулер этностық топтар жоғары шоғырланған аудандарда кей жағдайда сол этнос өкілдеріне электоралдық қолдау күшеюі мүмкін екенін көрсетеді. Мысалы, Амстердамдағы муниципалдық сайлауларды талдаған зерттеуде мұндай әсер жекелеген мигранттық топтарда, әсіресе түрік текті тұрғындар арасында байқалған [25]. Алайда бұл құбылыс әмбебап емес және жергілікті саяси контекстке байланысты өзгереді. Осы тұрғыдан ҚЭЗИ-дің 2022 жылғы зерттеуінде респонденттерге «Келесі қала немесе ауыл әкімі сайлауында кімге дауыс бересіз?» деген сұрақ қойылды [24]. Нәтижелер ықшам қоныстанған өңірлерде әкімді таңдауда этностық тиесіліктің шешуші фактор емес екенін көрсетеді. Өз этносының өкіліне дауыс беруге дайын респонденттердің үлесі өзбектер ара-

сында Жамбыл облысында 4,0%, Түркістан облысында 3,3%, Шымкентте 6,8% болды. Ұйғырларда бұл көрсеткіш Алматы облысында 4,7%, Алматы қаласында 1,0%-ды құрады. Дүнгендерде ол Жамбыл облысында 11,3%, Түркістан облысында 6,5% болса, Алматы облысында мұндай жауап тіркелмеген. Сонымен қатар этностық тиесілігіне қарамастан лайықты кандидатты қолдау барлық үш топта айтарлықтай жоғары болды: өзбектерде 48,8–59,1%, ұйғырларда 57,6–66,0%, дүнгендерде 44,7–86,0%. Жалпы алғанда, үш этностың барлығында да кандидаттың этностық тиесілігінен гөрі оның лайықтылығы басым өлшем болып отыр. Бұл ықшам қоныстанудың саяси таңдауды міндетті түрде этностық принцип бойынша қалыптастырмайтынын көрсетеді.

Өзбек, ұйғыр және дүнген этностарының қоныстануы: тарихи негіздері

Оңтүстік Қазақстандағы қазіргі өзбек этносының тарихи негізі Түркістан–Ташкент өңіріндегі қалалар мен егіншілік қоныстарын мекендеген отырықшы түркітілдес халықпен байланысты. Олардың қатарына Түркістан, Сайрам, Шымкент, Иқан, Қарнақ, Қарабұлақ және Манкент жатады. Тарихи-этнографиялық зерттеулер бұл орталықтарда отырықшы шаруашылықтың, қолөнер мен сауданың ұзақ уақыт бойы сабақтасып дамығанын көрсетеді [12; 13]. 1897 жылғы санақ халықты негізінен ана тілі бойынша жіктеп, өзбек тілін жеке санат ретінде есепке алған [14]. Сондықтан революцияға дейінгі тілдік санаттарды қазіргі өзбек этникалық бірегейлігімен тікелей теңестіруге болмайды. Кейінгі кезеңдерде Қазақстандағы өзбек этносының құрамы Орталық Азияның көршілес өңірлерінен келген көші-қонның, табиғи өсімнің және этникалық өзіндік сәйкестену үдерістерінің ықпалымен толығып, өзгерді.

Ұйғыр және дүнген этностарының қазіргі қоныстану ареалдары негізінен XIX ғасырдың екінші жартысындағы көші-қон нәтижесінде қалыптасты. 1881 жылғы Санкт-Петербург шарты Іле өлкесінің басым бөлігін Қытайға қайтаруды көздеді. Құжатта өлке тұрғындарына Қытай бодандығында қалу немесе Ресей империясының аумағына қоныс аудару құқығы берілді [15]. 1881–1884 жылдары Жетісу облысына 45 373 ұйғыр-тараншы қоныс аударды [16; 18]. Олардың негізгі қоныстар желісі Жаркент және Верный уездерінде қалыптасты. XX ғасырдың басында ұйғыр халқы көбіне қазіргі Панфилов ауданына сәйкес келетін Жаркент және Ақкент болыстарында, қазіргі Ұйғыр ауданына сәйкес келетін Ақсу–Шарын болысында, сондай-ақ қазіргі Еңбекшіқазақ ауданының бірқатар қоныстары мен Верныйдың, яғни қазіргі Алматының маңында шоғырланды [18; 19].

Дүнгендердің Қазақстан аумағына қоныс аударуы Цин империясындағы дүнген көтерілістері жеңіліс тапқаннан кейін басталды. 1877–1878 жылдардағы алғашқы көші-қон толқыны негізінен Шу аңғарына бағыттталып, Қарақоңызда (қазіргі Масанчи ауылы) және Сортөбеде алғашқы тұрақты дүнген қоныстары қалыптасты [20; 21]. Екінші ірі толқын 1881–1884 жылдарға сәйкес келді. Осы кезеңде Жетісуға 5 мыңға жуық дүнген көшіп келді [16; 17]. Дүнгендердің отырықшы егіншілік, суару, бағбандық және қолөнер дағдылары тұрақты қоныстардың орнығуына ықпал етті. Қазіргі маңызды қоныстану орталықтарының бірі – Жамбыл ауданындағы Жалпақтөбе [20; 21]. Кейінгі көші-қон, табиғи өсім және урбандалу ұйғырлар мен дүнгендердің қоныстану географиясын кеңейтті. Соған

қарамастан ұйғырлар үшін Қазақстанның оңтүстік-шығысы, ал дүнгендер үшін негізінен Жамбыл облысы тарихи қалыптасқан жетекші қоныстану өзектері болып қалды.

2. Этникалық топтардың демографиялық динамикасы және негізгі қоныстану ареалдары

2023–2025 жылдары өзбек, ұйғыр және дүнген этностары өкілдерінің жалпы саны шамамен 1 022,3 мыңнан 1 070,2 мың адамға дейін, яғни 4,7%-ға өсті. Бұл Қазақстан халқының осы кезеңдегі 2,6%-дық өсу қарқынынан жоғары болды [22; 23]. 2025 жылдың басында үш топ ел халқының шамамен 5,3%-ын құрады. Жалпыұлттық демографиялық өсім негізінен қалалық ортада байқалды. Алайда қарастырылып отырған топтардың қалалық және ауылдық құрамдастарының арақатынасы әртүрлі болды.

2022 жылғы сауалнамада жақын арада көшуді жоспарлаған немесе қолайлы жағдай болса көшуі мүмкін екенін айтқан респонденттерден ықтимал қоныс аудару бағыты сұралды. Бұл санат өзбек іріктемесінің 12,9%-ын, ұйғырлардың 5,2%-ын және дүнгендердің 15,4%-ын құрады. Осы респонденттердің арасында Қазақстанның басқа өңіріне көшуді өзбектердің 79,6%-ы және дүнгендердің 59,3%-ы таңдады. Ұйғырлар арасында облыс шегіндегі басқа қалаға немесе ауылға көшу бағыты басым болды – 47,6%. Бұл нәтижелер өзбектер мен дүнгендердің көшуге бейім бөлігінде өңіраралық бағыттың, ал ұйғырларда өңірішілік бағыттың басым болғанын көрсетеді. Алайда сауалнама нақты көші-қонды емес, 2022 жылғы субъективті ұстанымдарды сипаттайды. Сондықтан бұл деректерді 2023–2025 жылдардағы демографиялық өзгерістердің тікелей себебі ретінде емес, олардың ықтимал әлеуметтік контексті ретінде ғана қарастырған жөн [24].

Үш топ та белгілі аумақтарда жоғары деңгейде шоғырланған, алайда олардың қоныстану құрылымы әртүрлі. Өзбектерге оңтүстіктегі қалалық-ауылдық жүйе, ұйғырларға оңтүстік-шығыстағы қалалық-аудандық жүйе тән. Дүнгендерде тарихи ауылдық өзек сақталғанымен, қалалардың рөлі артып келеді. Олардың қоныстануының негізгі сандық көрсеткіштері 2-кестеде берілген.

2-кесте. 2023–2025 жылдардағы өзбек, ұйғыр және дүнген этностары өкілдері санының салыстырмалы динамикасы

Көрсеткіш	Өзбек этносы	Ұйғыр этносы	Дүнген этносы
2023 жылғы саны, мың адам	643,4	297,1	81,7
2025 жылғы саны, мың адам	678,5	305,6	86,1
Абсолюттік өзгеріс, мың адам	+35,1	+8,5	+4,3
Өзгеру қарқыны	+5,5%	+2,9%	+5,3%
Қазақстан халқы құрамындағы үлесі, 2025 жыл	3,3%	1,5%	0,4%
Негізгі шоғырлану аумақтары	Түркістан және Жамбыл облыстары, Шымкент	Алматы, Алматы облысы, Жетісу облысы	Жамбыл облысы және Алматы

Көрсеткіш	Өзбек этносы	Ұйғыр этносы	Дүнген этносы
Негізгі шоғырлану аумақтарындағы саны, мың адам	625,4	288,8	78,6
Негізгі шоғырлану аумақтарындағы топ үлесі	92,2%	94,5%	91,3%

Дереккөз: автор Қазақстан Республикасы Ұлттық статистика бюросының деректері негізінде құрастырған

Өзбектер мен дүнгендердің өсу қарқыны жалпыұлттық көрсеткіштен едәуір жоғары болса, ұйғырлардағы өсім оған жақын болды. Үш топтың барлығында тарихи ареалдар жетекші рөлін сақтады. Дегенмен қазіргі өсім ірі қалалармен және екінші деңгейлі орталықтармен барған сайын тығыз байланысып келеді. Дүнгендерде бұл өзгеріс Алматы мен Астанада айқын байқалды, ал Қордай өзеніндегі өсім бүкіл топтың өсімінен едәуір баяу болды.

Өзбек этносы: оңтүстік өзеннің тұрақтылығы және қоныстану географиясының кеңеюі

2025 жылдың басында өзбек этносы өкілдерінің саны 678,5 мың адамды немесе Қазақстан халқының 3,3%-ын құрады. 2023–2025 жылдары олардың саны 35,1 мың адамға немесе 5,5%-ға өсті. Бұл ел халқының өсу қарқынынан шамамен екі есе жоғары. Түркістан облысында 396,7 мың, Шымкентте 198,5 мың, Жамбыл облысында 30,2 мың өзбек тұрды. Қазақстандағы өзбектердің 92,2%-ы осы үш аумақта тұрады.

Оңтүстік ареалдың негізін Түркістан облысы құрайды. Бұл өңірде елдегі өзбектердің жартысынан астамы шоғырланған және тарихи қалыптасқан ықшам қоныстану аумақтары сақталған. Елдегі өзбектердің үштен біріне жуығы Шымкентте тұрады. Қала олардың ең ірі қалалық қоныстану орталығы саналады. Жамбыл облысы осы ареалдың шеткері бөлігіне жатады. 2023–2025 жылдары өзбек халқының жалпы өсімінің шамамен 80%-ы оңтүстік өзенге тиесілі болды. Өзеннен тыс аумақтарда өзбектер саны біршама жоғары қарқынмен өсті, бірақ бұл үдеріс тарихи ареалдың жетекші рөлін әзірге әлсіреткен жоқ.

Түркістан облысы: жергілікті көпшілік және қалалық шоғырлану

Түркістан облысында өзбек этносының өкілдері өңір халқының 18,4%-ын құрады, алайда облыс аумағында біркелкі орналаспаған. Ықшам қоныстанудың ең айқын көрінісі Сайрам және Сауран аудандарында байқалды. 2025 жылы өзбектер осы аудандар халқының тиісінше 67,0 және 58,0%-ын құрады. 2023–2025 жылдары Сайрам ауданындағы өзбектер саны 8,1 мың адамға өсіп, олардың үлесі 65,9%-дан 67,0%-ға дейін артты. Сауран ауданында өсім 2,8 мың адамды құрады, ал өзбектердің үлесі 57,1%-дан 58,0%-ға дейін ұлғайды. Өзбектер саны мен олардың аудан халқы құрамындағы үлесінің қатар өсуі екі ауданда да жергілікті этникалық көпшіліктің тұрақтылығын көрсетеді.

Облыс қалаларында өзге модель қалыптасты. 2018 жылы облыстың әкімшілік орталығы Шымкенттен Түркістанға көшірілгеннен кейін мемлекеттік басқару, құрылыс, қызмет көрсету саласы және еңбек нарығының ауқымы кеңейді. Бұл

қала мен оның айналасындағы аумақтардың тартымдылығын күшейтті. 2023–2025 жылдары Түркістандағы өзбектер саны 3,4 мың адамға артты, бірақ қала халқының өзге бөлігі жылдамырақ өскендіктен, олардың үлесі 31,0%-дан 30,2%-ға дейін төмендеді. Кентауда өзбектер саны 0,5 мың адамға көбейіп, үлесі 26,0%-дан 26,5%-ға дейін артты. Өзбектер халықтың 19,1%-ын құрайтын Төлеби ауданы жергілікті көпшілік қалыптасқан аудандар мен дисперсті қоныстану басым аумақтардың арасында аралық орын алады.

Шымкент пен Жамбыл облысы: қалалық шоғырланудың әртүрлі модельдері

Шымкент Қазақстандағы өзбектердің ең ірі қалалық қоныстану орталығы саналады. 2025 жылы қалада 198,5 мың өзбек тұрды. Бұл елдегі топ санының 29,3%-ына тең. Екі жыл ішінде олардың саны 9,2 мың адамға өсті. Алайда қала халқының жалпы саны сәл жылдамырақ артқандықтан, өзбектердің үлесі 15,9%-дан 15,8%-ға дейін аздап төмендеді.

Қаланың әкімшілік аудандарында өзбек халқының үлесі Әл-Фараби ауданындағы 14,0%-дан Қаратау ауданындағы 17,4%-ға дейін өзгерді. Қаратау ауданындағы жоғары көрсеткіш, атап айтқанда, оның құрамына кіретін Сайраммен байланысты. Сайрам – өзбектердің тарихи қалыптасқан ықшам қоныстану орталығы. Ол 2014 жылы Шымкент қаласының шекарасына енгізілді.

Жамбыл облысында өзбектер негізінен Таразда шоғырланған. 2023–2025 жылдары өзбектер саны 2,1%-ға өсіп, 30,2 мың адамға немесе өңір халқының 2,5%-ына жетті. Облыстағы өзбектердің 80,6%-ы Таразда тұрды, ал өңірдегі топ өсімінің 84,3%-ы осы қалаға тиесілі болды. Меркі ауданы екінші деңгейлі орталық ретінде сақталды. Мұнда 1,9 мың өзбек тұрды және олар аудан халқының 2,1%-ын құрады. Облыстың қалған аудандарында өзбектер негізінен дисперсті қоныстанған (1-сурет).

Өзбек этносы өкілдерінің негізгі өзектен тыс қоныстану географиясының кеңеюі

3-кесте. 2025 жылдың басындағы өзбек этносының негізгі қоныстану аумақтары, орталықтары мен модельдері

Аумақ	Этнос өкілдерінің саны, мың адам	Қазақстандағы этнос өкілдерінің жалпы санындағы үлесі, %	Аумақ халқының құрамындағы этнос өкілдерінің үлесі, %	Негізгі орталықтар және қоныстану моделі
Түркістан облысы	396,7	58,5	18,4	Сайрам және Сауран аудандары, Түркістан және Кентау қалалары; аудандық ықшам қоныстану мен қалалық шоғырланудың ұштасуы
Шымкент	198,5	29,3	15,8	Қаланың барлық аудандарына таралған, Қаратау ауданындағы Сайрам тұрғын алабында айқын-ырақ байқалатын ірі қалалық шоғырлану

Жамбыл облысы	30,2	4,5	2,5	Тараз қаласы және Меркі ауданы; Тараздағы қалалық шоғырлану, Меркідегі шағын орталық және қалған аумақтардағы шашыраңқы қоныстану
Оңтүстік өзек	625,4	92,2	–	Аудандық ықшам қоныстану мен қалалық шоғырланудың ұштасуы
Қалған өңірлер	53,1	7,8	Өңірлердің көпшілігінде 1%-дан төмен	Алматы мен Астана – этностың қоныстану жүйесіндегі екінші деңгейлі қалалық орталықтар; Алматы облысы мен өзге өңірлерде негізінен шашыраңқы қоныстану

Дереккөз: автор Қазақстан Республикасы Ұлттық статистика бюросының деректері негізінде құрастырған

2023–2025 жылдары оңтүстік өзекеден тыс аумақтарда өзбек этносы өкілдерінің саны 15,3%-ға, ал өзек ішінде 4,7%-ға өсті. Нәтижесінде өзектің үлесі 92,8%-дан 92,2%-ға дейін төмендеді. Бұл өзгеріске көші-қон үдерістері ықпал еткен болуы мүмкін, алайда қолда бар деректер табиғи өсім мен көші-қонның үлесін жеке анықтауға жеткіліксіз. Абсолюттік өсімнің ең жоғары көрсеткіштері Алматыда, Астанада және Алматы облысында байқалды. Бұл ірі қалалар мен оларға іргелес аумақтардың жұмыс, білім алу және кәсіпкерлік үшін тартымды болуымен байланысты болуы мүмкін. Дегенмен аталған өңірлердің көпшілігінде топтың бастапқы саны мен халық құрамындағы үлесі төмен болып қалды. Сондықтан бұл өзгерістер жаңа ықшам қоныстану аумақтарының қалыптасуын емес, өзбектердің басқа өңірлерге біртіндеп шашырай (дисперсті) қоныстануын көрсетеді.

Ұйғыр этносы: оңтүстік-шығыс өзектің тұрақтылығы және қалалар рөлінің күшеюі

2025 жылдың басында ұйғыр этносы өкілдерінің саны 305,6 мың адамды немесе Қазақстан халқының 1,5%-ын құрады. 2023–2025 жылдары олардың саны 8,5 мың адамға немесе 2,9%-ға артты. Бұл ел халқының өсу қарқынынан сәл ғана жоғары. Өсім негізінен қалалық сипатта болды: қалалардағы ұйғырлар саны шамамен 7,2 мың адамға, ауылдық жерлерде 1,3 мың адамға көбейді. Жалпы өсімнің 84,4%-ы қалалардың үлесіне тиді, қала тұрғындарының үлесі 54,8%-дан 55,6%-ға дейін артты.

Елдегі ұйғырлардың 94,5%-ы Алматы қаласында, Алматы және Жетісу облыстарында тұрады. Ішкі кеңістіктік өзгерістердің ең айқын көрінісі Алматының рөлінің күшеюімен байланысты. 2023 жылы Алматы облысы ұйғырлар саны бойынша Алматы қаласынан алда болса, 2025 жылға қарай Алматы қаласы бірінші орынға шықты..

4-кесте. Негізгі қоныстану өңірлеріндегі ұйғыр этносы өкілдері санының динамикасы

Аумақ	2023 жыл, адам	2025 жыл, адам	Өзгеріс, адам / %	Аумақ халқындағы үлесі, 2023/2025
Алматы облысы	120 368	121 551	+1 183 / +1,0	8,0% / 7,8%
Жетісу облысы	44 027	44 849	+822 / +1,9	6,3% / 6,5%
Алматы	116 625	122 390	+5 765 / +4,9	5,4% / 5,3%
Оңтүстік-шығыс өзеке	281 020	288 790	+7 770 / +2,8	—
Қалған өңірлер	16 124	16 858	+734 / +4,6	—
Қазақстан	297 144	305 648	+8 504 / +2,9	1,5% / 1,5%

Дереккөз: автор Қазақстан Республикасы Ұлттық статистика бюросының деректері негізінде құрастырған

Алматы облысы: аудандық өзеке және агломерациялық аймақ

Алматы облысында ұйғыр этносы өкілдерінің саны 1 183 адамға, яғни 1,0%-ға өсіп, 121,6 мың адамға жетті. Облыс халқының жалпы саны жылдамырақ артқандықтан, олардың өңір халқы құрамындағы үлесі 8,0%-дан 7,8%-ға дейін төмендеді. Негізгі шоғырлану аумақтары – Еңбекшіқазақ, Ұйғыр және Талғар аудандары. 2025 жылы бұл аудандарда тиісінше 49,7 мың, 34,4 мың және 22,9 мың ұйғыр тұрды. Олар облыстағы ұйғырлардың жиынтық санының 88,1%-ын құрады.

2020–2025 жылдары Ұйғыр ауданындағы ұйғырлар саны 36,8 мыңнан 34,4 мың адамға дейін немесе 6,5%-ға қысқарды, ал үлесі 58,6%-дан 55,9%-ға дейін төмендеді. 2023–2025 жылдары абсолюттік қысқару жалғасты. Соған қарамастан үлесі 55,6%-дан 55,9%-ға дейін аздап артты, бұл ұйғырлардың аудан халқындағы үлесі соңғы жылдары тұрақтанғанын көрсетеді. Ұзақ мерзімді төмендеуге қарамастан, ұйғырлар аудан халқының абсолюттік көпшілігін сақтап отыр.

Алматы облысындағы негізгі өсім Талғар, Іле және Қарасай аудандарына, сондай-ақ Алатау қаласына тиесілі болды. Алатау қаласының 2024 жылы құрылуы және әкімшілік шекаралардың өзгеруі аталған аумақтар бойынша 2023 және 2025 жылдардағы көрсеткіштердің тікелей салыстырмалылығын шектеуі мүмкін. Бұл аумақтардағы жиынтық өсім бүкіл облыс бойынша өсімнен жоғары болды, өйткені Ұйғыр ауданында халық саны қатар қысқарды. Деректер өсімнің агломерациялық аймақта шоғырланғанын көрсетеді, бірақ оны аудандық өзекеден болған қоныс аударумен тікелей байланыстыруға мүмкіндік бермейді.

Жетісу облысы: Панфилов орталығының нығаюы

Жетісу облысында ұйғыр этносы өкілдерінің саны 44,0 мыңнан 44,8 мың адамға дейін, яғни 1,9%-ға өсті. Осы уақытта өңір халқының саны 0,6%-ға қысқарды. Соның нәтижесінде ұйғырлардың үлесі 6,3%-дан 6,5%-ға дейін артты. Панфилов ауданында 41,8 мың адам немесе облыстағы ұйғырлардың 93,1%-

ы тұрды. 2023–2025 жылдары олардың саны 750 адамға көбейді. Бұл облыстағы топ өсімінің 91,2%-ын қамтамасыз етті, ал аудан халқындағы үлесі 30,6%-дан 31,1%-ға дейін артты.

2020–2025 жылдары Панфилов ауданындағы ұйғыр этносы өкілдерінің саны 37,3 мыңнан 41,8 мың адамға дейін немесе 11,9%-ға өсті, ал үлесі 28,7%-дан 31,1%-ға дейін ұлғайды. Қазақ халқы көпшілік болып қала бергенімен, аудан облыстағы негізгі ұйғыр орталығы ретіндегі орнын нығайтты. Оның динамикасы Ұйғыр ауданындағы үдеріске қарама-қарсы болды. Панфилов ауданында ұйғырлар көпшілікті құрамаса да, олардың саны мен үлесі өсіп келеді. Ұйғыр ауданында абсолюттік көпшілік сақталғанымен, ұзақ мерзімде топ саны мен бұрынғы басымдық деңгейі төмендеді.

Алматы: ең ірі орталық және полицентрлі қалалық модель

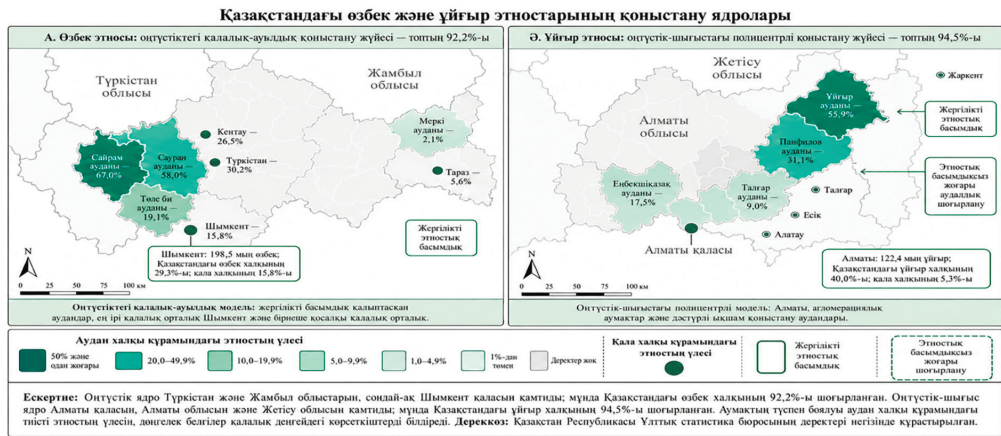
2025 жылға қарай Алматы Қазақстандағы ұйғыр этносы өкілдерінің ең ірі жеке қоныстану орталығына айналды. Олардың саны 122,4 мың адамға немесе елдегі топ санының 40,0%-ына жетті. 2023–2025 жылдары ұйғырлар саны 5 765 адамға немесе 4,9%-ға өсті. Алматы халқының саны сәл жылдамырақ, яғни 6,0%-ға артқандықтан, ұйғырлардың үлесі 5,4%-дан 5,3%-ға дейін аздап төмендеді.

Ұйғыр этносы өкілдері қаланың барлық сегіз ауданында тұрады. Жетісу, Алатау, Әуезов және Түркісіб аудандарында 88,7 мың адам немесе Алматыдағы ұйғырлардың 72,5%-ы шоғырланған. Олардың ең жоғары үлесі Жетісу ауданында – 11,8%, одан кейін Түркісібте – 8,1%, Әуезовте – 6,1% және Алатау ауданында 5,7% болды. Топтың қаланың барлық бөлігінде болуы және бірнеше қалалық ауданда ірі шоғырлану орталықтарының қалыптасуы полицентрлі модельді құрайды.

Алматының барлық аудандарында ұйғырлар саны өсті. Дегенмен қалалық өсімнің шамамен 76%-ы Түркісіб, Алатау, Жетісу және Наурызбай аудандарына тиесілі болды. Ең жоғары салыстырмалы өсім Наурызбай ауданында байқалып, 11,9%-ды құрады. Аудан халқының жалпы саны бұдан да жылдамырақ өскендіктен, ұйғырлардың үлесі 3,7%-дан 3,4%-ға дейін төмендеді.

Ұйғыр этносының оңтүстік-шығыс өзекеден тыс өсуі

Алматы қаласы, Алматы және Жетісу облыстарын қамтитын ұйғыр этносының негізгі қоныстану өзегі 1-суретте көрсетілген. Осы аумақтардан тыс жерлерде ұйғырлар саны 16,1 мың адамнан 16,9 мың адамға дейін, яғни 4,6%-ға өсті. Бұл қарқын өзек шегіндегі көрсеткіштен жоғары болды. Алайда дәстүрлі қоныстану аумағынан тыс жерлерде Қазақстан ұйғырларының небәрі 5,5%-ы тұрды. Өзектен тыс өсімнің негізгі бөлігі Астана мен Шымкентке тиесілі болды. Осы екі қала аталған аумақтардағы өсімнің 67,8%-ын қамтамасыз етті. Бұл өзгерістер жаңа ықшам қоныстану орталықтарының пайда болғанын емес, ұйғырлардың қоныстану географиясы біртіндеп кеңейіп келе жатқанын көрсетеді.

1-сурет. Қазақстандағы өзбек және ұйғыр этностарының қоныстану өзектері

Дереккөз: Қазақстан Республикасы Ұлттық статистика бюросының деректері негізінде авторлар әзірлеген.

Ескерту: суретті әзірлеу кезінде жасанды интеллект құралдары пайдаланылды.

Дүнген этносы: Қордай өзегінің тұрақтануы, Алматы рөлінің күшеюі және қоныстану географиясының кеңеюі

2025 жылдың басында Қазақстандағы дүнген этносы өкілдерінің саны 86 067 адамды немесе ел халқының 0,4%-ын құрады. 2023 жылдың басында олардың саны 81 744 адам болған. Екі жыл ішінде топ саны 4 323 адамға немесе 5,3%-ға өсті. Бұл сол кезеңдегі жалпыұлттық халық өсімінен екі еседен астам жоғары. Қарастырылған үш топтың ішінде дүнгендердің өсу қарқыны өзбектер көрсеткішіне жақын болып, ұйғыр халқының динамикасынан едәуір жоғары болды.

5-кесте. 2025 жылдың басындағы дүнген этносы өкілдерінің негізгі қоныстану аумақтары

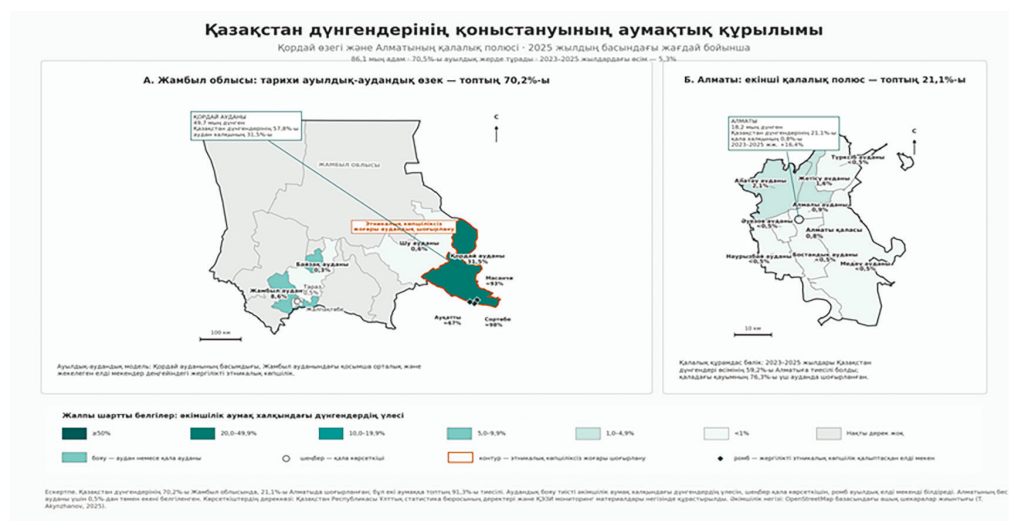
Аумақ	Дүнгендер саны, мың адам	Қазақстандағы барлық дүнгендер санындағы үлесі, %
Қазақстан Республикасы	86,1	100,0
Жамбыл облысы	60,4	70,2
соның ішінде Қордай ауданы	49,7	57,8
Алматы	18,2	21,1
Астана	1,9	2,2

Дереккөз: автор Қазақстан Республикасы Ұлттық статистика бюросының деректері негізінде құрастырған.

Өсім негізінен қалалық сипатта болды. 2023–2025 жылдары қалалардағы дүнгендер саны 22 229-дан 25 421 адамға дейін немесе 14,4%-ға, ал ауылдық жерлерде 59 515-тен 60 646 адамға дейін немесе 1,9%-ға өсті. Топтың жалпы өсімінің 73,8%-ы қалалық құрамдасқа тиесілі болды. Соған қарамастан ауыл тұрғындары дүнген халқының 70,5%-ын құрады. Сондықтан бұл үдеріс қоныстанудың негізгі моделінің ауысуын емес, оның қалалық құрамдасының жедел күшеюін білдіреді. Қоныстанудың аумақтық құрылымы жоғары шоғырлануымен ерекшеленеді: Қазақстан дүнгендерінің 70,2%-ы Жамбыл облысында, 21,1%-ы Алматыда тұрады. Осы екі аумаққа елдегі дүнгендердің 91,3%-ы тиесілі. Астана 2,2% үлеспен екінші деңгейлі қалалық орталықтардың қатарына жатады.

Дүнген этносының Қордай өзегі мен Алматыдағы екінші ірі қалалық орталықты қамтитын аумақтық қоныстану құрылымы 2-суретте көрсетілген.

Қордай ауданы жетекші рөлін сақтағанымен, 2023–2025 жылдардағы негізгі демографиялық өсім одан тыс аумақтарда қалыптасты. Аудандағы дүнгендер саны 49 550-ден 49 721 адамға дейін, яғни 171 адамға немесе 0,3%-ға өсті. Қордайдан тыс аумақтарда олардың саны 32 194-тен 36 346 адамға дейін, яғни 4 152 адамға немесе 12,9%-ға артты. Нәтижесінде жалпы республикалық өсімнің шамамен 96%-ы тарихи өзектен тыс аумақтарға тиесілі болды. Бұл көрсеткіштер тарихи өзектің демографиялық тұрақтануы мен топтың өсу географиясының кеңеюін білдіреді.

2-сурет. Қазақстандағы дүнген этносының қоныстану өзектері

Дереккөз: Қазақстан Республикасы Ұлттық статистика бюросының деректері негізінде автор әзірлеген.

Ескерту: суретті әзірлеу кезінде жасанды интеллект құралдары пайдаланылды.

Жамбыл облысы және Қордай ауданы: өңірлік және микроаумақтық өзек
Жамбыл облысындағы дүнгендер бұрынғыдай белгілі аумақтарда тығыз шоғырланған. Қордай ауданында 49 721 дүнген тұрды. Олар аудан халқының

31,5%-ын және облыстағы барлық дүнгендердің 82,3%-ын құрады. Жамбыл ауданы екінші деңгейлі орталық ретінде сақталды, мұнда топтың үлесі 8,6%-ға жетті. Қалған аумақтарда бұл көрсеткіш 0,6%-дан аспады. Елді мекендер деңгейінде Қордай ауданындағы Масанчи, Сортөбе және Ауқатты, сондай-ақ Жамбыл ауданындағы Жалпақтөбе негізгі орталықтар болып саналады.

2023–2025 жылдары Жамбыл облысындағы дүнгендер саны 0,5%-ға ғана өсті, ал ел бойынша өсім 5,3%-ды құрады. Қордай және Жамбыл аудандарындағы өсім тиісінше 0,3 және 0,2% болса, Таразда 5,2%-ға жетті. Осылайша дәстүрлі ауылдық өзек тұрақтанды, ал қалалық құрамдас жылдамырақ өсуде. Дегенмен бұл өзгеріс қалыптасқан кеңістіктік қоныстану құрылымын әзірге өзгерткен жоқ.

Алматы: қоныстанудың екінші ірі қалалық орталығы

2023–2025 жылдары Алматы Қордай өзегінен тыс дүнген халқы өсімінің негізгі орталығына айналды. Топ саны 15,6 мыңнан 18,2 мың адамға дейін немесе 16,4%-ға өсті. Жалпы республикалық өсімнің 59,2%-ы Алматыға тиесілі болды. Бұл қаланың дүнгендер қоныстануының екінші негізгі полюсі ретіндегі орнын нығайтты.

Өсім бұрыннан қалыптасқан аймақтарда шоғырланды. Қаладағы дүнгендердің 76,3%-ы Алатау, Жетісу және Алмалы аудандарында тұрды, ал өсімнің жартысына жуығын Алатау ауданы қамтамасыз етті. Дегенмен топтың демографиялық салмағы шағын болып қалды: аталған аудандардағы үлесі тиісінше 2,1, 1,6 және 0,9%-ды құрады. Сондықтан Алматының маңызы дүнген халқының жергілікті басымдығымен емес, оның саны мен жоғары өсу қарқынымен айқындалады.

Қоныстану географиясының кеңеюі: Астана және Қарағанды облысы

Екі негізгі орталықтан тыс аумақтардың ішінде Астана мен Қарағанды облысының жекелеген елді мекендері ерекшеленеді. 2023–2025 жылдары Астанадағы дүнгендер саны 1 611-ден 1 912 адамға дейін немесе 18,7%-ға өсті. Дүнгендердің ең көп саны Сарыарқа және Байқоңыр аудандарында тіркелді тиісінше 577 және 505 адам. Алайда олардың аудан халқы құрамындағы үлесі тиісінше 0,16 және 0,22%-ды ғана құрады. ҚЭЗИ өткізген сараптамалық кездесулердің материалдарына сәйкес, астаналық дүнгендердің бір бөлігі Қордай ауданынан көшіп келген. Олардың негізгі жұмыспен қамтылу салаларына ұялы телефондар мен тұрмыстық техника саудасы, ал қала маңында жалға алынған жерлердегі өсімдік шаруашылығы жатады. Осылайша Астана жылдам өсіп келе жатқан, бірақ аумақтық тұрғыдан дисперсті екінші деңгейлі қалалық орталық ретінде қалыптасуда.

Қарағанды облысында осы кезеңде дүнгендер саны 1 036-дан 1 183 адамға дейін, яғни 147 адамға немесе 14,2%-ға өсті. Негізгі орталықтар – Шахтинск қаласы (585 адам), Абай ауданы (402 адам) және Қарағанды қаласы (159 адам). Облыстағы дүнгендердің 96,9%-ы осы аумақтарда тұрды. ҚЭЗИ мониторинг материалдары Қордай ауданынан шыққан тұрғындардың бір бөлігінің Долинка кентіне қоныс аударғанын да көрсетеді. Онда ауыл шаруашылығына мамандану сақталған. Бұл мәліметтер қоныстану географиясының кеңеюі екі бағытта жүргенін көрсетеді: екінші деңгейлі қалалық орталықтар өсіп, дәстүрлі ареалдан тыс шағын аграрлық қоныстар қалыптасуда.

7. Қоныстанудың кеңістіктік модельдері мен олардың өзгеру бағыттарын салыстыру

Үш этносты салыстыру олардың қоныстану географиясындағы ғана емес, қоныстану жүйелерінің ішкі құрылымы мен иерархиясындағы да айырмашылықтарды анықтады. Өзбек этносының қоныстануы жергілікті этникалық көпшілік қалыптасқан аудандарды, ірі қалаларды және ауылдық елді мекендерді біріктіретін оңтүстік қалалық-ауылдық жүйе түрінде қалыптасқан. Ұйғыр этносына Алматыны, агломерациялық аумақтарды және дәстүрлі ықшам қоныстану аудандарын қамтитын полицентрлі оңтүстік-шығыс модель тән. Дүнген этносының қоныстануы тарихи ауылдық өзек пен күшейіп келе жатқан қалалық орталықтар арасындағы айқын айырмашылықпен сипатталады.

Ірі қалалардың атқаратын қызметі де бірдей емес. Шымкент өзбек этносының тарихи қалыптасқан қоныстану ареалының құрамдас бөлігі әрі оның ең ірі қалалық орталығы болып табылады. Алматы ұйғыр этносының жетекші орталығы және дүнгендердің қоныстану жүйесіндегі Қордай өзегінен кейінгі екінші негізгі полюс қызметін атқарады. Ең жоғары аумақтық шоғырлану байқалатын әкімшілік деңгей де ерекшеленеді: өзбектер Сайрам және Сауран аудандарында, ұйғырлар Ұйғыр ауданында жергілікті этникалық көпшілікті құраса, дүнгендердің ең жоғары шоғырлануы Қордай ауданының жекелеген ауылдарында байқалады.

2025 жылғы қалалық және ауылдық халықтың арақатынасы осы кеңістіктік айырмашылықтарды сандық тұрғыдан нақтылайды. Қала тұрғындарының ең жоғары үлесі ұйғыр этносы арасында байқалып, 55,6%-ды құрады. Бұл өзбектердің көрсеткішінен 3,2 пайыздық тармаққа жоғары, бірақ Қазақстан бойынша қалыптасқан 63,0%-дық деңгейден 7,4 пайыздық тармаққа төмен. Ұйғырлар арасында қала тұрғындарының үлесі салыстырмалы түрде жоғары. Бұл Алматының жетекші қоныстану орталығы ретіндегі рөлімен байланысты. Сонымен бірге ауыл тұрғындарының 44,4%-дық үлесі Ұйғыр және Панфилов аудандарындағы дәстүрлі қоныстану өзектерінің маңызы сақталғанын көрсетеді.

6-кесте. Өзбек, ұйғыр және дүнген этностарының кеңістіктік қоныстану модельдерін салыстыру

Өлшем	Өзбек этносының қоныстану моделі	Ұйғыр этносының қоныстану моделі	Дүнген этносының қоныстану моделі
Негізгі шоғырлану аумақтары	Түркістан және Жамбыл облыстары, Шымкент	Алматы, Алматы облысы, Жетісу облысы	Жамбыл облысы және Алматы
Қоныстанудың негізгі кеңістіктік моделі	Оңтүстік қалалық-ауылдық жүйе	Полицентрлі оңтүстік-шығыс қалалық-аудандық жүйе	Қалалық құрамдасы күшейіп келе жатқан тарихи ауылдық-аудандық өзек
Жергілікті этникалық көпшілік аумақтары	Сайрам және Сауран аудандары	Ұйғыр ауданы	Қордай ауданының жекелеген елді мекендері, оның ішінде Сортөбе мен Масанчи
Ең ірі қалалық орталық	Шымкент – 198,5 мың адам; топтың 29,3%-ы	Алматы – 122,4 мың адам; топтың 40,0%-ы	Алматы – 18,2 мың адам; топтың 21,1%-ы

Өлшем	Өзбек этносының қоныстану моделі	Ұйғыр этносының қоныстану моделі	Дүнген этносының қоныстану моделі
Өзгерістің негізгі бағыты	Оңтүстік өзеннің басымдығы сақталған жағдайда біртіндеп аумақтық дисперсиялану	Дәстүрлі аудандардағы әртүрлі динамика аясында Алматы мен агломерациялық аумақтардың күшеюі	Қордай өзенінің тұрақтануы және одан тыс орталықтардың жедел өсуі
Негізгі ареалдан тыс жедел өсіп жатқан аумақтар	Алматы, Астана, Алматы облысы	Астана және Шымкент	Астана және Қарағанды облысы
2025 жылғы қалалық және ауылдық халық	52,4% / 47,6%	55,6% / 44,4%	29,5% / 70,5%

Дереккөз: авторлар Қазақстан Республикасы Ұлттық статистика бюросының деректері [22; 23] және ҚЭЗИ мониторинг материалдары негізінде құрастырған.

Өзбек этносының қоныстану құрылымындағы қалалық және ауылдық құрамдастар салыстырмалы түрде теңгерімді: 2025 жылы өзбектердің 52,4%-ы қалаларда, 47,6%-ы ауылдық жерлерде тұрды. Бұл көрсеткіш Қазақстан бойынша қала тұрғындарының 63,0%-дық үлесінен 10,6 пайыздық тармаққа төмен болды. Мұндай арақатынас, бір жағынан, Шымкенттегі ірі қалалық шоғырлануды, екінші жағынан, Сайрам және Сауран аудандарындағы ауылдық қоныстану өзектерінің тұрақтылығын көрсетеді. Сондықтан өзбектердің қоныстануы қалалық немесе ауылдық бағыттардың біреуі ғана басым болатын модельге жатпайды: оның екі құрамдасы да жалпы жүйенің тұрақтылығын қамтамасыз етеді.

Дүнген этносының қоныстану құрылымы айқын ауылдық сипатымен ерекшеленеді: оның өкілдерінің 70,5%-ы ауылдық жерлерде, 29,5%-ы қалаларда тұрды. Дүнгендер арасында қала тұрғындарының үлесі жалпыұлттық көрсеткіштен 33,5 пайыздық тармаққа, ал ұйғырлар арасындағы тиісті көрсеткіштен 26,1 пайыздық тармаққа төмен. Бұл Қордай және Жамбыл аудандарындағы тарихи қалыптасқан ауылдық қоныстану өзектерінің шешуші рөлін көрсетеді. Сонымен бірге 2023–2025 жылдары қалалардағы дүнгендер саны 14,4%-ға, ауылдық жерлерде 1,9%-ға өсті. Демек, ауылдық модель басым болып қалғанымен, оның қалалық құрамдасы төмен бастапқы деңгейден жедел өсіп келеді.

Кеңістіктік өзгерістердің бағыттары да әртүрлі. Өзбек этносының қоныстануында оңтүстік өзеннің басымдығы сақталып, одан тыс аумақтарда біртіндеп дисперсиялану байқалады. Ұйғыр этносының моделінде Алматы мен агломерациялық аумақтардың рөлі күшейіп, дәстүрлі аудандарда қарама-қарсы динамика қалыптасқан: Ұйғыр ауданында ұзақ мерзімді қысқару байқалса, Панфилов ауданында этностың саны мен үлесі өскен. Дүнген этносының моделінде Қордай өзенінің демографиялық тұрақтануы Алматы, Астана және екінші деңгейлі аумақтардың жедел өсуімен қатар жүрді.

Осылайша, қарастырылған этностардың ешқайсысында қалалық халықтың үлесі жалпыұлттық деңгейге жетпейді, алайда олардың урбандалу дәрежесі мен

кеңістіктік өзгеру тетіктері әртүрлі. Жалпы байқалған өзгерістер тарихи өзектердің жойылуын емес, олардың сақталуы жағдайында ірі қалалардың, агломерациялық аумақтардың және екінші деңгейлі орталықтардың маңызы артып келе жатқанын білдіреді. Салыстыру нәтижелері 6-кестеде жинақталған.

Қорытынды

Зерттеу нәтижелері 2023–2025 жылдары өзбек, ұйғыр және дүнген этностарының тарихи қалыптасқан қоныстану өзектері аумақтық құрылымдағы жетекші рөлін сақтағанын көрсетті. 2025 жылдың басында әр этнос өкілдерінің 90%-дан астамы негізгі қоныстану ареалдарында тұрды. Сонымен бірге бұл ареалдардан тыс аумақтарда этнос өкілдерінің саны салыстырмалы түрде жоғары қарқынмен өсті. Соның нәтижесінде негізгі қоныстану ареалдарының әр этностың жалпы санындағы үлесі аздап төмендеді. Бұл үдеріс дәстүрлі қоныстану ареалдарының әлсіреуінен гөрі қоныстану географиясының біртіндеп әртараптануын көрсетеді. Үш этностың кеңістіктік динамикасы әртүрлі болғанымен, ортақ үрдіс тарихи қоныстану құрылымдарының сақталуы жағдайында қоныстану географиясының біртіндеп кеңеюі мен күрделенуінен көрінді.

Алынған нәтижелер этносаралық қатынастармен қатар этностардың ішкі демографиялық, әлеуметтік және кеңістіктік үдерістерін де көпдеңгейлі этносаяси мониторинг аясында жүйелі зерделеу қажеттігін көрсетеді. Мұндай мониторинг мемлекеттік этносаясатты ақпараттық-талдамалық қамтамасыз етудің маңызды құралы бола алады. Бұл мақалада үш этностың ықшам қоныстану аумақтарындағы сандық динамикасы мен кеңістіктік құрылымы қарастырылды. Кейінгі зерттеулерде талдау аясын көші-қон ағындары, тілдік тәжірибе, білім беру, жұмыспен қамту, аумақтық ұтқырлық, мемлекеттік басқару органдары мен қоғамдық ұйымдардағы өкілдік және институционалдық қатысу көрсеткіштерімен кеңейткен жөн. Сонымен бірге қоғамдық және мемлекеттік институттардан тұрақты алшақтауды білдіретін, шартты түрде «ішкі эмиграция» ретінде сипатталатын белгілерді зерделеу қажет. Бұл ықшам қоныстанудың әлеуметтік-институционалдық ықпалдасумен, қоғамдық өмірге қатысумен және жалпыазаматтық бірегейліктің нығаюымен байланысын кешенді бағалауға мүмкіндік береді.

Пайдаланылған әдебиет тізімі

1. Portes A., Jensen L. The Enclave and the Entrants: Patterns of Ethnic Enterprise in Miami before and after Mariel // American Sociological Review. – 1989. – Vol. 54, No. 6. – P. 929–949. DOI: 10.2307/2095716.
2. Logan J. R., Alba R. D., Zhang W. Immigrant Enclaves and Ethnic Communities in New York and Los Angeles // American Sociological Review. – 2002. – Vol. 67, No. 2. – P. 299–322. DOI: 10.1177/000312240206700207.
3. Waldinger R. The Ethnic Enclave Debate Revisited // International Journal of Urban and Regional Research. – 1993. – Vol. 17, No. 3. – P. 444–452. DOI: 10.1111/j.1468-2427.1993.tb00232.x.
4. Xie Y., Gough M. Ethnic Enclaves and the Earnings of Immigrants // Demography. – 2011. – Vol. 48, No. 4. – P. 1293–1315. DOI: 10.1007/s13524-011-0058-8.

5. Massey D. S., Denton N. A. The Dimensions of Residential Segregation // *Social Forces*. – 1988. – Vol. 67, No. 2. – P. 281–315. DOI: 10.1093/sf/67.2.281.
6. Marcuse P. The Enclave, the Citadel, and the Ghetto: What Has Changed in the Post-Fordist U.S. City // *Urban Affairs Review*. – 1997. – Vol. 33, No. 2. – P. 228–264. DOI: 10.1177/107808749703300206.
7. Edin P.-A., Fredriksson P., Åslund O. Ethnic Enclaves and the Economic Success of Immigrants: Evidence from a Natural Experiment // *The Quarterly Journal of Economics*. – 2003. – Vol. 118, No. 1. – P. 329–357. DOI: 10.1162/00335530360535225.
8. Danzer A. M., Yaman F. Do Ethnic Enclaves Impede Immigrants' Integration? Evidence from a Quasi-Experimental Social-Interaction Approach // *Review of International Economics*. – 2013. – Vol. 21, No. 2. – P. 311–325. DOI: 10.1111/roie.12038.
9. Gërkhani K., Kosyakova Y. The Effect of Co-ethnic Social Capital on Immigrants' Labor Market Integration: A Natural Experiment // *Comparative Migration Studies*. – 2022. – Vol. 10. – Article 15. DOI: 10.1186/s40878-022-00289-x.
10. Demireva N., Zwysen W. Ethnic Enclaves, Economic and Political Threat: An Investigation with the European Social Survey // *Frontiers in Sociology*. – 2021. – Vol. 6. – Article 660378. DOI: 10.3389/fsoc.2021.660378.
11. Отар Э. С., Ким Г. Н., Садвокасова А. К., Накипбаева Ж. А., Көміртай А. Е. Женщины из этнических сообществ как каналы воспроизводства и формирования гражданской и этнической идентичности: на примере Туркестанской области и г. Шымкента. – Астана: Институт прикладных этнополитических исследований, 2024. – 291 с.
12. Артыкбаев Ж. О. Узбеки Казахстана: история, хозяйство и культура, духовная жизнь и современность. – Астана: Фолиант, 2018. – 336 с.
13. Несипбаева К. Р. Исторические аспекты возникновения и формирования узбекской диаспоры на территории Казахстана // *Ярославский педагогический вестник*. – 2012. – № 1. – Т. I: Гуманитарные науки. – С. 57–61. URL: https://vestnik.yspu.org/releases/2012_1g/14.pdf (дата обращения: 12.08.2026).
14. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / под ред. Н. А. Тройницкого. – Т. II. – Санкт-Петербург, 1905. – Табл. XIII: Распределение населения по родному языку. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php (дата обращения: 12.08.2026).
15. Санкт-Петербургский договор, заключённый между Россией и Китаем об Илийском крае, границе и торговле в Западном Китае, 12 февраля 1881 года // *Русско-китайские договорно-правовые акты*. – Документ № 27. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1680-1700/Rus_kit_dog_prav_akt/21-40/27.htm (дата обращения: 12.08.2026).
16. Qazaqstan Tarihy. Переселение уйгуров и дунган в Семиречье в 1881–1884 годах. URL: <https://e-history.kz/media/scorm/376/text/text.htm> (дата обращения: 12.08.2026).
17. Васильев Д. В., Асанова С. А. Приют для страждущих: миграция из Синьцзяна в Россию в 1860–1880-х гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. – 2023. – Т. 22, № 1. – С. 34–46. DOI: 10.22363/2312-8674-2023-22-1-34-46.
18. Камалов А. К. Уйгуры Казахстана. – Астана: Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, 2016.
19. Asanova S. The Policy of the Russian Empire Toward Cross-Border Migration from Semirechye to China (1900–1910) // *Connexe: les espaces postcommunistes en question(s)*. – 2025. – Vol. 11, No. 1. – P. 99–114. DOI: 10.5077/journals/connexe.2025.e2430.
20. Sussan K. I. History of Dungans Agriculture Development in Central Asia and Its Current State // *International Research Journal*. – 2025. – No. 6 (156). DOI: 10.60797/IRJ.2025.156.53.
21. Imyarova Z. The Peculiarities of Traditional Marriage Rituals of the Dungan Diaspora: A Comparative-Historical Analysis // *Nationalities Papers*. – 2019. – Vol. 47, No. 3. – P. 492–505. DOI: 10.1017/nps.2018.13.

22. Бюро национальной статистики Республики Казахстан. Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2023 года. Серия «Демографическая статистика». – Астана, 2023. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/6373/> (дата обращения: 12.08.2026).

23. Бюро национальной статистики Республики Казахстан. Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам и возрастным группам на начало 2025 года. Серия «Демографическая статистика». – Астана, 2025. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/281562/> (дата обращения: 12.08.2026).

24. Социологическое исследование «Ключевые факторы формирования этнических анклавов». – Нур-Султан: Институт прикладных этнополитических исследований, 2022. – 148 с. Данный аналитический доклад подготовлен в рамках выполнения государственного задания согласно договору №КРМО-5-ГЗ от 17 января 2022 года между МКИ РК и ИПЭИ

Transliteration

1. Portes A., Jensen L. The Enclave and the Entrants: Patterns of Ethnic Enterprise in Miami before and after Mariel. *American Sociological Review*, 1989, vol. 54, no. 6, pp. 929–949. DOI: 10.2307/2095716.

2. Logan J. R., Alba R. D., Zhang W. Immigrant Enclaves and Ethnic Communities in New York and Los Angeles. *American Sociological Review*, 2002, vol. 67, no. 2, pp. 299–322. DOI: 10.1177/000312240206700207.

3. Waldinger R. The Ethnic Enclave Debate Revisited. *International Journal of Urban and Regional Research*, 1993, vol. 17, no. 3, pp. 444–452. DOI: 10.1111/j.1468-2427.1993.tb00232.x.

4. Xie Y., Gough M. Ethnic Enclaves and the Earnings of Immigrants. *Demography*, 2011, vol. 48, no. 4, pp. 1293–1315. DOI: 10.1007/s13524-011-0058-8.

5. Massey D. S., Denton N. A. The Dimensions of Residential Segregation. *Social Forces*, 1988, vol. 67, no. 2, pp. 281–315. DOI: 10.1093/sf/67.2.281.

6. Marcuse P. The Enclave, the Citadel, and the Ghetto: What Has Changed in the Post-Fordist U.S. City. *Urban Affairs Review*, 1997, vol. 33, no. 2, pp. 228–264. DOI: 10.1177/107808749703300206.

7. Edin P.-A., Fredriksson P., Åslund O. Ethnic Enclaves and the Economic Success of Immigrants: Evidence from a Natural Experiment. *The Quarterly Journal of Economics*, 2003, vol. 118, no. 1, pp. 329–357. DOI: 10.1162/00335530360535225.

8. Danzer A. M., Yaman F. Do Ethnic Enclaves Impede Immigrants' Integration? Evidence from a Quasi-Experimental Social-Interaction Approach. *Review of International Economics*, 2013, vol. 21, no. 2, pp. 311–325. DOI: 10.1111/roie.12038.

9. Gërxxhani K., Kosyakova Y. The Effect of Co-ethnic Social Capital on Immigrants' Labor Market Integration: A Natural Experiment. *Comparative Migration Studies*, 2022, vol. 10, article 15. DOI: 10.1186/s40878-022-00289-x.

10. Demireva N., Zwysen W. Ethnic Enclaves, Economic and Political Threat: An Investigation with the European Social Survey. *Frontiers in Sociology*, 2021, vol. 6, article 660378. DOI: 10.3389/fsoc.2021.660378.

11. Otar E. S., Kim G. N., Sadvokasova A. K., Nakipbaeva Zh. A., Kömirtai A. E. Zhenshchiny iz etnicheskikh soobshchestv kak kanaly vosproizvodstva i formirovaniya grazhdanskoi i etnicheskoi identichnosti: na primere Turkestanskoi oblasti i g. Shymkenta [Women from ethnic communities as channels for the reproduction and formation of civic and ethnic identity: the case of Turkistan Region and Shymkent]. Astana: Institute of Applied Ethnopolitical Research, 2024. 291 p. (in Russ.).

12. Artykbaev Zh. O. Uzbeki Kazakhstan: istoriya, khozyaistvo i kul'tura, dukhovnaya zhizn' i sovremennost' [Uzbeks of Kazakhstan: history, economy and culture, spiritual life and modernity]. Astana: Foliant, 2018. 336 p. (in Russ.).

13. Nesipbaeva K. R. Istoricheskie aspekty vozniknoveniya i formirovaniya uzbekskoi diaspori na territorii Kazakhstana [Historical aspects of the emergence and formation of the Uzbek diaspora in Kazakhstan]. Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik, 2012, no. 1, vol. I: Gumanitarnye nauki, pp. 57–61. Available at: https://vestnik.yspu.org/releases/2012_1g/14.pdf (accessed: 12.08.2026). (in Russ.).
14. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 goda [First General Census of the Russian Empire of 1897]. Ed. by N. A. Troitskii. Vol. II. Saint Petersburg, 1905. Table XIII: Raspreделение naseleniya po rodnomu yazyku [Distribution of the population by native language]. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php (accessed: 12.08.2026). (in Russ.).
15. Sankt-Peterburgskii dogovor, zaklyuchennyi mezhdu Rossiei i Kitaem ob Iliiskom krae, granitse i torgovle v Zapadnom Kitae, 12 fevralya 1881 goda [Treaty of Saint Petersburg between Russia and China concerning the Ili Region, the border and trade in Western China, 12 February 1881]. Russko-kitaiskie dogovorno-pravovye akty [Russian-Chinese treaty and legal acts]. Document no. 27. Available at: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1680-1700/Rus_kit_dog_prav_akt/21-40/27.htm (accessed: 12.08.2026). (in Russ.).
16. Qazaqstan Tarihy. Pereselenie uigurov i dungan v Semirech'e v 1881–1884 godakh [Resettlement of Uyghurs and Dungans to Semirechye in 1881–1884]. Available at: <https://e-history.kz/media/scorm/376/text/text.htm> (accessed: 12.08.2026). (in Russ.).
17. Vasilyev D. V., Asanova S. A. Shelter for the Afflicted: Migration from Xinjiang to Russia in the 1860s–1880s. RUDN Journal of Russian History, 2023, vol. 22, no. 1, pp. 34–46. DOI: 10.22363/2312-8674-2023-22-1-34-46.
18. Kamalov A. K. Ugury Kazakhstana [Uyghurs of Kazakhstan]. Astana: Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, 2016. (in Russ.).
19. Asanova S. The Policy of the Russian Empire Toward Cross-Border Migration from Semirechye to China (1900–1910). Connexe: les espaces postcommunistes en question(s), 2025, vol. 11, no. 1, pp. 99–114. DOI: 10.5077/journals/connexe.2025.e2430.
20. Sussan K. I. History of Dungans Agriculture Development in Central Asia and Its Current State. International Research Journal, 2025, no. 6 (156). DOI: 10.60797/IRJ.2025.156.53.
21. Imyarova Z. The Peculiarities of Traditional Marriage Rituals of the Dungan Diaspora: A Comparative-Historical Analysis. Nationalities Papers, 2019, vol. 47, no. 3, pp. 492–505. DOI: 10.1017/nps.2018.13.
22. Byuro natsional'noi statistiki Respubliki Kazakhstan. Chislennost' naseleniya Respubliki Kazakhstan po otdel'nyim etnosam na nachalo 2023 goda [Population of the Republic of Kazakhstan by selected ethnic groups at the beginning of 2023]. Demographic Statistics Series. Astana, 2023. Available at: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/6373/> (accessed: 12.08.2026). (in Russ.).
23. Byuro natsional'noi statistiki Respubliki Kazakhstan. Chislennost' naseleniya Respubliki Kazakhstan po otdel'nyim etnosam i vozrastnym gruppam na nachalo 2025 goda [Population of the Republic of Kazakhstan by selected ethnic and age groups at the beginning of 2025]. Demographic Statistics Series. Astana, 2025. Available at: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/281562/> (accessed: 12.08.2026). (in Russ.).
24. Sotsiologicheskoe issledovanie «Klyuchevye faktory formirovaniya etnicheskikh anklavov» [Sociological Study “Key Factors in the Formation of Ethnic Enclaves”]. Nur-Sultan: Institute of Applied Ethnopolitical Research, 2022. 148 p. The analytical report was prepared within the framework of a state assignment under Contract No. KRMO-5-GZ dated 17 January 2022 between the Ministry of Culture and Information of the Republic of Kazakhstan and the Institute of Applied Ethnopolitical Research. (in Russ.).

Авторлар туралы мәлімет / Сведения об авторах / Information about authors

Садвокасова Айгуль Какимбековна	Әлеуметтану ғылымдарының докторы, ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің Философия, саясаттану және дінтану институтының Бас директоры, Алматы, Қазақстан
Ғали Дінмұхаммед Әзімбайұлы	Экономика ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Қолданбалы этносаяси зерттеулер институты директорының орынбасары, Астана, Қазақстан; e-mail: esenai2020@gmail.com https://orcid.org/0009-0009-4888-7986
Садвокасова Айгуль Какимбековна	Доктор социологических наук, Генеральный директор Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования, Алматы, Казахстан
Ғали Дінмұхаммед Әзімбайұлы	Кандидат экономических наук, ассоциированный профессор, заместитель директора Института прикладных этнополитических исследований, Астана, Казахстан; e-mail: esenai2020@gmail.com; ORCID: https://orcid.org/0009-0009-4888-7986
Aigul Kakimbekovna Sadvokassova	Doctor of Sociological Sciences, Director General of the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education, Almaty, Kazakhstan
Gali Dinmukhammed Azimbayuly	Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Deputy Director of the Institute of Applied Ethnopolitical Research, Astana, Kazakhstan; e-mail: esenai2020@gmail.com; ORCID: https://orcid.org/0009-0009-4888-7986

ДИАСПОРАЛЬНОСТЬ И ДИАСПОРИЧНОСТЬ: ОТ ПРОИЗВОДНЫХ ПОНЯТИЙ К НОВОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННОЙ ДИАСПОРОЛОГИИ

Герман КИМ

Институт азиатских исследований
КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан
germankim01@yahoo.com

Ссылка на данную статью: Ким Г.Н. Диаспоральность и диаспоричность: от производных понятий к новой аналитической парадигме современной диаспорологии. Казахстане // *SOCIOLOGY. KZ.* – 2026. – №3(3). – С.52 – 67. <https://doi.org/10.48010/2026.3/sskz.27>

Аннотация. В последние десятилетия понятие «диаспора» превратилось в одну из ключевых категорий гуманитарных и социальных наук. Расширение сферы его применения – от классических этнических общностей до транснациональных, цифровых и виртуальных сообществ – существенно обогатило исследовательский инструментарий, но одновременно привело к размыванию аналитических границ данного понятия. В этих условиях возрастает потребность в категориях, позволяющих исследовать не только диаспору как социальную форму, но и процессы формирования, воспроизводства и трансформации диаспорной принадлежности. Цель статьи заключается в реконструкции генезиса понятия *diasporicity*, анализе его использования в современной англоязычной литературе и концептуализации русскоязычных понятий «диаспоральность» и «диаспоричность» как самостоятельных аналитических категорий современной диаспорологии. Методологическую основу исследования составляют концептуальный анализ, сравнительно-исторический подход и критический обзор англоязычной и русскоязычной научной литературы по проблемам диаспоры, транснационализма, миграции, цифровых коммуникаций и идентичности. Показано, что, несмотря на возрастающую распространенность термина *diasporicity*, он до настоящего времени не получил общепринятой теоретической интерпретации. В статье реконструированы основные этапы эволюции данного понятия, предложено аналитическое разграничение категорий «диаспора», «диаспоризация», «диаспоральность», «диаспоричность» и «диаспоризм», а также раскрыты их взаимосвязи в рамках единой концептуальной модели. Научная новизна исследования состоит в системной концептуализации понятий «диаспоральность» и «диаспоричность» в русскоязычной научной литературе, обосновании их самостоятельного аналитического статуса и определении эвристического потенциала для исследования современных форм транснациональной, цифровой и постдиаспорной организации. Полученные результаты позволяют перейти от статического понимания диаспоры как фиксированной этнокультурной общности к процессуальному анализу степени, механизмов и форм воспроизводства диаспорной принадлежности.

Ключевые слова: диаспоральность; диаспоричность; диаспоризм, *diasporicity*; диаспоризация; идентичность, транснационализм; цифровая диаспора

ДИАСПОРАЛЫҚТЫҚ ЖӘНЕ ДИАСПОРАЛЫҚ СИПАТ: ТУЫНДЫ ҰҒЫМДАРДАН ҚАЗІРГІ ДИАСПОРАЛОГИЯНЫҢ ЖАҢА АНАЛИТИКАЛЫҚ ПАРАДИГМАСЫНА ДЕЙІН

Герман КИМ

*ал-Фараби атындағы ҚазҰУ Азия зерттеулері институты,
Алматы, Қазақстан*

DIASPORALITY AND DIASPORICITY: FROM DERIVATIVE CONCEPTS TO A NEW ANALYTICAL PARADIGM OF CONTEMPORARY DIASPORA STUDIES

German KIM

Institute of Asian Studies, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Аңдатпа. Соңғы онжылдықтарда «диаспора» ұғымы гуманитарлық және әлеуметтік ғылымдардың негізгі категорияларының біріне айналды. Оны қолдану аясының кеңеюі – классикалық этникалық қауымдастықтардан транснационалдық, цифрлық және виртуалдық қауымдарға дейін – зерттеу құралдарын едәуір байытты, бірақ сонымен бірге осы ұғымның аналитикалық шекараларының жуылуына әкелді. Осындай жағдайда диаспораны тек әлеуметтік форма ретінде ғана емес, сонымен бірге диаспоралық тиістіліктің қалыптасуы, қайта жаңғыру және трансформациялану процестерін зерттеуге мүмкіндік беретін категорияларға деген қажеттілік артады. Мақаланың мақсаты – diasporicity ұғымының генезисін қайта жаңғырту, оның қазіргі ағылшын тілді әдебиетте қолданылуын талдау және қазіргі диаспоралогияның дербес аналитикалық категориялары ретінде «диаспоралықтық» пен «диаспоралық сипат» ұғымдарын тұжырымдамалау. Зерттеудің методологиялық негізін диаспора, транснационализм, миграция, цифрлық коммуникациялар мен идентичтілік проблемалары бойынша ағылшын және орыс тілді ғылыми әдебиеттерге тұжырымдамалық талдау, салыстырмалы-тарихи тәсіл және критикалық шолу құрайды. Diasporicity терминінің кеңінен таралуына қарамастан, ол осы уақытқа дейін жалпыға бірдей қабылданған теориялық түсіндірме алмағаны көрсетілген.

Abstract. In recent decades, the concept of “diaspora” has evolved into one of the key categories of the humanities and social sciences. The expansion of its scope—from classical ethnic communities to transnational, digital, and virtual networks—has significantly enriched the research toolkit, but simultaneously led to the blurring of the concept’s analytical boundaries. Under these conditions, there is a growing need for categories that allow for the investigation not only of diaspora as a social form, but also of the processes of formation, reproduction, and transformation of diasporic belonging. The aim of the article is to reconstruct the genesis of the concept of diasporicity, analyze its usage in contemporary English-language literature, and conceptualize the notions of “diasporality” and “diasporicity” as independent analytical categories of modern diaspora studies. The methodological basis of the research comprises conceptual analysis, a comparative-historical approach, and a critical review of English- and Russian-language scientific literature on diaspora, transnationalism, migration, digital communications, and identity. It is shown that despite the increasing prevalence of the term diasporicity, it has not yet received a generally accepted theoretical interpretation. The article reconstructs the main stages of this concept’s evolution, proposes an analytical differentiation between the categories of “diaspora,” “diasporization,” “diasporality,” “diasporicity,” and “diasporism,” and reveals their interrelationships within a single conceptual model.

Мақалада осы ұғым эволюциясының негізгі кезеңдері қайта жаңғыртылып, «диаспора», «диаспорализация», «диаспоралықтық», «диаспоралық сипат» және «диаспорализм» категорияларын аналитикалық саралау ұсынылған, сондай-ақ біртұтас тұжырымдамалық модель шеңберінде олардың өзара байланыстары ашылған. Зерттеудің ғылыми жаңалығы ғылыми әдебиетте «диаспоралықтық» және «диаспоралық сипат» ұғымдарын жүйелі тұжырымдамалау, олардың дербес аналитикалық мәртебесін негіздеуде және транснационалдық, цифрлық және постдиаспоралық ұйымдасудың қазіргі формаларын зерттеуге арналған эвристикалық әлеуетін анықтауда болып табылады. Алынған нәтижелер диаспораны бекітілген этномәдени қауымдастық ретінде статикалық түсінуден диаспоралық тиістіліктің қайта жаңғыру дәрежесін, механизмдерін және формаларын процестік талдауға өтуге мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: диаспоралықтық, диаспоралық сипат, diasporicity, диаспорализация, диаспорализм, идентичтілік, транснационализм, цифрлық диаспора.

The scientific novelty of the study lies in the systematic conceptualization of “diasporality” and “diasporicity” in scholarly literature, the substantiation of their independent analytical status, and the determination of their heuristic potential for studying contemporary forms of transnational, digital, and post-diasporic organization. The obtained results facilitate a transition from a static understanding of diaspora as a fixed ethnocultural community to a processual analysis of the degree, mechanisms, and forms of reproduction of diasporic belonging.

Key words: diaspora, diasporality, diasporicity, diasporism, diasporization, identity transnationalism, digital diaspora.

Введение

На рубеже XX–XXI веков исследования диаспоры превратились в одно из наиболее динамично развивающихся направлений гуманитарных и социальных наук. Если первоначально понятие «диаспора» использовалось главным образом для описания исторического опыта еврейского, армянского и греческого рассеяния, то в дальнейшем сфера его применения существенно расширилась. Сегодня данный термин используется для анализа международной миграции, транснациональных сетей, коллективной идентичности, цифровых сообществ, виртуальных форм взаимодействия и других социальных явлений. В результате диаспора стала рассматриваться не только как особый тип этнической общности, но и как аналитическая категория, применяемая в исследованиях политики, культуры, коммуникации, памяти и глобальной мобильности [1–3].

Расширение исследовательского поля сопровождалось существенной трансформацией самого понимания диаспоры. Классическая модель, основанная на коллективной памяти, мифе возвращения, устойчивой этнокультурной идентичности и институциональной организации, постепенно уступила место конструктивистским и процессуальным интерпретациям. Современные исследования все чаще рассматривают диаспору не как фиксированную социальную структуру, а как динамический процесс, форму коллективного воображения, способ политической мобилизации, сеть транснациональных связей и постоянно воспроизводимую систему культурных практик [4–7].

Вместе с тем расширение содержания понятия «диаспора» породило новую концептуальную проблему. По мере того, как данный термин стал применяться

к чрезвычайно широкому кругу явлений – от классических зарубежных этнических общин до цифровых сетей, профессиональных объединений и виртуальных сообществ, – его аналитическая определенность заметно снизилась. Роджерс Брубейкер охарактеризовал этот процесс как «диаспоризацию самой диаспоры» и предложил рассматривать диаспору не только как ограниченную группу, но и как категорию практики, притязания и позиции [8, с.12-13].

Именно эта концептуальная инфляция обусловила необходимость поиска новых аналитических категорий. В современной литературе постепенно возрастает интерес к понятию *diasporicity*, которое позволяет перенести исследовательский фокус с диаспоры как коллективного субъекта на процессы формирования, поддержания и изменения диаспорной принадлежности. Подобный сдвиг соответствует общей тенденции социальных наук, ориентированных на изучение не столько статических сущностей, сколько процессов, отношений, практик и механизмов социального конструирования. В этом смысле *diasporicity* отражает переход от вопроса «что является диаспорой?» к вопросу «каким образом и в какой степени воспроизводится диаспорная принадлежность?».

Несмотря на постепенно расширяющееся использование термина *diasporicity*, его теоретический статус остается неопределенным. В большинстве публикаций он употребляется эпизодически, без самостоятельного определения, выступая преимущественно как производное от понятия *diaspora* либо как стилистический вариант прилагательного *diasporic*. В отличие от категории *diaspora*, вокруг которой сформировалась обширная теоретическая традиция, *diasporicity* пока не стало предметом системной концептуализации [9–11].

Особенно заметен данный пробел в русскоязычной литературе. Хотя в последние годы все чаще используется понятие «диаспоральность» и значительно реже – «диаспоричность», единых определений, общепринятой терминологии и теоретического разграничения этих категорий пока не существует. В большинстве случаев они выполняют описательную функцию и не включаются в единую систему понятий современной диаспорологии [12–14].

Цель настоящего исследования заключается в реконструкции генезиса понятия *diasporicity*, анализе особенностей его употребления в современной научной литературе и разработке концептуальных оснований для использования понятий «диаспоральность» и «диаспоричность» в качестве самостоятельных аналитических категорий. Одновременно предпринимается попытка определить их место в системе взаимосвязанных понятий – «диаспора», «диаспоризация» и «диаспоризм» – и показать их значение для дальнейшего развития современной диаспорологии

Методология

Статья основана на концептуальном и сравнительно-историческом анализе современного англо и русскоязычного научного дискурса диаспоры, идентичности и транснационализма. Использование междисциплинарных методов исследования позволяет реконструировать эволюцию "диаспоральности" и "диаспоричности", особенностей их формирования, а также определения их места в со-

временном категориальном аппарате диаспорологии. Теоретическая концепция представляет собой конвергентный симбиоз традиционных направлений диаспорологии, конструктивистских подходов к идентичности, транснационализма, цифровой миграции и платформенной коммуникации. В статье анализируются не только производные от термина «диаспора - понятия, но исследуются динамические процессы формирования, воспроизводства и трансформации диаспор в контексте цифровизации, множественных идентичностей и полицентричных транснациональных связей. Такой подход открывает новый эвристический подход к изучению диаспоры, дающий возможности разработки процессуального подхода в изучение процесса диаспоризации.

1. Генезис понятия *diasporicity* и формирование концепций диаспоральности и диаспоричности

Появление новых научных понятий, как правило, отражает изменение исследовательской перспективы и свидетельствует о том, что существующий категориальный аппарат перестает адекватно описывать новые социальные явления. Именно такая ситуация сложилась в современной диаспорологии. Расширение содержания понятия *diaspora*, обусловленное развитием исследований транснационализма, глобальной мобильности и цифровых коммуникаций, постепенно выявило ограниченность традиционного понятийного аппарата. Если классические концепции были ориентированы преимущественно на определение того, что представляет собой диаспора, то современные исследования все чаще обращаются к анализу того, каким образом формируется, воспроизводится и изменяется диаспорная принадлежность.

Одним из результатов подобной трансформации стало распространение в англоязычной литературе понятия *diasporicity*. В отличие от терминов *transnationalism*, *hybridity*, *intersectionality* или *superdiversity*, возникновение которых сопровождалось программными работами и интенсивными теоретическими дискуссиями, *diasporicity* вошло в научный оборот практически незаметно. На протяжении длительного времени оно употреблялось эпизодически, без специального определения и без попыток придать ему статус самостоятельной аналитической категории.

Поиск публикаций, в названиях которых используется термин *diasporicity*, показывает, что соответствующий корпус исследований остается ограниченным. Большинство авторов продолжают использовать понятия *diaspora*, *diasporic*, *diasporization* или *diasporism*, тогда как *diasporicity* фигурирует преимущественно в тексте работ и обычно не сопровождается концептуальным осмыслением. Подобная ситуация создает парадокс: термин постепенно входит в академический оборот, однако его теоретический статус остается неопределенным. Иными словами, понятие используется значительно чаще, чем определяется.

С лингвистической точки зрения термин *diasporicity* представляет собой производное существительное, образованное от прилагательного *diasporic* посредством английского суффикса *-ity*, обозначающего качество, состояние или степень проявления определенного свойства. Следовательно, сама языковая структура слова предполагает его интерпретацию как характеристики определенного

состояния, а не как обозначения социальной общности. В буквальном смысле diasporicity означает «состояние быть диаспорным» или «качество диаспорности». Однако подобное лингвистическое значение само по себе еще не определяет его научного содержания.

Одной из первых специальных публикаций, вынесших diasporicity непосредственно в заголовок исследования, стала статья Раджиндера Дудра «Diasporicity in the City of Portsmouth (UK): Local and Global Connections of Black Britishness» (2004). Исследуя сообщества выходцев из Южной Азии, Африки и Карибского бассейна в Портсмуте, автор показывает, что диаспорная идентичность формируется в результате постоянного взаимодействия локальных городских практик и глобальных культурных связей. В его интерпретации diasporicity означает не принадлежность к определенной этнической группе как таковой, а динамический процесс производства культурной принадлежности в условиях одновременного включения в несколько социальных пространств [10].

Дальнейшее развитие понятия связано с работой Биби Бакаре-Юсуф «Rethinking Diasporicity: Embodiment, Emotion and the Displaced Origin» (2008). В отличие от Дудра, сосредоточенного преимущественно на пространственных аспектах диаспорной жизни, Бакаре-Юсуф переносит внимание на субъективное переживание принадлежности. Используя категории телесности, эмоциональной памяти и аффекта, исследовательница показывает, что диаспорная идентичность представляет собой непрерывный процесс становления, а не фиксированное состояние [9].

Значимый вклад в теоретизацию близкого франкоязычного понятия diasporicité внесла Анне-Кристин Тремон. На материале китайского случая она предложила рассматривать диаспоричность не как простое обозначение существования диаспоры, а как аналитическую категорию, позволяющую исследовать исторические и социальные условия поддержания, воспроизводства и трансформации диаспорного состояния. Вместо противопоставления «центрированных» и «децентрированных» диаспор исследовательница обращается к diasporic problematics – совокупности механизмов, посредством которых диаспорная принадлежность сохраняется и переосмысливается во времени [11].

Несмотря на различия исследовательских подходов, эти работы демонстрируют возможность перехода от понимания диаспоры как относительно устойчивой социальной общности к анализу изменчивых форм диаспорной принадлежности. Вместе с тем ни одна из них не ставила целью разработку общей теории diasporicity. Поэтому дальнейшая судьба понятия оказалась тесно связана с общими тенденциями развития современной диаспорологии.

Работы Роджерса Брубейкера, Джеймса Клиффорда, Стюарта Холла, Стефана Дюфуа и других исследователей постепенно сместили внимание с поиска универсального определения диаспоры на изучение процессов конструирования идентичности, транснациональных практик, культурной гибридности и множественных форм принадлежности. Брубейкер предложил анализировать диаспору как категорию практики, притязания и позиции [8, с. 12–13]. Клиффорд подчеркивал гибридность, множественность маршрутов и постоянное движение между культурными пространствами [4, с. 307–310; 5, с. 249–251]. Холл рассматривал культурную

идентичность как процесс становления, в котором прошлое постоянно переосмысливается под воздействием истории и отношений власти [6, с. 225–237]. Дюфуа показал, что история понятия *diaspora* представляет собой процесс расширения его семантических, политических и академических употреблений [15].

В 2010–2020-е годы ситуация начала меняться под влиянием цифрового поворота. Исследования цифровых диаспор показали, что современные формы диаспорной принадлежности все меньше определяются исключительно территориальной локализацией и все больше формируются посредством цифровых коммуникаций, социальных платформ и сетевых инфраструктур [16–22]. В цифровой среде поддержание идентичности, культурной памяти, транснациональных семейных отношений и политической мобилизации становится возможным независимо от непосредственной физической близости участников.

Современный процессуальный поворот также подтверждается концепцией *diaspora-forming processes*, предложенной Патрицией Тшешиньской и Гжегожем Демелем. Авторы предлагают отказаться от эссенциалистского понимания диаспоры как заранее существующей однородной общности и сосредоточиться на социальных воображениях, культурных практиках и отношениях, посредством которых диаспора формируется и непрерывно переопределяется [23].

Таким образом, развитие понятия *diasporicity* можно представить в виде трех этапов. На первом этапе оно употреблялось как языковое производное от *diaspora*. Второй этап связан с локальными концептуализациями Дудра, Бакаре-Юсуф и Тремон, рассматривавших диаспоричность как культурный опыт, переживание принадлежности и исторически воспроизводимое состояние. Третий этап формируется в условиях цифровой трансформации и процессуального поворота, когда возникает потребность описывать гибкие, многоуровневые и изменяющиеся формы диаспорной связи, не сводимые к категории «диаспора».

2. Концептуализация категорий «диаспоральность», «диаспоричность» и «диаспоризм»

2.1. От производных терминов к самостоятельным аналитическим категориям

В русскоязычной научной литературе понятие *diasporicity* получило две основные формы передачи – «диаспоральность» и «диаспоричность». Несмотря на внешнюю близость, эти термины целесообразно рассматривать не как полные синонимы, а как взаимосвязанные категории с различными аналитическими функциями.

Анализ публикаций, представленных в eLIBRARY, показывает, что термин «диаспоральность» используется значительно чаще, чем «диаспоричность». Как правило, он применяется для характеристики коллективной идентичности, этнокультурной солидарности, социальных связей и отношений с исторической родиной [12–14, 24, 25]. При этом единого определения понятия не сформировалось, а его содержание варьируется в зависимости от исследовательской задачи. Публикации с термином «диаспоричность» в названии в русскоязычном корпусе практически отсутствуют. Это обстоятельство свидетельствует о том, что термин

пока не институционализирован, но одновременно создает пространство для его целенаправленной концептуализации.

Использование двух производных терминов следует рассматривать не как недостаток терминологии, а как возможность аналитически развести различные аспекты существования диаспоры и тем самым расширить исследовательский инструментарий.

2.2. Диаспоральность как характеристика состояния

В настоящем исследовании предлагается рассматривать диаспоральность как интегральную характеристику состояния диаспоры, отражающую совокупность устойчивых социальных, культурных, институциональных и символических признаков, обеспечивающих существование диаспоры как особой формы коллективной организации.

Диаспоральность характеризует прежде всего общность и уровень ее институциональной сформированности. Она охватывает устойчивость коллективной идентичности, наличие социальных институтов и организаций, сохранение исторической памяти, функционирование культурных практик, поддержание языка и символической связи с исторической родиной. Иначе говоря, диаспоральность представляет собой структурную характеристику диаспоры, позволяющую оценивать степень ее организационной зрелости и устойчивости.

Такое понимание не предполагает неизменности диаспоры. Напротив, ее структурное состояние воспроизводится посредством непрерывного поддержания институтов, памяти, культурных практик и транснациональных связей. Следовательно, диаспоральность обозначает относительно устойчивый результат процессов диаспоризации и коллективного воспроизводства.

2.3. Диаспоричность как степень и динамика воспроизводства принадлежности

Иной аналитический статус имеет понятие «диаспоричность». Если диаспоральность описывает состояние общности, то диаспоричность характеризует степень, формы и динамику проявления диаспорной принадлежности. Объектом анализа становятся механизмы возникновения чувства принадлежности, межпоколенческая трансформация идентичности, интенсивность транснациональных практик, способы культурного воспроизводства и характер символической связи с исторической родиной.

В предлагаемой интерпретации диаспоричность выступает процессуальной и континуальной категорией. Она позволяет отказаться от бинарного противопоставления «диаспора – не диаспора» и перейти к исследованию различных уровней и режимов включенности индивидов и групп в диаспорные процессы. Исследовательский вопрос при этом меняется: вместо определения того, является ли группа диаспорой, анализируется, в какой степени, посредством каких механизмов и в каких социальных условиях воспроизводится диаспорная принадлежность.

Диаспоричность может усиливаться или ослабевать в зависимости от поколения, жизненного этапа, политической ситуации, миграционного опыта, инсти-

туционального участия и цифровой вовлеченности. Поэтому она особенно продуктивна для исследования современных мобильных и сетевых сообществ, чья принадлежность не является ни единой, ни постоянной.

2.4. Диаспоризм как нормативно-концептуальное измерение

Логическим продолжением предлагаемой системы понятий является категория «диаспоризм». В отличие от диаспоральности и диаспоричности она характеризует нормативно-ценностное и концептуальное измерение существования диаспоры.

Под диаспоризмом предлагается понимать совокупность идей, ценностей, культурных установок, социальных практик и транснациональных принципов, ориентированных на сохранение, самоорганизацию и развитие диаспорной общности вне страны происхождения. В этом значении диаспоризм может проявляться как идеология коллективной солидарности, деятельность организаций и активистов, мировоззрение субъекта, принадлежащего нескольким культурным пространствам, а также как исследовательский подход к изучению диаспор.

Подобная интерпретация носит рабочий характер и требует дальнейшей теоретической и эмпирической проверки. Вместе с тем она позволяет отличить диаспоризм от диаспоризации: если диаспоризация обозначает процесс формирования и мобилизации диаспоры, то диаспоризм относится к системе идей и принципов, которые направляют ее самоорганизацию и концептуальное осмысление.

Таблица-1. Авторская аналитическая модель. Предлагаемая система понятий включает пять взаимосвязанных, но не взаимозаменяемых аналитических уровней:

Категория	Основной объект анализа	Ключевой исследовательский вопрос
Диаспора	Социальная общность	Что представляет собой диаспора?
Диаспоризация	Процесс возникновения и мобилизации	Каким образом возникает и конструируется диаспора?
Диаспоральность	Структурное состояние общности	Насколько сформирована и устойчива диаспора?
Диаспоричность	Степень, формы и динамика принадлежности	Как и в какой степени воспроизводится диаспорная принадлежность?
Диаспоризм	Нормативно-ценностная и концептуальная система	Какие идеи и принципы направляют существование и исследование диаспоры?

Примечание. Разработано автором.

В совокупности эти категории образуют многоуровневую модель, позволяющую перейти от описания диаспоры как фиксированной социальной общности к комплексному анализу механизмов ее возникновения, структурной устойчивости, динамики принадлежности и нормативно-концептуального воспроизводства.

Рисунок-1. Система аналитических категорий современной диаспорологии

Примечание. Разработано автором.

3. Аналитический и эвристический потенциал концепции *diasporicity*

Концептуализация категорий «диаспоральность» и «диаспоричность» имеет значение не только для уточнения понятийного аппарата. Ее главная ценность заключается в изменении исследовательской перспективы: от описания диаспоры как относительно устойчивой социальной общности к анализу процессов, механизмов и степени воспроизводства диаспорной принадлежности.

Подобная смена исследовательской логики отражает общую тенденцию современной социальной теории. Идентичность, этничность, нация, гражданство и культура все чаще рассматриваются не как фиксированные сущности, а как процессы, практики и отношения. Аналогичным образом диаспора начинает интерпретироваться как динамическая форма коллективной организации, воспроизводимая посредством социальных, культурных, политических и цифровых практик.

3.1. Преодоление бинарной модели диаспоры

Одним из наиболее существенных преимуществ предлагаемой концепции является возможность преодоления бинарного понимания диаспоры. В классических теориях исследователь обычно стремится определить, соответствует ли конкретная общность совокупности признаков диаспоры. В результате анализ строится по принципу «да – нет»: группа либо признается диаспорой, либо исключается из данной категории.

Современные миграционные процессы демонстрируют более сложную картину. Многие сообщества сохраняют лишь отдельные элементы коллективной памяти, языка, этнокультурных институтов или символической связи с исторической родиной. Другие активно поддерживают транснациональные контакты, частично утратив культурную автономию. В подобных условиях принадлежность к диаспоре приобретает континуальный характер.

Категория диаспоричности позволяет рассматривать принадлежность как изменяющуюся величину, характеризующуюся различной интенсивностью, формами проявления и механизмами воспроизводства. Тем самым исследователь

получает возможность анализировать не только наличие диаспоры, но и степень выраженности ее характеристик.

3.2. Интеграция исследовательских традиций

Современная диаспорология развивается одновременно в нескольких направлениях. Классическая теория анализирует историческое происхождение и коллективную память; конструктивистская традиция – процессы формирования идентичности; теория транснационализма – многоуровневые социальные связи; цифровые исследования – платформенные формы коммуникации; культурная антропология – повседневные практики; исследования памяти – механизмы воспроизводства коллективного прошлого.

Предлагаемая концепция диаспоричности может выполнять интегративную функцию, объединяя эти традиции посредством общего предмета анализа – механизмов воспроизводства диаспорной принадлежности. Поэтому диаспоричность следует рассматривать не как альтернативу существующим теориям, а как связующую аналитическую категорию, обеспечивающую концептуальный диалог между ними.

3.3. Диаспоричность в условиях цифровой трансформации

Особую эвристическую ценность концепция приобретает в условиях цифровизации социальных отношений. Современные формы диаспорной жизни все в большей степени формируются посредством социальных сетей, цифровых платформ, виртуальных сообществ, онлайн-образования, цифровых архивов и транснациональных коммуникационных инфраструктур. Территориальная локализация постепенно перестает быть обязательным условием поддержания диаспорной связи.

Цифровые технологии позволяют воспроизводить коллективную память, культурную идентичность, языковые практики и транснациональные связи независимо от территориальной близости участников. При этом степень участия отдельных индивидов становится более изменчивой: один и тот же человек может усиливать или ослаблять диаспорную вовлеченность в зависимости от жизненного этапа, профессиональной мобильности, семейных обстоятельств, политической ситуации и алгоритмически организованных коммуникаций.

Понятие диаспоричности позволяет описывать именно такую динамику включенности, рассматривая принадлежность не как неизменное состояние, а как непрерывно воспроизводимую практику. В этом смысле цифровая эпоха не только расширяет эмпирическое поле, но и создает предпосылки для формирования новой аналитической категории.

3.4. Методологические возможности эмпирических исследований

Введение категории диаспоричности открывает перспективы для эмпирической операционализации. Новый подход позволяет перейти к разработке системы показателей, отражающих различные измерения диаспорной принадлежности.

К числу возможных индикаторов относятся интенсивность транснациональных контактов, участие в этнокультурных организациях, использование языка про-

исхождения, практики коллективной памяти, уровень цифровой вовлеченности, символическая связь с исторической родиной, характер культурного потребления, участие в сетевых сообществах и готовность к коллективной мобилизации.

Диаспоричность может быть операционализирована как многомерная аналитическая переменная, допускающая качественное и количественное исследование. Это расширяет возможности сравнительного анализа различных диаспор, изучения межпоколенческих изменений и исследования трансформации принадлежности во времени.

3.5. Применение к постсоветским диаспорам

Дополнительные аналитические возможности открываются при изучении постсоветского пространства. Для многих бывших советских диаспор характерны множественные культурные ориентации, многоязычие, неоднородная историческая память, различные стратегии интеграции и разнообразные модели взаимодействия как со страной проживания, так и с исторической родиной.

Использование исключительно категории «диаспора» в подобных условиях оказывается недостаточным. Концептуальная пара «диаспоральность – диаспоричность» позволяет различать структурную сформированность общности и изменчивую степень индивидуальной либо групповой принадлежности, а также анализировать сохранение языка, этнокультурных практик, символической памяти, цифровых сетей и транснациональных контактов как отдельные измерения.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что понятия «диаспоральность» и «диаспоричность» постепенно эволюционируют из производных языковых образований в самостоятельные аналитические категории современной диаспорологии. Их появление отражает не только развитие научной терминологии, но и более глубокую трансформацию исследовательской парадигмы, связанную с переходом от изучения диаспоры как относительно устойчивой социальной общности к анализу процессов формирования, воспроизводства и изменения диаспорной принадлежности.

Реконструкция генезиса понятия *diasporicity* показала, что его распространение опережает теоретическое осмысление. Несмотря на использование в исследованиях миграции, транснационализма, цифровых коммуникаций и культурной идентичности, данное понятие до настоящего времени не получило общепринятой концептуальной интерпретации. Тем самым сформировался теоретический пробел: отсутствие категории, способной описывать не столько факт существования диаспоры, сколько интенсивность, механизмы и динамику принадлежности к ней.

Предлагаемая концептуализация позволяет частично восполнить данный пробел. В статье обосновано разграничение взаимосвязанных, но не тождественных категорий «диаспора», «диаспоризация», «диаспоральность», «диаспоричность» и «диаспоризм», каждая из которых отражает самостоятельный уровень анализа. Диаспора обозначает социальную общность; диаспоризация – процессы ее возникновения и мобилизации; диаспоральность – структурное состояние и сте-

пень институциональной сформированности; диаспоричность – интенсивность, формы и динамику принадлежности; диаспоризм – систему идей, ценностей и исследовательских принципов, связанных с существованием диаспоры.

Научная новизна исследования состоит не только в реконструкции истории понятия *diasporicity*, но прежде всего в разработке его концептуальной интерпретации применительно к русскоязычной научной традиции. Предложенное разграничение понятий «диаспоральность» и «диаспоричность» выводит исследование за рамки терминологического уточнения и формирует основу для многоуровневой теории диаспорных процессов.

Особую значимость предложенная концепция приобретает в условиях цифровой трансформации. Современные формы диаспорной жизни все в меньшей степени определяются территориальной локализацией, и все в большей степени зависят от цифровых коммуникаций, транснациональных сетей, платформенной инфраструктуры и множественных форм мобильности. В подобных условиях анализ только институциональных характеристик диаспоры становится недостаточным; необходимо исследовать изменяющуюся интенсивность принадлежности и способы ее цифрового воспроизводства.

Перспективы дальнейших исследований

Предложенная система категорий открывает несколько взаимосвязанных направлений дальнейших исследований. Первое связано с операционализацией диаспоричности посредством разработки качественных и количественных индикаторов, позволяющих измерять интенсивность принадлежности, сравнивать диаспоры и анализировать их динамику во времени.

Второе направление предполагает сравнительное исследование различных моделей диаспоральности и диаспоричности – классических, постсоветских, цифровых, предпринимательских, образовательных и профессиональных. Такая перспектива позволяет избежать сведения всего многообразия диаспор к единой нормативной модели.

Третья задача заключается в изучении влияния цифровых платформ, алгоритмов и сетевых инфраструктур на формирование новых режимов принадлежности. Это позволит перейти от общего описания цифровых диаспор к анализу конкретных механизмов платформенной мобилизации, цифровой памяти и транснациональной коммуникации.

Четвертое направление связано с межпоколенческой динамикой. Категория диаспоричности позволяет исследовать, каким образом язык, память, символическая родина и институциональное участие трансформируются у второго, третьего и последующих поколений, не предполагая линейной ассимиляции или неизбежного исчезновения диаспоры.

Пятое направление предполагает дальнейшую разработку понятия «диаспоризм» и проверку его объяснительного потенциала. Необходимо определить, в какой мере оно может использоваться для анализа идеологий, стратегий самоорганизации, политических проектов и академических подходов, связанных с диаспорами.

Наконец, предложенная модель создает основу для новой сравнительной методологии, ориентированной не на поиск универсального определения диаспоры, а на изучение различных уровней, способов и механизмов воспроизводства принадлежности в условиях глобальной мобильности и цифровизации. Если классическая диаспорология была сосредоточена преимущественно на вопросе «что представляет собой диаспора?», то современный этап ее развития все более закономерно приводит к другому вопросу: «каким образом, посредством каких социальных, культурных, политических и цифровых механизмов воспроизводится диаспорная принадлежность?». Понятия «диаспоральность» и «диаспоричность» призваны стать инструментами решения именно этой исследовательской задачи.

Финансирование

Исследование не имело финансовой поддержки.

Список литературы

1. Cohen R. Global diasporas: An introduction. 2nd ed. – London: Routledge, 2008. – 240 p.
2. Vertovec S. Three meanings of “diaspora,” exemplified among South Asian religions // *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. – 1997. – Vol. 6, No. 3. – P. 277–299.
3. Vertovec S. Transnationalism. – London: Routledge, 2009. – 216 p.
4. Clifford J. Diasporas // *Cultural Anthropology*. – 1994. – Vol. 9, No. 3. – P. 302–338.
5. Clifford J. Routes: Travel and translation in the late twentieth century. – Cambridge: Harvard University Press, 1997. – 408 p.
6. Hall S. Cultural identity and diaspora // *Identity: Community, culture, difference* / Ed. by J. Rutherford. – London: Lawrence & Wishart, 1990. – P. 222–237.
7. Sökefeld M. Mobilizing in transnational space: A social movement approach to the formation of diaspora // *Global Networks*. – 2006. – Vol. 6, No. 3. – P. 265–284.
8. Brubaker R. The “diaspora” diaspora // *Ethnic and Racial Studies*. – 2005. – Vol. 28, No. 1. – P. 1–19.
9. Bakare-Yusuf B. Rethinking diasporicity: Embodiment, emotion, and the displaced origin // *African and Black Diaspora: An International Journal*. – 2008. – Vol. 1, No. 2. – P. 147–158.
10. Dudrah R.K. Diasporicity in the city of Portsmouth (UK): Local and global connections of Black Britishness // *Sociological Research Online*. – 2004. – Vol. 9, No. 2. – P. 35–45.
11. Trémon A.-C. Diasporicité et problématique diasporique: Réflexions à partir du cas chinois // *Tracés*. – 2012. – No. 23. – P. 131–150.
12. Аветян Н.С. Понятия «диаспора» и «диаспоральность» в современной социологии // *Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 5. Экономика. Социология. Биология*. – 2016. – Т. 6, № 1. – С. 95–102.
13. Газзаева В.И. Диаспоральность осетинской общности в условиях северокавказской диаспоры Турции // *Гуманитарий Юга России*. – 2025. – Т. 14, № 1. – С. 17–33.
14. Расолько И.Д. Перспективы применения понятий «диаспора» и «диаспоральность» в социологическом анализе // *Гуманитарий Юга России*. – 2025. – Т. 14, № 1. – С. 34–45.
15. Dufoix S. The dispersion: A history of the word diaspora. – Leiden: Brill, 2017. – 518 p.
16. Andersson K.B. Digital diasporas: An overview of the research areas of migration and new media through a narrative literature review // *Human Technology*. – 2019. – Vol. 15, No. 2. – P. 142–180.

17. Brinkerhoff J.M. Digital diasporas: Identity and transnational engagement. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 274 p.
18. Diminescu D. The connected migrant: An epistemological manifesto // *Social Science Information*. – 2008. – Vol. 47, No. 4. – P. 565–579.
19. Georgiou M. Diaspora in the digital era: Minorities and media representation // *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*. – 2013. – Vol. 12, No. 4. – P. 80–99.
20. Leurs K. Digital passages: Migrant youth 2.0. Diaspora, gender and youth cultural intersections. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2015. – 314 p.
21. Madianou M., Miller D. Migration and new media: Transnational families and polymedia. – London: Routledge, 2012. – 176 p.
22. Ponzanesi S., Leurs K. Digital migration studies // *Communication, Culture & Critique*. – 2022. – Vol. 15, No. 2. – P. 103–110.
23. Trzeczczynska P., Demel G. From differences to relations: Towards diaspora-forming processes // *International Migration*. – 2025. – Vol. 63. – Art. e13361.
24. Мосейкина М.Н. Русская диаспоральность и проблема сохранения национальной идентичности послереволюционной эмиграции // *Материалы IX Всероссийской научно-теоретической конференции*. – М., 2005. – С. 166–175.
25. Нам И.В. Немецкие колонии в Сибири в начале XX века в контексте проблемы диаспоральности // *Немцы России и СССР. 1901–1941: Материалы международной научной конференции* / ред. А.А. Герман. – М., 2000. – С. 17–30.

Transliteration

1. Cohen R. Global diasporas: An introduction. 2nd ed. London: Routledge, 2008. 240 p.
2. Vertovec S. Three meanings of “diaspora,” exemplified among South Asian religions. *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*, 1997, vol. 6, no. 3, pp. 277–299. DOI: 10.3138/diaspora.6.3.277.
3. Vertovec S. Transnationalism. London: Routledge, 2009. 216 p.
4. Clifford J. Diasporas. *Cultural Anthropology*, 1994, vol. 9, no. 3, pp. 302–338. DOI: 10.1525/can.1994.9.3.02a00040.
5. Clifford J. Routes: Travel and translation in the late twentieth century. Cambridge: Harvard University Press, 1997. 408 p.
6. Hall S. Cultural identity and diaspora. Identity: Community, culture, difference. Ed. by J. Rutherford. London: Lawrence & Wishart, 1990, pp. 222–237.
7. Sökefeld M. Mobilizing in transnational space: A social movement approach to the formation of diaspora. *Global Networks*, 2006, vol. 6, no. 3, pp. 265–284. DOI: 10.1111/j.1471-0374.2006.00144.x.
8. Brubaker R. The “diaspora” diaspora. *Ethnic and Racial Studies*, 2005, vol. 28, no. 1, pp. 1–19. DOI: 10.1080/0141987042000289997.
9. Bakare-Yusuf B. Rethinking diasporicity: Embodiment, emotion, and the displaced origin. *African and Black Diaspora: An International Journal*, 2008, vol. 1, no. 2, pp. 147–158. DOI: 10.1080/17528630802224056.
10. Dudrah R.K. Diasporicity in the city of Portsmouth (UK): Local and global connections of Black Britishness. *Sociological Research Online*, 2004, vol. 9, no. 2, pp. 35–45. DOI: 10.5153/sro.901.
11. Trémon A.-C. Diasporicité et problématique diasporique: Réflexions à partir du cas chinois. *Tracés*, 2012, no. 23, pp. 131–150. DOI: 10.4000/traces.5583.
12. Avetyan N.S. Ponyatiya «diaspora» i «diasporal'nost'» v sovremennoy sotsiologii [Concepts of “diaspora” and “diasporality” in modern sociology]. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriya 5*, 2016, vol. 6, no. 1, pp. 95–102. (in Russian)

13. Gazzayeva V.I. Diasporal'nost' osetinskoy obshchnosti v usloviyakh severokavkazskoy diasporы Tursii [Diasporality of the Ossetian community in the conditions of the North Caucasian diaspora of Turkey]. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 2025, vol. 14, no. 1, pp. 17–33. (in Russian)
14. Rasol'ko I.D. Perspektivy primeneniya ponyatiy «diaspora» i «diasporal'nost'» v sotsiologicheskom analize [Prospects for applying the concepts of "diaspora" and "diasporality" in sociological analysis]. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 2025, vol. 14, no. 1, pp. 34–45. DOI: 10.18522/2227-8656.2025.1.1. (in Russian)
15. Dufoix S. The dispersion: A history of the word diaspora. Leiden: Brill, 2017. 518 p.
16. Andersson K.B. Digital diasporas: An overview of the research areas of migration and new media through a narrative literature review. *Human Technology*, 2019, vol. 15, no. 2, pp. 142–180. DOI: 10.17011/ht/urn.201906123154.
17. Brinkerhoff J.M. Digital diasporas: Identity and transnational engagement. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 274 p.
18. Diminescu D. The connected migrant: An epistemological manifesto. *Social Science Information*, 2008, vol. 47, no. 4, pp. 565–579. DOI: 10.1177/0539018408096447.
19. Georgiou M. Diaspora in the digital era: Minorities and media representation. *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*, 2013, vol. 12, no. 4, pp. 80–99.
20. Leurs K. Digital passages: Migrant youth 2.0. Diaspora, gender and youth cultural intersections. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2015. 314 p.
21. Madianou M., Miller D. Migration and new media: Transnational families and polymedia. London: Routledge, 2012. 176 p.
22. Ponzanesi S., Leurs K. Digital migration studies. *Communication, Culture & Critique*, 2022, vol. 15, no. 2, pp. 103–110. DOI: 10.1093/ccc/tcac017.
23. Trzeczczynska P., Demel G. From differences to relations: Towards diaspora-forming processes. *International Migration*, 2025, vol. 63, art. e13361. DOI: 10.1111/imig.13361.
24. Moseykina M.N. Russkaya diasporal'nost' i problema sokhraneniya natsional'noy identichnosti poslerevolutsionnoy emigratsii [Russian diasporality and the problem of preserving national identity of post-revolutionary emigration]. *Materialy IX Vserossiyskoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii*. Moscow, 2005, pp. 166–175. (in Russian)
25. Nam I.V. Nemetskie kolonii v Sibiri v nachale XX veka v kontekste mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [German colonies in Siberia at the beginning of the 20th century in the context of the problem of diasporality]. *Nemtsy Rossii i SSSR. 1901–1941* / Ed. A.A. German. Moscow, 2000, pp. 17–30. (in Russian)

Авторлар туралы мәлімет / Сведения об авторах / Information about authors

Герман Николаевич Ким	Директор Института азиатских исследований КазНУ им. аль-Фараби, кандидат философских наук, доктор исторических наук, профессор, Алматы, Казахстан, email: germankim01@yahoo.com, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4742-1040
Герман Николаевич Ким	эл-Фараби атындағы ҚазҰУ Азия зерттеулері институтының директоры, философия ғылымдарының кандидаты, тарих ғылымдарының докторы, профессор, Алматы, Қазақстан, email: germankim01@yahoo.com, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4742-1040
German Nikolayevich Kim	Director of the Institute of Asian Studies, Al-Farabi Kazakh National University, Candidate of Philosophical Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Almaty, Kazakhstan, email: germankim01@yahoo.com, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4742-1040

ФАКТОРЫ И АНАЛИТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОФИЛЕЙ В КАЗАХСТАНЕ

Жанар ЕРМЕКБАЕВА

*Институт прикладных этнополитических исследований, Астана, Казахстан
zhanar1721@gmail.com*

Ссылка на данную статью: Еремекбаева Ж.К. Факторы и аналитическая типология интеграционных профилей в Казахстане // *SOCIOLOGY.KZ*. – 2026. – №3(3). – С.68 – 86.
<https://doi.org/10.48010/2026.3/sskz.28>

Аннотация. В статье исследуется внутренняя социальная неоднородность қандастар в Казахстане и предлагается рабочая аналитическая типология интеграционных профилей. Эмпирическую основу составляют агрегированные результаты комплексного исследования Института прикладных этнополитических исследований 2021 года, включавшего массовый опрос 4000 репатриантов в 17 регионах, глубинные интервью и медиа-мониторинг. В настоящей статье количественные распределения используются для вторичного анализа экономического, жилищного, социального, институционального и субъективного измерений интеграции. Показано, что высокая локальная принадлежность и позитивная самооценка адаптации сосуществуют со значительной доходной уязвимостью, жилищными различиями и барьерами трудоустройства. Выбор региона проживания преимущественно определяется родственными и земляческими сетями, тогда как возможности занятости занимают второстепенное место. Это указывает на двойственную роль социального капитала: он снижает издержки первичной адаптации, но не гарантирует устойчивой экономической включённости. На основе сочетания ресурсности, субъективной адаптации и институциональных ограничений предложены четыре идеальных типа: ресурсно-устойчивый, адаптированный при ограниченной ресурсности, экономически включённый при институциональных барьерах и уязвимый. Типология не является результатом статистической кластеризации микроданных, она представляет аналитическую модель, предназначенную для последующей эмпирической проверки. Научный вклад работы состоит в переходе от усреднённого описания положения қандастар к объяснению внутригрупповой дифференциации, а практический – в обосновании адресной настройки мер поддержки с учётом профиля интеграции и регионального контекста.

Ключевые слова: қандастар, репатрианты, социальная дифференциация, интеграция, человеческий капитал, социальный капитал, региональные различия, аналитическая типология.

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ҚАНДАСТАРДЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК САРАЛАНУЫ: ФАКТОРЛАР ЖӘНЕ ИНТЕГРАЦИЯЛЫҚ ПРОФИЛЬДЕРДІҢ АНАЛИТИКАЛЫҚ ТИПОЛОГИЯСЫ

Жанар ЕРМЕКБАЕВА

Қолданбалы этносаяси зерттеулер институты, Астана, Қазақстан

SOCIAL DIFFERENTIATION OF QANDAS IN KAZAKHSTAN: FACTORS AND AN ANALYTICAL TYPOLOGY OF INTEGRATION PROFILES

Zhanar YERMEKBAYEVA

Institute of Applied Ethnopolitical Research, Astana, Kazakhstan

Аңдатпа. Мақалада Қазақстандағы қандастардың ішкі әлеуметтік әркелкілігі зерттеліп, интеграциялық профильдердің жұмысшы аналитикалық типологиясы ұсынылады. Эмпирикалық негіз ретінде Қолданбалы этносаяси зерттеулер институтының 2021 жылғы кешенді зерттеуінің жинақталған нәтижелері пайдаланылды. Зерттеу 17 өңірдегі 4000 репатриантқа жүргізілген жаппай сауалнаманы, тереңдетілген сұхбаттарды және медиа-мониторингті қамтыған. Осы мақалада сандық үлестірімдер интеграцияның экономикалық, тұрғын үй, әлеуметтік, институционалдық және субъективті өлшемдерін қайталама талдау үшін қолданылады. Нәтижелер жергілікті қауымдастыққа жоғары тиесілілік сезімі мен бейімделудің бағалау табыс деңгейінің осалдығымен, тұрғын үй жағдайындағы өңірлік айырмашылықтармен және жұмысқа орналасу кедергілерімен қатар жүретінін көрсетеді. Тұратын өңірді таңдау көбіне туыстық және жерлестік желілерге сүйенеді, ал еңбек нарығының мүмкіндіктері екінші орында қалады. Бұл әлеуметтік капиталдың екіжақты рөлін айқындайды: ол бастапқы бейімделу шығындарын азайтады, бірақ тұрақты экономикалық кірігуді автоматты түрде қамтамасыз етпейді. Ресурстық жағдай, субъективті бейімделу және институционалдық кедергілердің үйлесімі негізінде төрт идеалдық тип ұсынылады: ресурстық тұрғыдан тұрақты, ресурстары шектеулі болғанымен бейімделген, экономикалық тұрғыдан кіріккен, бірақ институционалдық кедергілері бар, осал профиль.

Abstract. This article examines internal social heterogeneity among qandas in Kazakhstan and develops a working analytical typology of integration profiles. The empirical basis is the aggregated output of a 2021 mixed-method study conducted by the Institute of Applied Ethnopolitical Research, which included a face-to-face survey of 4,000 returnees in 17 regions, in-depth interviews, and media monitoring. The present analysis uses published quantitative distributions to examine the economic, housing, social, institutional, and subjective dimensions of integration. The findings show that a strong sense of local belonging and positive self-assessments of adaptation coexist with income vulnerability, regional disparities in housing security, and employment-related barriers. Region-of-residence choices are shaped primarily by kinship and co-ethnic networks, while labor-market opportunities play a secondary role. This pattern reveals the ambivalent function of social capital: it reduces the costs of initial adaptation but does not by itself secure sustainable economic incorporation. Combining resource position, subjective adaptation, and institutional constraints, the article proposes four ideal types: resource-secure, adapted with limited resources, economically incorporated but institutionally constrained, and vulnerable. The typology is not presented as the outcome of statistical clustering of microdata, it is an analytical model designed for subsequent empirical validation.

Ұсынылған типология микродеректерді статистикалық кластерлеудің нәтижесі емес, кейін эмпирикалық тексеруге арналған аналитикалық модель болып табылады. Зерттеудің ғылыми үлесі қандастардың орташа жағдайын сипаттаудан топшiлiк саралануды түсіндіруге көшуімен, ал практикалық маңызы қолдау шараларын интеграциялық профиль мен өңірлік контекстке қарай нақтылауды негіздеуімен айқындалады.

Түйінді сөздер: қандастар, репатрианттар, әлеуметтік саралану, интеграция, адами капитал, әлеуметтік капитал, өңірлік айырмашылықтар, аналитикалық типология.

The study contributes to the literature by shifting attention from an average portrait of qandas to mechanisms of within-group differentiation.

Its policy relevance lies in supporting targeted measures tailored to different integration profiles and regional opportunity structures.

Keywords: qandas, return migrants, social differentiation, integration, human capital, social capital, regional disparities, analytical typology.

Введение

Репатриация этнических казахов является одним из наиболее продолжительных направлений миграционной и демографической политики независимого Казахстана. Возвращение на историческую родину институционально оформляется через правовой статус, меры государственной поддержки и региональные механизмы расселения. Однако формальное включение в государственные программы не означает автоматического достижения устойчивой социальной интеграции. При сходных условиях переселения одни группы қандастар относительно быстро закрепляются на рынке труда, приобретают жильё и расширяют социальные связи, тогда как другие сохраняют зависимость от семейных сетей, сталкиваются с низкими доходами, несоответствием квалификации занятости и затруднённым доступом к услугам.

Эта неоднородность требует смещения исследовательского фокуса. Вопрос о том, «насколько успешно интегрированы қандастар в целом», недостаточен, поскольку средние показатели сглаживают различия между группами и измерениями интеграции. Высокая субъективная адаптация может сочетаться с экономической уязвимостью, наличие занятости – с институциональными барьерами, развитые родственные связи – с ограниченным доступом к более широким профессиональным и общественным сетям. Поэтому интеграцию целесообразно анализировать не как бинарный результат, а как многомерную конфигурацию ресурсов, ограничений и форм принадлежности [2, 3].

В настоящей статье под социальной дифференциацией қандастар понимаются устойчивые различия в экономической, жилищной, социальной, институциональной и субъективной включённости, возникающие вследствие неодинакового сочетания индивидуальных ресурсов, социальных сетей и региональных условий после переселения. Такое определение связывает стратификационную перспективу, ориентированную на распределение ресурсов и жизненных шансов, с исследованиями миграционной интеграции [2, 4–6]. Центральным становится вопрос не только о наличии ресурсов, но и об условиях их конвертации: одинаковый уровень образования или профессионального опыта может давать неодинаковую отдачу в зависимости от регионального рынка труда, языковой среды, доступности инфраструктуры и качества институционального сопровождения.

Исследования казахстанской репатриации подробно рассматривают государственную политику, правовой статус, расселение, роль организаций репатриантов, медийные дискурсы, культурно-языковую адаптацию и семейные связи [9–18]. Вместе с тем эти направления чаще анализируются раздельно, на отдельных региональных или социально-демографических группах. Недостаточно разработан подход, который позволял бы свести экономические, социальные, институциональные и субъективные показатели в общую объяснительную рамку и показать, какие сочетания достижений и дефицитов образуют различные профили интеграции. Именно этот пробел задаёт логику настоящей работы.

Цель статьи – выявить основные измерения социальной дифференциации кандастар в Казахстане и предложить аналитическую типологию интеграционных профилей на основе агрегированных результатов исследования ИПЭИ 2021 года. Исследовательский вопрос сформулирован следующим образом: каким образом сочетание человеческого капитала, социальных сетей, институциональных барьеров и регионального контекста формирует различные конфигурации интеграции? Рабочее предположение состоит в том, что интеграция имеет асимметричный характер: субъективная и идентификационная включённость может опережать экономическую устойчивость, а поддерживающие сети способны одновременно облегчать первичную адаптацию и воспроизводить зависимость от узкого круга связей.

Научная новизна работы состоит в трёх положениях. Во-первых, социальная дифференциация рассматривается как самостоятельный объект анализа, а не как побочный результат описания проблем репатриантов. Во-вторых, предлагается рабочая типология, связывающая ресурсность, субъективную адаптацию и институциональные ограничения. В-третьих, уточняется роль социального капитала: его функция трактуется не только как поддерживающая, но и как потенциально ограничивающая расширение жизненных шансов. При этом статья сознательно разграничивает аналитическую типологизацию и статистическую кластеризацию: доступные агрегированные данные позволяют построить концептуально обоснованные идеальные типы, но не дают оснований утверждать, что их устойчивость подтверждена на уровне микроданных.

Теоретическая рамка и обзор исследований

Современные исследования миграционной интеграции отходят от линейной модели, в которой адаптация описывается как последовательное движение к ассимиляции. В многомерных моделях интеграция включает взаимосвязанные, но не синхронные домены: занятость, доход и жильё, доступ к образованию, здравоохранению и другим институтам, социальные связи, культурно-коммуникативные практики, безопасность и субъективное чувство принадлежности [2, 3]. Подход А. Агер и Э. Стрэнг особенно важен для настоящего анализа, поскольку различает «маркеры и средства» интеграции, социальные связи и институциональные условия. Такая схема позволяет объяснить ситуацию, когда позитивная идентификация с местным сообществом не устраняет материальных или административных барьеров.

Стратификационная перспектива дополняет эту рамку вопросом о распределении ресурсов. Человеческий капитал – образование, квалификация и профессиональный опыт – создаёт потенциальные преимущества, но его отдача

зависит от признания дипломов, структуры занятости и регионального спроса. Социальный капитал предоставляет информацию, поддержку и доступ к возможностям [4–6]. Вместе с тем сети неодинаковы по своей функции. Связывающие связи внутри семьи и земляческого круга обеспечивают доверие и взаимопомощь, мостовые связи соединяют человека с более широкими профессиональными и общественными группами, вертикальные связи облегчают взаимодействие с организациями и институтами [2, 7]. Избыток первого типа при дефиците второго и третьего способен закреплять человека в ограниченном сегменте возможностей.

Для этнической возвратной миграции особенно значим институциональный контекст «исторической родины». Символическое признание принадлежности сочетается с административными процедурами, региональными квотами и задачами территориального развития. Исследования казахстанского кейса показывают напряжение между демографическими целями государства, предпочтениями самих репатриантов и различиями региональных рынков труда [9, 11]. Организации кандастар могут выступать посредниками между переселенцами и институтами, расширяя доступ к информации и услугам, однако их возможности зависят от ресурсов и устойчивости организационной среды [10]. Медийные дискурсы также влияют на границы символического включения, закрепляя как поддерживающие, так и отчуждающие представления о репатриантах [12, 13].

В публикациях последних лет заметно расширилась эмпирическая повестка. Исследования рассматривают отношение к термину «кандас» и факторы социальной адаптации [14], роль семьи и транснациональных связей в адаптации студентов из Монголии и Китая [15], комплекс проблем интеграции в социологическом измерении [16], культурно-языковые трудности отдельных групп [17], а также региональные социальные практики и чувство принадлежности [18]. Эти работы подтверждают, что опыт репатриантов зависит от страны исхода, возраста, языковой компетентности, семейных контактов, локального сообщества и качества институционального взаимодействия. Одновременно они показывают фрагментарность поля: отдельные измерения хорошо описаны, но редко объединяются в модель внутригрупповой дифференциации.

В настоящей статье интеграционный профиль понимается как характерное сочетание трёх блоков: ресурсной позиции, степени субъективной и социальной включённости, а также выраженности институциональных барьеров. Такой подход не предполагает, что профили являются жёсткими и неизменными категориями. Напротив, они рассматриваются как идеальные типы, между которыми возможны переходы под воздействием занятости, жилищной стабилизации, расширения социальных связей, изменения региона проживания или повышения доступности услуг. Типологизация тем самым выполняет две функции: аналитическую – систематизирует наблюдаемую неоднородность, прикладную – связывает различные конфигурации проблем с различными наборами мер поддержки.

Методология

Эмпирическая база и дизайн исследования

Эмпирическую основу статьи составляют материалы комплексного социологического исследования Института прикладных этнополитических исследований «Социальная дифференциация репатриантов», проведённого в 2021 году [1]. Исходный проект был реализован в логике смешанных методов и включал массовый опрос, глубинные интервью с представителями репатриантского сообщества и контент-анализ материалов СМИ и социальных сетей с применением системы Alem Media Monitoring. Количественный этап проведён методом face-to-face и охватил N = 4000 респондентов в возрасте 18 лет и старше из числа репатриантов, проживавших в 17 регионах Казахстана по административно-территориальному делению на момент исследования.

Настоящая статья представляет вторичный анализ опубликованных агрегированных результатов исследования. Основным источником являются процентные распределения, приведённые в аналитическом брифе ИПЭИ [1]. Индивидуальный массив опроса, переменные на уровне респондента, веса и полная документация выборочного дизайна в распоряжении автора отсутствуют. Поэтому статья не воспроизводит кластерный или регрессионный анализ и не делает выводов о статистической значимости различий. Качественный и медиа-компоненты учитываются как часть дизайна исходного проекта и как контекст для интерпретации, но в настоящей работе не проводится повторное кодирование интервью или медиаматериалов.

Такое разграничение принципиально важно для валидности выводов. Доступные распределения позволяют описать масштабы социально-экономической неоднородности, выявить содержательно значимые асимметрии между измерениями интеграции и предложить аналитическую типологию. Однако они не позволяют оценить вероятность принадлежности конкретного респондента к типу, проверить взаимосвязи между признаками или установить причинные эффекты. Следовательно, предложенные профили следует понимать, как теоретически и эмпирически информированную модель, требующую последующей проверки на микроданных.

Операционализация и аналитическая стратегия

Интеграция операционализируется через пять измерений. Экономическое измерение включает доход и проблемы занятости, жилищное – устойчивость жилищной обеспеченности, социальное – роль родственников и ранее переселившихся кандастар, а также чувство локальной принадлежности, институциональное – доступ к услугам, взаимодействие с государственными механизмами и воспринимаемые административные барьеры, культурно-коммуникативное – языковые и религиозные границы повседневного взаимодействия. Субъективная адаптация рассматривается отдельно как самооценка сложности привыкания к новому месту и ощущение себя местным жителем.

Анализ проведён в три этапа. На первом этапе систематизированы распределения по мотивам переселения, выбору региона, доходу, образованию, жилью, проблемам и субъективной адаптации. На втором этапе сопоставлены измере-

ния, которые в агрегированных данных демонстрируют содержательную асимметрию, прежде всего высокую субъективную включённость при сохраняющейся материальной уязвимости. На третьем этапе построена матрица идеальных типов по двум основным осям – ресурсной устойчивости и степени социальной/субъективной включённости – с дополнительным учётом институциональных барьеров. Типы сформулированы методом аналитической типологизации, то есть логического конструирования устойчивых сочетаний признаков, а не статистического распределения респондентов по кластерам.

При интерпретации соблюдается принцип осторожности: проценты описывают ответы на отдельные вопросы и не могут суммироваться в индивидуальные индексы без доступа к первичным данным. Формулировки о механизмах – например, о роли сетей или регионального контекста – рассматриваются как обоснованные интерпретации, согласующиеся с теоретической рамкой и литературой, но не как доказанные причинные зависимости. Все результаты представлены в обезличенном агрегированном виде.

Результаты

Мотивы репатриации и логика выбора региона

Структура мотивов показывает, что репатриация сочетает символично-идентификационные, семейные и прагматические основания. Наиболее распространённым мотивом является возвращение на историческую родину – 62,21%. Воссоединение с семьёй и родственниками указали 36,7%, а стремление переехать в страну с более высоким уровнем жизни – 28,0%. Следовательно, решение о переселении нельзя свести ни к этнокультурной принадлежности, ни к экономической рациональности: эти основания сосуществуют и могут по-разному влиять на ожидания от жизни после переезда.

Таблица-1. Мотивы переезда этнических репатриантов в Казахстан, %

Мотив	Доля, %
Возвращение на историческую родину	62,21
Воссоединение с семьёй и родственниками	36,7
Переезд в страну с более высоким уровнем жизни	28,0
Ожидание поддержки на исторической родине	17,7
Дискриминация по языковому признаку	14,7
Недостаток перспектив для детей в стране исхода	13,6
Дискриминация по религиозному признаку	6,6
Дискриминация по этническому признаку	5,6

Источник: составлено автором по материалам ИПЭИ [1].

Логика выбора региона ещё отчётливее демонстрирует значение социальных сетей. Родственные связи и наличие поддержки отметили 38,1% респондентов, помощь со стороны ранее переехавших кандастар – 14,4%. Государственные меры поддержки занимают второе место с 21,0%, тогда как возможности трудоустройства указали только 3,8%. Это не означает, что занятость несущественна, скорее, при первоначальном выборе территории достоверная поддержка семьи и знакомых воспринимается как более доступный способ снизить неопределённость, чем абстрактная оценка рынка труда.

Таблица-2. Критерии выбора региона проживания, %

Критерий	Доля, %
Родственные связи (наличие поддержки)	38,1
Государственные меры поддержки для кандастар	21,0
Помощь со стороны ранее переехавших кандастар	14,4
Климат региона проживания	9,0
Более привычная языковая среда	7,2
Перспективы для детей	4,4
Возможности трудоустройства (рынок труда)	3,8
Отсутствие выбора места переселения	1,6
Другое	0,5

Источник: составлено автором по материалам ИПЭИ [1].

Сопоставление двух таблиц указывает на различие между мотивом переезда и механизмом практического обустройства. Символическая принадлежность задаёт направление миграции, тогда как конкретный выбор региона опирается на сети, способные предоставить жильё, информацию, помощь с документами и первые контакты на рынке труда. Социальный капитал в этой фазе выступает инфраструктурой первичной адаптации. Вместе с тем слабая ориентация на трудовые возможности создаёт риск последующего несоответствия между местом проживания и экономическими ресурсами территории.

Социально-экономическая дифференциация: доход, образование и жильё

Доходная структура демонстрирует выраженную концентрацию в нижних и средних интервалах. До 42 500 тенге на одного члена семьи получают 29,5% респондентов, ещё 34,4% находятся в интервале от 42 501 до 100 000 тенге. Совокупно 63,9% располагают доходом до 100 000 тенге на человека. Доля групп с доходом свыше 300 000 тенге составляет 3,3%. Даже с учётом временного контекста исследования 2021 года такое распределение указывает на значительную материальную уязвимость части домохозяйств и ограниченный запас устойчивости при росте цен, потере работы или необходимости оплачивать жильё.

Таблица-3. Распределение по уровню дохода в семье на одного человека, %

Доход на одного члена семьи	Доля, %
До 42 500 тенге	29,5
42 501–100 000 тенге	34,4
100 001–200 000 тенге	19,4
200 001–300 000 тенге	9,4
300 001–400 000 тенге	2,6
400 001 тенге и выше	0,7
Нет дохода	0,1
Затруднились ответить	3,9

Источник: составлено автором по материалам ИПЭИ [1].

Образовательный профиль при этом нельзя охарактеризовать как однозначно низкий. Высшее образование имеют 32,6%, профессионально-техническое – 30,9%, среднее – 31,2%. Относительно равномерное распределение между тремя крупными группами означает, что материальная уязвимость не может объясняться только недостатком формального образования. Вероятными посредниками выступают признание квалификаций, соответствие специальности структуре регионального спроса, языковые требования, доступ к информации и качество профессиональных сетей.

Таблица-4. Уровень образования репатриантов, %

Уровень образования	Доля, %
Высшее	32,6
Среднее	31,2
Профессионально-техническое	30,9
Послевузовское	1,2
Нет образования	1,8
Отказ / нет ответа	2,3

Источник: составлено автором по материалам ИПЭИ [1].

Жилищная обеспеченность усиливает картину региональной неоднородности. В опубликованном брифе более высокие показатели обеспеченности жильём зафиксированы в Шымкенте (87,0%), Туркестанской (85,0%), Кызылординской (81,0%), Жетысуской (79,1%) и Костанайской (76,2%) областях. Существенно более низкие значения отмечены в Мангистауской (31,4%), Западно-Казахстанской (44,0%) областях и Нур-Султане (47,5%) [1]. Разрыв не следует автоматически объяснять успешностью или неуспешностью самих переселенцев: стоимость жилья, структура населённых пунктов, сроки проживания и семейные стратегии

различаются. Однако данные убедительно показывают, что регион является не фоновым, а структурирующим условием интеграции.

Проблемное поле, институциональные барьеры и вторичная мобильность

Наиболее распространённые проблемы имеют материальный характер. Высокие цены на базовые продукты и низкий уровень доходов указали по 51,2% респондентов. Однако далее следуют ограничения, относящиеся к институтам и качеству доступа к возможностям: коррупционные практики – 18,3%, сложности трудоустройства по специальности – 14,4%, трудности получения медицинской помощи – 9,3%, жилищные трудности – 9,1%. Таким образом, уязвимость формируется не только недостатком денежных ресурсов, но и барьерами, снижающими способность конвертировать образование, опыт и правовой статус в устойчивое положение.

Таблица-5. Актуальные проблемы репатриантов, %

Проблема	Доля, %
Высокие цены на базовые продукты питания	51,2
Низкий уровень доходов (зарплаты, пенсии, пособия)	51,2
Ужесточение карантинных ограничений	28,7
Распространённость коррупционных практик	18,3
Сложности с трудоустройством по специальности	14,4
Вопросы статуса казахского языка	14,1
Экономическая нестабильность	11,8
Трудности с получением медицинской помощи	9,3
Жилищные трудности	9,1
Политическая нестабильность	8,6
Экологические проблемы	8,0
Семейные трудности	6,0

Источник: составлено автором по материалам ИПЭИ [1].

Вторичная миграционная мобильность может рассматриваться как практический ответ на несоответствие первоначального места расселения потребностям домохозяйства. Среди причин переезда в другой регион чаще всего отмечаются стремление жить ближе к родственникам (36,7%), невозможность трудоустроиться (24,7%) и неудовлетворённость работой (22,0%), бытовые конфликты с местными жителями указали 12,6% [1]. Две логики – сетевая и экономическая – вновь переплетаются. Переезд к родственникам укрепляет поддерживающую среду, а трудовые мотивы отражают поиск более подходящей структуры возможностей. Поэтому вторичная мобильность является не только признаком неустойчивости, но и агентной стратегией корректировки интеграционной траектории.

Субъективная адаптация и локальная принадлежность

Субъективные оценки значительно позитивнее, чем показатели материальной ресурсности. 53,5% сообщили, что адаптация прошла легко и без заметных сложностей, 37,8% столкнулись с умеренными трудностями, но считают адаптацию завершённой. Только 4,8% указали, что им было очень сложно и до настоящего времени не удалось адаптироваться. Кроме того, 89,1% полностью или скорее согласны с утверждением, что чувствуют себя местными жителями. Эти данные свидетельствуют о высокой символической и повседневной включённости большинства опрошенных.

Таблица-6. Субъективная адаптация и локальная принадлежность, %

Индикатор	Категория	Доля, %
Трудность адаптации	Адаптация прошла легко, без заметных сложностей	53,5
	Были умеренные сложности, но адаптация завершена	37,8
	Было очень сложно, до сих пор не удалось адаптироваться	4,8
	Затруднились ответить	3,8
Чувствую себя местным жителем	Полностью согласен(на)	51,2
	Скорее согласен(на)	37,9
	Скорее не согласен(на)	6,7
	Категорически не согласен(на)	2,3
	Затруднились ответить	1,9

Источник: составлено автором по материалам ИПЭИ [1].

Ключевой аналитический результат возникает при сопоставлении субъективных оценок с доходной и проблемной структурой. Позитивное ощущение принадлежности не устраняет низких доходов, жилищной нестабильности и трудностей занятости. Следовательно, субъективная интеграция и социально-экономическая устойчивость развиваются с разной скоростью. Эту асимметрию нельзя трактовать как противоречие в ответах: человек может считать Казахстан своим домом и чувствовать себя частью локального сообщества, одновременно испытывая объективные ограничения на рынке труда или жилья.

Культурно-коммуникативные границы включённости

Языковые и религиозные вопросы присутствуют как в мотивации переезда, так и в повседневных оценках. Языковую дискриминацию в стране исхода назвали 14,7%, а вопросы статуса казахского языка включили в число актуальных проблем 14,1% [1]. При этом языковая близость исторической родине не исключает различий в речевых практиках, владении русским языком, профессиональной терминологии и институциональной коммуникации. Поэтому язык выступает одновременно ресурсом идентичности и возможным фильтром доступа к образованию, занятости и услугам.

Опубликованные результаты также фиксируют социальную дистанцию: 24,2% не готовы жить по соседству с представителями других религий, 15,7% – с людьми, говорящими на другом языке [1]. Эти показатели не позволяют сделать вывод о поведении конкретных групп, однако указывают, что интеграция включает не только принятие репатрианта местным сообществом, но и готовность самого репатрианта к взаимодействию в многообразной среде. Мостовые связи формируются через повторяющиеся практики совместного участия – образование, труд, соседские инициативы, общественные организации и локальные институты – а не только через информационные кампании [7, 13].

Аналитическая типология интеграционных профилей

Сопоставление результатов позволяет выделить четыре идеальных типа. Основанием служат не отдельные показатели, а их содержательные сочетания. Ресурсная устойчивость отражает доход, жильё и способность использовать образование на рынке труда. Субъективная и социальная включённость включает самооценку адаптации, локальную принадлежность и наличие поддерживающих связей. Институциональные барьеры выражаются в трудностях доступа к услугам, занятости по специальности и взаимодействия с организациями. Типы описывают логически возможные конфигурации и не обозначают статистически рассчитанные доли населения.

Таблица-7. Рабочая аналитическая типология интеграционных профилей кандастар

Профиль	Ресурсная позиция	Характер интеграции и основные риски	Приоритет поддержки
Ресурсно-устойчивый	Средняя или высокая устойчивость дохода и жилья, ресурсы конвертируются в занятость	Высокая субъективная включённость, барьеры ограничены, возможен переход от адаптации к общественному участию	Поддержка предпринимательства и профессионального роста, вовлечение в наставничество и локальные институты
Адаптированный при ограниченной ресурсности	Низкий или нестабильный доход, зависимость от семейной поддержки, жилищная уязвимость	Высокое чувство принадлежности при слабой экономической устойчивости, риск длительного закрепления в низкодоходном сегменте	Переобучение, формальная занятость, повышение доходной устойчивости, расширение мостовых связей
Экономически включённый при институциональных барьерах	Наличие занятости и дохода, но неполная отдача от квалификации	Трудности признания компетенций, доступа к услугам и взаимодействия с институтами, риск профессионального понижения	Признание квалификаций, прозрачные сервисы, профессиональная навигация, снижение административных барьеров
Уязвимый	Сочетание низкого дохода, жилищной нестабильности и слабой позиции на рынке труда	Адаптация затруднена, сети поддержки недостаточны или замкнуты, высок риск вторичной мобильности и исключения	Комплексное сопровождение: жильё, базовые услуги, социальная защита, трудоустройство и персональная навигация

Источник: авторская аналитическая типология, разработанная на основе агрегированных результатов [1] и теоретической рамки [2, 4–7].

Типология делает видимой принципиальную асимметрию интеграции. Один и тот же высокий показатель локальной принадлежности может характеризовать как ресурсно-устойчивую, так и материально уязвимую группу. Напротив, занятость не всегда означает полноценную интеграцию, если квалификация не признаётся, услуги труднодоступны или взаимодействие с институтами сопровождается высокими транзакционными издержками. Следовательно, универсальная программа поддержки, ориентированная на «среднего» репатрианта, неизбежно будет недостаточно точной.

Обсуждение

Многомерность и асинхронность интеграции

Полученные результаты подтверждают продуктивность многомерного понимания интеграции. Высокая доля респондентов, чувствующих себя местными жителями, не совпадает с долей материально устойчивых домохозяйств. В терминах модели Агер и Стрэнг это означает, что домены принадлежности и социальных связей могут развиваться быстрее, чем экономические «маркеры и средства» [2]. Подобная асинхронность особенно вероятна в ситуации этнической репатриации: символическое признание исторической родины и культурная близость поддерживают идентификационную включённость, но не отменяют структурных особенностей рынка труда, жилья и институтов.

Для измерения интеграции это имеет методологическое следствие. Ни субъективный вопрос «чувствуете ли вы себя местным жителем», ни отдельный показатель дохода не могут выступать исчерпывающим критерием. Мониторинг должен одновременно фиксировать материальные ресурсы, качество занятости, жилищную устойчивость, доступ к услугам, структуру социальных связей и субъективное благополучие. Иначе позитивные средние оценки будут скрывать группы, для которых принадлежность к обществу не сопровождается доступом к жизненным шансам.

Двойственная роль социального капитала

Родственные и земляческие сети являются центральным механизмом выбора региона и первичного обустройства. Этот вывод согласуется как с общей теорией социального капитала [4–7], так и с исследованиями казахстанских репатриантских организаций и семейных связей [10, 15]. Поддерживающая сеть снижает риски, предоставляет временное жильё, помогает ориентироваться в документах и сообщает о вакансиях. В условиях высокой неопределённости подобный ресурс рационален и часто незаменим.

Однако результаты также позволяют уточнить пределы сетевой поддержки. Если выбор региона преимущественно определяется родственниками, а не структурой занятости, первоначальная безопасность может сопровождаться последующим дефицитом экономических возможностей. Кроме того, замкнутые связывающие сети не всегда обеспечивают контакты с работодателями, профессиональными сообществами и институтами. Следовательно, эффективная политика не должна ослаблять семейную взаимопомощь, её задача – дополнить её мостовыми и вертикальными связями через карьерные сервисы, общественные

организации, местные сообщества и доступные каналы институциональной навигации.

Регион как среда конвертации ресурсов

Выраженные различия в жилищной обеспеченности, и вторичная мобильность показывают, что региональный контекст модифицирует интеграционные возможности. Регион не следует трактовать только как административную единицу или место выполнения квоты. Он представляет структуру возможностей, включающую стоимость жилья, плотность рынка труда, транспортную доступность, языковую среду, наличие образовательных и медицинских услуг, а также силу местных сетей. Поэтому одинаковые индивидуальные ресурсы могут приводить к различным результатам в разных территориях.

Вторичная мобильность в этой логике является механизмом исправления первоначального несоответствия. Переезд ближе к родственникам укрепляет социальную опору, а трудовые мотивы отражают поиск более эффективной конвертации квалификаций. Для демографической политики это создаёт дилемму: административно желательное расселение не будет устойчивым, если повседневная экономика территории не поддерживает закрепление. Следовательно, меры расселения должны сопровождаться предварительной оценкой квалификации, реальных вакансий, стоимости жилья и доступности услуг, а также возможностью добровольной корректировки маршрута.

Человеческий капитал и институциональные посредники

Сбалансированная образовательная структура при высокой доле низких доходов ставит вопрос об отдаче от человеческого капитала. Проблема может заключаться не в отсутствии образования, а в несоответствии специальности региональному спросу, непризнании документов, недостатке языковых компетенций для отдельных секторов или слабом доступе к профессиональным сетям. Сложности трудоустройства по специальности, отмеченные респондентами, поддерживают интерпретацию о возможном профессиональном понижении и неэффективном использовании квалификаций.

Здесь особенно важны посредники между человеком и институтом. Организации репатриантов, центры занятости, образовательные учреждения и местные НПО способны переводить формальные права в реально доступные услуги [10]. Адресная поддержка должна включать оценку навыков, признание квалификаций, краткосрочное дообучение, языковые модули для профессиональной коммуникации и сопровождение при поиске работы. Для экономически включённых, но институционально ограниченных групп приоритетом становится не социальная помощь как таковая, а снижение административных и информационных издержек.

Научный и практический смысл типологии

Предложенные профили не заменяют эмпирическую кластеризацию, но выполняют важную аналитическую функцию: показывают, почему одна универсальная шкала «успешности интеграции» вводит в заблуждение. Ресурсно-устойчивый и адаптированный при ограниченной ресурсности профили могут демонстрировать одинаково высокое чувство принадлежности, но требуют разных

решений. Экономически включённый при институциональных барьерах профиль может выглядеть благополучным по доходу, хотя сталкивается с непризнанием квалификации и ограниченным доступом к институтам. Уязвимый профиль требует одновременно материального и институционального сопровождения.

Практическая ценность типологии состоит в переходе от категориального принципа «все қандастар» к проблемно-профильному принципу. Единицей политики становится не юридический статус сам по себе, а конкретная конфигурация ресурсов и барьеров. Такой подход позволяет определить набор индикаторов для мониторинга, распределить функции между органами занятости, социальной защиты, образования и местного управления, а также избежать ситуации, когда одно ведомство реагирует только на часть взаимосвязанных проблем.

Ограничения исследования и направления дальнейшей работы

Главное ограничение связано с использованием агрегированных результатов. Отсутствие микроданных не позволяет проверить, какие признаки действительно сочетаются у одних и тех же респондентов, рассчитать статистические связи, контролировать социально-демографические факторы или оценить устойчивость предложенных профилей. Нельзя также определить долю каждого типа в совокупности. Поэтому типология имеет статус рабочей модели, а не завершённой классификации населения.

Второе ограничение относится к временной привязке: данные собраны в 2021 году и отражают социально-экономический контекст этого периода, включая карантинные ограничения. Для актуализации необходим повторный замер с сопоставимым инструментарием. Перспективный дизайн должен включать доступ к обезличенным микроданным, построение интегральных индексов по отдельным измерениям, кластерный анализ с проверкой устойчивости решений и мультиномиальную регрессию факторов принадлежности к профилям. Желательно также использовать многоуровневые модели, позволяющие разделить индивидуальные и региональные эффекты, и панельный компонент для анализа реальных переходов между профилями во времени.

Заключение

Исследование показывает, что социальная интеграция қандастар в Казахстане не является единым и линейным процессом. Её результаты формируются на пересечении человеческого капитала, социальных сетей, институционального доступа и региональной структуры возможностей. Идентификационный мотив возвращения доминирует в решении о репатриации, а выбор конкретного региона во многом опирается на родственников и ранее переселившихся қандастар. Социальный капитал тем самым снижает неопределённость первичной адаптации, но не гарантирует соответствия места проживания рынку труда и долгосрочной экономической устойчивости.

Социально-экономическая дифференциация выражается в концентрации большинства опрошенных в доходных группах до 100 000 тенге на человека, существенных региональных различиях жилищной обеспеченности и распространённости проблем стоимости жизни и низких доходов. При этом образовательная

структура не подтверждает упрощённого объяснения уязвимости исключительно низким уровнем образования. Более убедительной является интерпретация, связывающая результаты с неодинаковой конвертацией квалификаций, региональным спросом, языковыми требованиями и институциональными барьерами.

Наиболее значимый вывод состоит в асимметрии измерений интеграции. 89,1% респондентов полностью или скорее ощущают себя местными жителями, однако высокая субъективная включённость сосуществует с материальными ограничениями. Это означает, что символическая принадлежность может опережать экономическое закрепление. Поэтому оценка интеграции должна строиться на наборе взаимодополняющих индикаторов и не сводиться ни к самоощущению, ни к доходу.

Для систематизации неоднородности предложены четыре аналитических профиля: ресурсно-устойчивый, адаптированный при ограниченной ресурсности, экономически включённый при институциональных барьерах, уязвимый. Их научное значение состоит в переводе дискуссии от «среднего портрета» к анализу сочетаний ресурсов и дефицитов. Практическое значение заключается в возможности адресной настройки мер: от признания квалификаций и профессиональной навигации до комплексного сопровождения в сфере жилья, занятости и базовых услуг.

Дальнейшая проверка модели требует доступа к микроданным и повторного измерения. Статистическая верификация должна установить фактическое число профилей, их распространённость, устойчивость и региональные детерминанты. До такой проверки предложенная типология должна использоваться как концептуальная рамка для исследования и проектирования политики, а не как окончательная классификация каждого респондента.

Финансирование

Подготовка статьи выполнена на основе опубликованных материалов Института прикладных этнополитических исследований. Сведения об отдельном финансировании настоящей статьи не заявлены.

Список литературы

1. Институт прикладных этнополитических исследований. Социальная дифференциация репатриантов: бриф по результатам проекта [Электронный ресурс]. – Нур-Султан, 2021. – URL: <https://iaer.kz/ru/item/183-social-naa-differenciacia-repatriantov> (дата обращения: 06.03.2026).
2. Ager A., Strang A. Understanding integration: a conceptual framework // *Journal of Refugee Studies*. – 2008. – Vol. 21, No. 2. – P. 166–191. – DOI: 10.1093/jrs/fen016.
3. Berry J.W. Immigration, acculturation, and adaptation // *Applied Psychology: An International Review*. – 1997. – Vol. 46, No. 1. – P. 5–34. – DOI: 10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x.
4. Bourdieu P. The forms of capital // *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* / ed. by J. Richardson. – New York: Greenwood, 1986. – P. 241–258.
5. Coleman J.S. Social capital in the creation of human capital // *American Journal of Sociology*. – 1988. – Vol. 94. – P. S95–S120.
6. Portes A. Social capital: its origins and applications in modern sociology // *Annual Review of Sociology*. – 1998. – Vol. 24. – P. 1–24. – DOI: 10.1146/annurev.soc.24.1.1.

7. Putnam R.D. Bowling alone: the collapse and revival of American community. – New York: Simon & Schuster, 2000. – 541 p.
8. Castles S., de Haas H., Miller M.J. The age of migration: international population movements in the modern world. 5th ed. – New York: Guilford Press, 2013. – 401 p.
9. Diener A.C. Kazakhstan's kin state diaspora: settlement planning and the Oralman dilemma // *Europe-Asia Studies*. – 2005. – Vol. 57, No. 2. – P. 327–348. – DOI: 10.1080/09668130500052005.
10. Kaiser M., Beimenbetov S. The role of repatriate organisations in the integration of Kazakhstan's Oralmandar // *Europe-Asia Studies*. – 2020. – Vol. 72, No. 8. – P. 1403–1425. – DOI: 10.1080/09668136.2020.1779183.
11. Oka N. A note on ethnic return migration policy in Kazakhstan: changing priorities and a growing dilemma. IDE Discussion Paper No. 394. – Chiba: Institute of Developing Economies, JETRO, 2013.
12. Dukeyev B. Ethnic return migration in Kazakhstan: shifting state dynamics, changing media discourses. CAP Papers 183. – Washington, DC: Central Asia Program, 2017. – P. 1–11.
13. Дудинова Е., Негизбаева М., Турлаш Г. Позитивная коммуникация как технология адаптации мигрантов и кандак в Казахстане: аспекты межкультурной интеграции // *Вестник КазНУ. Серия журналистики*. – 2022. – Т. 65, № 3. – С. 58–67. – DOI: 10.26577/HJ.2022.v65.i3.06.
14. Шаримова М. Репатриация в Казахстане: актуальность терминологии и социальная адаптация (по результатам социологического исследования) // *Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии*. – 2024. – Т. 88, № 1. – С. 98–109. – DOI: 10.26577/JPoS.2024.v88.i1.08.
15. Zharkynbekova S., Tazhibayeva S., Shakhputova Z., Agabekova Z., Azamatova A., Kuzar Z. Transnational practices of Kazakh repatriates: the role of family in the adaptation of ethnic Kazakh students from Mongolia and China // *Frontiers in Sociology*. – 2024. – Vol. 9. – Article 1452785. – DOI: 10.3389/fsoc.2024.1452785.
16. Курганская В.Д., Шаукенова З.К., Дунаев В.Ю., Абрахматова Г.А. Репатрианты в Казахстане: анализ проблем интеграции в социологическом измерении // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2024. – № 4. – С. 67–90. – DOI: 10.14515/monitoring.2024.4.2576.
17. Saiyn Zh., Zhiyembayeva G., Zhumay N. Repatriates in Kazakhstan: adaptation and socio-cultural issues // *Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series*. – 2025. – Vol. 152, No. 3. – P. 268–283. – DOI: 10.32523/2616-6887-2025-152-3-268-283.
18. Yenseyeva V., Shedenova N., Finke P. Social practices of repatriate integration in Kazakhstan: the case of the Zhetysay region // *The Journal of Psychology and Sociology*. – 2026. – Vol. 97, No. 2. – P. 155–166. – DOI: 10.26577/JPoS202697212.

Transliteration

1. Institut prikladnykh etnopoliticheskikh issledovaniy. Sotsial'naya differentsiatsiya repatriantov: brif po rezul'tatam proekta [Social differentiation of repatriates: project results brief] [Elektronnyi resurs]. – Nur-Sultan, 2021. – URL: <https://iaer.kz/ru/item/183-social-naa-differenciatsiya-repatriantov> (data obrashcheniya: 06.03.2026). (in Russ.)
2. Ager A., Strang A. Understanding integration: a conceptual framework // *Journal of Refugee Studies*. – 2008. – Vol. 21, No. 2. – P. 166–191. – DOI: 10.1093/jrs/fen016. (in Engl.)
3. Berry J.W. Immigration, acculturation, and adaptation // *Applied Psychology: An International Review*. – 1997. – Vol. 46, No. 1. – P. 5–34. – DOI: 10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x. (in Engl.)

4. Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / ed. by J. Richardson. – New York: Greenwood, 1986. – P. 241–258. (in Engl.)
5. Coleman J.S. Social capital in the creation of human capital // American Journal of Sociology. – 1988. – Vol. 94. – P. S95–S120. (in Engl.)
6. Portes A. Social capital: its origins and applications in modern sociology // Annual Review of Sociology. – 1998. – Vol. 24. – P. 1–24. – DOI: 10.1146/annurev.soc.24.1.1. (in Engl.)
7. Putnam R.D. Bowling alone: the collapse and revival of American community. – New York: Simon & Schuster, 2000. – 541 p. (in Engl.)
8. Castles S., de Haas H., Miller M.J. The age of migration: international population movements in the modern world. 5th ed. – New York: Guilford Press, 2013. – 401 p. (in Engl.)
9. Diener A.C. Kazakhstan's kin state diaspora: settlement planning and the Oralman dilemma // Europe-Asia Studies. – 2005. – Vol. 57, No. 2. – P. 327–348. – DOI: 10.1080/09668130500052005. (in Engl.)
10. Kaiser M., Beimenbetov S. The role of repatriate organisations in the integration of Kazakhstan's Oralmandar // Europe-Asia Studies. – 2020. – Vol. 72, No. 8. – P. 1403–1425. – DOI: 10.1080/09668136.2020.1779183. (in Engl.)
11. Oka N. A note on ethnic return migration policy in Kazakhstan: changing priorities and a growing dilemma. IDE Discussion Paper No. 394. – Chiba: Institute of Developing Economies, JETRO, 2013. (in Engl.)
12. Dukeyev B. Ethnic return migration in Kazakhstan: shifting state dynamics, changing media discourses. CAP Papers 183. – Washington, DC: Central Asia Program, 2017. – P. 1–11. (in Engl.)
13. Dudinova E., Negizbaeva M., Turlash G. Pozitivnaya kommunikatsiya kak tekhnologiya adaptatsii migrantov i kandas v Kazakhstane: aspekty mezhkul'turnoi integratsii [Positive communication as adaptation technology for migrants and kandas in Kazakhstan: aspects of intercultural integration] // Vestnik KazNU. Seriya zhurnalistiki. – 2022. – Vol. 65, No. 3. – P. 58–67. – DOI: 10.26577/HJ.2022.v65.i3.06. (in Russ.)
14. Sharimova M. Repatriatsiya v Kazakhstane: aktual'nost' terminologii i sotsial'naya adaptatsiya (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya) [Repatriation in Kazakhstan: relevance of terminology and social adaptation] // Vestnik KazNU. Seriya psikhologii i sotsiologii. – 2024. – Vol. 88, No. 1. – P. 98–109. – DOI: 10.26577/JPoS.2024.v88.i1.08. (in Russ.)
15. Zharkynbekova S., Tazhibayeva S., Shakhputova Z., Agabekova Z., Azamatova A., Kuzar Z. Transnational practices of Kazakh repatriates: the role of family in the adaptation of ethnic Kazakh students from Mongolia and China // Frontiers in Sociology. – 2024. – Vol. 9. – Article 1452785. – DOI: 10.3389/fsoc.2024.1452785. (in Engl.)
16. Kurganskaya V.D., Shaukenova Z.K., Dunaev V.Yu., Abrakhmatova G.A. Repatrianty v Kazakhstane: analiz problem integratsii v sotsiologicheskom izmerenii [Repatriates in Kazakhstan: problems of integration in the sociological dimension] // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. – 2024. – No. 4. – P. 67–90. – DOI: 10.14515/monitoring.2024.4.2576. (in Russ.)
17. Saiyn Zh., Zhiyembayeva G., Zhumay N. Repatriates in Kazakhstan: adaptation and socio-cultural issues // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series. – 2025. – Vol. 152, No. 3. – P. 268–283. – DOI: 10.32523/2616-6887-2025-152-3-268-283. (in Engl.)
18. Yenseyeva V., Shedenova N., Finke P. Social practices of repatriate integration in Kazakhstan: the case of the Zhetysay region // The Journal of Psychology and Sociology. – 2026. – Vol. 97, No. 2. – P. 155–166. – DOI: 10.26577/JPoS202697212. (in Eng.)

Авторлар туралы мәлімет / Сведения об авторах / Information about authors

Ермекбаева Жанар Канатовна	Главный менеджер Центра изучения проблем ксенофобии, Институт прикладных этнополитических исследований, Астана, Казахстан, магистр социальных наук (политология), e-mail: zhanar1721@gmail.com, контактный телефон: 87712745222
Ермекбаева Жанар Қанатқызы	Қолданбалы этносаяси зерттеулер институты ксенофобия мәселелерін зерттеу орталығының бас менеджері, Астана, Қазақстан, әлеуметтік ғылымдар магистрі (саясаттану), e-mail: zhanar1721@gmail.com, байланыс телефоны: +7 771 274 52 22
Zhanar Kanatovna Yermekbayeva	Chief manager of the center for the study of xenophobia, Institute of applied ethnopolitical research, Astana, Kazakhstan, Master of Social Sciences in Political Science, e-mail: zhanar1721@gmail.com, contact phone: +7 771 274 52 22

МРНТИ 04.51.65 (04.51.67)

МЕЖДУ СОЦИАЛЬНОЙ НЕВИДИМОСТЬЮ И СУБЪЕКТНОСТЬЮ: ГОЛОС МАТЕРЕЙ ДЕТЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

Куралай МУХАМБЕТОВА

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева,
Астана, Казахстан

k.mukhambetova74@gmail.com

Ссылка на данную статью: Мухамбетова К.А. Между социальной невидимостью и субъектностью: голос матерей детей с инвалидностью // *SOCIOLOGY.KZ*. – 2026. – №3 (3). – С.87 – 107. <https://doi.org/10.48010/2026.3/sskz.29>

Аннотация. Статья посвящена анализу социальной невидимости матерей детей с инвалидностью и процессам становления их субъектности в публичном пространстве. На основе качественного исследования, включающего глубинные интервью, рассматривается, каким образом повседневные практики ухода, взаимодействия с институтами и участие в неформальных сетях поддержки формируют условия для возникновения голоса как социально значимой формы агентности. Показано, что невидимость носит структурный характер и проявляется в ограниченной и стереотипизированной публичной репрезентации, дефиците институциональной поддержки и нормализации гендерно асимметричного распределения заботы. В то же время именно в этих условиях матери накапливают практическую экспертность, создают горизонтальные формы взаимопомощи и вырабатывают стратегии артикуляции собственного опыта. Голос рассматривается как возникающая и неравномерно распределенная форма субъектности, которая формируется в промежуточных пространствах между частной жизнью и публичной сферой, но не всегда конвертируется в институционально признанное влияние. Ограничения исследования связаны с небольшим числом интервью и специфическим профилем информанток, обладающих сравнительно высокой рефлексивностью и включенностью в коммуникационные сети, что не позволяет охватить весь спектр опыта, включая наиболее изолированные случаи. Статья вносит вклад в исследования инвалидности, заботы и неравенства, предлагая анализ голоса как формы участия в условиях ограниченного признания.

Ключевые слова: инвалидность, материнство, забота, социальная невидимость, голос, субъектность, неформальные сети, Казахстан.

ӘЛЕУМЕТТІК КӨРІНБЕУ МЕН СУБЪЕКТІЛІК АРАСЫНДАҒЫ КЕҢІСТІК: МҮГЕДЕКТІГІ БАР БАЛАЛАР АНАЛАРЫНЫҢ ДАУЫСЫ

Құралай МУХАМБЕТОВА

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан
k.mukhambetova74@gmail.com

BETWEEN SOCIAL INVISIBILITY AND SUBJECTIVITY: THE VOICE OF MOTHERS OF CHILDREN WITH DISABILITIES

Kuralay MUKHAMBETOVA

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan
k.mukhambetova74@gmail.com

Аңдатпа. Мақала мүгедектігі бар балалардың аналарының әлеуметтік көрінбеуін және олардың қоғамдық кеңістікте субъектілікке ие болу үдерістерін талдауға арналған. Тереңдетілген сұхбаттарды қамтитын сапалық зерттеу негізінде күнделікті күтім практикалары, институттармен өзара әрекеттесу және бейресми қолдау желілеріне қатысу әлеуметтік мәні бар агенттік формасы ретіндегі дауыстың пайда болу жағдайларын қалай қалыптастыратыны қарастырылады.

Зерттеу әлеуметтік көрінбеудің құрылымдық сипатқа ие екенін және оның шектеулі әрі стереотиптелген қоғамдық репрезентацияда, институционалдық қолдаудың тапшылығында, сондай-ақ қамқорлық еңбегінің гендерлік асимметриялы бөлінісін қалыпты құбылыс ретінде қабылдауда көрініс табатынын көрсетеді. Сонымен қатар дәл осы жағдайларда аналар практикалық сараптамалық білім жинақтап, өзара көмектің көлденең формаларын қалыптастырады және өз тәжірибесін артикуляциялау стратегияларын дамытады. Дауыс жеке өмір мен қоғамдық сала арасындағы аралық кеңістіктерде қалыптасатын, бірақ әрдайым институционалды түрде мойындалған ықпалға айнала бермейтін, пайда болу үстіндегі және біркелкі бөлінбейтін субъектілік формасы ретінде қарастырылады.

Зерттеудің шектеулері сұхбаттардың аз санымен және ақпарат беруші әйелдердің салыстырмалы түрде жоғары рефлексивтілікке әрі коммуникациялық желілерге тартылуға ие ерекше профилімен байланысты; бұл тәжірибенің толық спектрін, соның ішінде ең оқшаланған жағдайларды қамтуға мүмкіндік бермейді.

Abstract. The article examines the social invisibility of mothers of children with disabilities and the processes through which their subjectivity emerges in public space. Drawing on qualitative research that includes in-depth interviews, the study explores how everyday practices of care, interactions with institutions, and participation in informal support networks create the conditions for the emergence of voice as a socially meaningful form of agency.

The article shows that invisibility is structural in nature and manifests itself in limited and stereotyped public representation, a deficit of institutional support, and the normalization of a gender-asymmetrical distribution of care. At the same time, it is precisely under these conditions that mothers accumulate practical expertise, create horizontal forms of mutual support, and develop strategies for articulating their own experiences. Voice is conceptualized as an emergent and unevenly distributed form of subjectivity that takes shape in intermediary spaces between private life and the public sphere yet does not always translate into institutionally recognized influence. The limitations of the study are related to the small number of interviews and the specific profile of the informants, who demonstrate a relatively high level of reflexivity and involvement in communication networks.

This does not allow the study to capture the full spectrum of experience, including the most isolated cases.

The article contributes to disability studies, care studies, and research on inequality by offering an analysis of voice as a form of participation under conditions of limited recognition.

Мақала мүгедектік, қамқорлық және теңсіздік зерттеулеріне үлес қосып, шектеулі мойындау жағдайындағы қатысу формасы ретінде дауысты талдауды ұсынады.

Түйін сөздер: мүгедектік, ана болу, қамқорлық, әлеуметтік көрінбеу, дауыс, субъектілік, бейресми желілер, Қазақстан.

Key words: disability, motherhood, care, social invisibility, voice, subjectivity, informal networks, Kazakhstan.

Введение

В последние годы в Казахстане наблюдается устойчивый рост внимания к вопросам инвалидности, инклюзии и социальной поддержки семей, воспитывающих детей с инвалидностью. Однако данный интерес остается неравномерным и фрагментарным, особенно в отношении матерей, которые выступают основными носителями практик ухода, сопровождения и повседневной организации жизни ребенка. Несмотря на формальное признание их роли в системе социальной поддержки, их присутствие в публичном и медийном пространстве остается ограниченным и во многом стереотипизированным. Подобное несоответствие между институциональным признанием и фактической видимостью указывает на более широкую проблему распределения внимания, ресурсов и права на участие, в рамках которой одни формы опыта получают легитимность, тогда как другие остаются на периферии общественного обсуждения.

Как показывают многолетние исследования, медийные и культурные репрезентации инвалидности по всему миру нередко выстраиваются через упрощенные и эмоционально нагруженные рамки жалости, героизации, патернализма или «вдохновляющего преодоления», что редуцирует сложность опыта инвалидности и ослабляет возможность самих людей с инвалидностью выступать интерпретаторами собственной жизни [1, 2, 3]. Для анализа материнского опыта это является важным как указание на более широкий символический порядок, в котором инвалидность часто становится объектом внешнего описания. В таком порядке матери также рискуют быть увиденными преимущественно через фигуры страдания, героической стойкости или жертвенности, а не как социальные акторы, обладающие знанием, голосом и правом на участие в определении повестки.

Между тем материнство в условиях инвалидности связано не только с эмоциональной и физической нагрузкой, но и с необходимостью постоянного переключения между медицинскими, образовательными, социальными и бюрократическими системами. При этом именно матери чаще всего несут основной объем повседневного труда заботы и ухода, а также последствия дефицита институциональной координации и информационной поддержки [4, 5, 6]. Исследования семей детей с инвалидностью также подчеркивают значение поддержки со стороны ближайшего окружения, сообщества, групп взаимопомощи и сервисов, однако такая поддержка часто остается фрагментарной и не полностью покрывает потребности семьи [7, 8]. В этом смысле повседневный опыт матерей включает не только выполнение заботы, но и постоянную навигацию между доступными ресурсами, неформальными каналами помощи и пробелами институциональной системы.

Таким образом, становится видимым напряжение между двумя уровнями описания. С одной стороны, матери детей с инвалидностью оказываются социально недостаточно представленными и символически редуцированными. С другой, именно в условиях ограниченной институциональной поддержки они вырабатывают практические знания, создают сети взаимопомощи и в ряде случаев выходят в публичное пространство. Это позволяет поставить вопрос не только о невидимости, но и о формировании субъектности, понимаемой как способность к осмыслению собственного опыта, его артикуляции и участию в процессах социального взаимодействия.

Проблема исследования состоит в том, что в общественном и частично научном дискурсе матери детей с инвалидностью по-прежнему чаще описываются как уязвимая группа, чем как носители социального знания, агентности и голоса. В результате недостаточно осмысленным остается сам процесс перехода от повседневного опыта ухода к публичной артикуляции позиции, а также условия, при которых этот переход становится возможным или, напротив, блокируется.

Актуальность данного исследования связана с тем, что в казахстанском контексте материнский опыт в условиях инвалидности остается сравнительно слабо концептуализированным именно в терминах голоса, признания и субъектности. Одновременно усиление инклюзивной риторики и расширение публичного обсуждения инвалидности не сопровождаются автоматическим включением матерей в процессы выработки решений. В этих условиях анализ того, как формируется и ограничивается голос матерей, приобретает особое значение для понимания более широких механизмов социальной видимости, гендерного неравенства и участия в условиях институциональной асимметрии.

Цель публикации состоит в анализе того, каким образом в опыте матерей детей с инвалидностью формируется и артикулируется голос как форма субъектности в условиях структурной невидимости, а также в выявлении социальных и институциональных факторов, которые способствуют или, напротив, ограничивают его проявление и преобразование в социально значимое участие.

Объектом исследования выступает опыт матерей детей с инвалидностью в Казахстане, рассматриваемый как совокупность повседневных практик, взаимодействий с институциональной средой и форм социальной включенности.

Предметом исследования являются процессы формирования, артикуляции и ограничения голоса матерей как формы субъектности, возникающей на пересечении повседневного опыта заботы, неформальных сетей поддержки и институциональных взаимодействий.

Основной исследовательский вопрос звучит следующим образом: *Каким образом в условиях структурной невидимости формируется голос матерей детей с инвалидностью и какие факторы определяют возможности его трансформации в институционально признанную форму участия?*

Рабочая гипотеза исследования состоит в предположении, что голос матерей детей с инвалидностью формируется преимущественно в рамках повседневных практик и неформальных сетей взаимодействия, тогда как его переход в институционально признанные формы участия может сталкиваться с рядом структурных

ограничений, связанных с дефицитом признания, асимметрией участия и особенностями публичных репрезентаций.

Особо отметим, что данное исследование было проведено в рамках первичной оценки потребностей женщин, воспитывающих детей с инвалидностью, для подготовки масштабного проекта по реализации их права на видимость, участие в публичном пространстве и медиапредставленность.

Инвалидность, забота и голос: теоретические подходы к анализу материнского опыта

Исследование опирается на подходы исследований инвалидности (disability studies), социологии заботы и теоретических работ о голосе, признании и участии. Это позволяет рассматривать опыт матерей детей с инвалидностью не как набор отдельных индивидуальных историй, а как социально обусловленный опыт, складывающийся под воздействием институциональных ограничений, культурных норм и повседневных практик.

В рамках подходов disability studies инвалидность понимается не как индивидуальный дефицит, а как результат взаимодействия человека и семьи с системой социальных, культурных, средовых и институциональных барьеров. Это важно для проводимого анализа, поскольку позволяет сместить внимание с «проблемы ребенка» на условия, в которых формируется повседневная жизнь семьи, и, в частности, на положение матери как основного носителя труда сопровождения. Исследование К. Кологон (Cologon, 2016) показывает, что родительские понимания инвалидности не сводятся к медицинской модели: многие родители описывают инвалидность через социальные, сетевые и средовые барьеры, то есть через то, как общество организует включение и исключение [9]. В этом контексте трудности матерей предстают как результат не только индивидуальных обстоятельств, но и структурных ограничений, в которых разворачивается их повседневность.

Если исследования инвалидности (disability studies) позволяют сместить внимание с индивидуального дефицита на социальные барьеры, то социология заботы делает видимым сам труд, благодаря которому повседневная жизнь семьи становится возможной. Забота здесь понимается как социально необходимый, но структурно недооцененный и гендерно распределенный труд. Это особенно заметно в семьях детей с инвалидностью, поскольку материнская забота включает не только эмоциональное присутствие и бытовой уход, но и координацию специалистов, образовательных решений, реабилитационных маршрутов и взаимодействия с институтами [4, 8, 10].

В семьях, в которых растут дети с инвалидностью, забота принимает форму интенсивной и длительной работы, включающей эмоциональные, организационные, медицинские и педагогические практики, требующие постоянной координации и вовлеченности. При этом значительная часть этого труда остается частично невидимой, несмотря на его центральную роль в поддержании повседневного функционирования семьи. Такая невидимость не означает отсутствия значимости, наоборот, она указывает на дефицит общественного признания и

институциональной поддержки. В этой связи материнский опыт оказывается амбивалентным, он одновременно связан с перегрузкой и уязвимостью и с накоплением специфической компетентности, превращающей матерей в носителей практического знания и неформальной экспертности [6, 8, 10].

В данной статье понятие голоса используется для анализа того, как материнский опыт становится высказываемым, распознаваемым и потенциально значимым для других. Речь идет не только о возможности рассказать о себе, но и о социальных условиях, при которых такое высказывание может быть услышано, принято всерьез и связано с обсуждением общих проблем. В этом смысле голос не сводится к индивидуальной способности говорить: он зависит от того, существуют ли пространства, аудитории и институциональные механизмы, способные признать этот опыт как значимый. Дж. Такчи (Tacchi, 2016) подчеркивает, что значение голоса определяется не самим фактом высказывания, а тем, когда, как и в каких отношениях он начинает иметь значение [11]. Поэтому для данного исследования принципиально различие между возможностью говорить о собственном опыте и возможностью влиять на его общественную и институциональную интерпретацию.

Важным уточнением к этому подходу является концепт идеологии «хорошей матери», подробно рассмотренный в исследовании Т. Вильямсон и коллег (T. Williamson et al., 2023). Авторы показывают, что материнство регулируется не только через распределение обязанностей, но и через моральный порядок ожиданий: женщина должна быть постоянно доступной, эмоционально включенной, компетентной и готовой ставить потребности ребенка выше собственных [12]. Здесь забота воспринимается как естественное продолжение женской идентичности, а не как социально значимый труд, требующий признания и поддержки.

Этот подход важен, поскольку позволяет точнее описать невидимость матерей детей с инвалидностью. Их труд становится одновременно максимально ожидаемым и слабо признаваемым, чем более самоочевидной считается материнская ответственность, тем труднее увидеть ее организационную, эмоциональную и экспертную сложность. Идеология «хорошей матери» усиливает дихотомию «хорошая/плохая мать» и делает женщину объектом постоянной оценки, особенно в ситуациях, где поведение ребенка, выбор маршрута реабилитации или взаимодействие с институтами интерпретируются как показатель ее личной состоятельности.

Кроме того, исследование Т. Вильямсон связывает давление «хорошего материнства» с трансформацией партнерских отношений и закреплением гендерных ролей. Участие отца в заботе оказывается не только вопросом практической помощи, но и условием перераспределения моральной ответственности. Иными словами, там, где партнер признает материнскую нагрузку и включается в повседневные решения, давление идеала «хорошей матери» частично ослабляется; там, где забота остается преимущественно материнской обязанностью, усиливаются вина, перегрузка и ощущение одиночной ответственности.

Современные исследования позволяют более детально описать символические условия, в которых формируется опыт семей, воспитывающих детей с ин-

валидностью. Одним из таких условий являются медийные и культурные репрезентации инвалидности, которые нередко воспроизводят ограниченные интерпретационные рамки, от логики жалости и патернализма до нарративов «вдохновляющего преодоления». Несмотря на различие этих модусов, они сходятся в том, что закрепляют асимметрию между наблюдающим большинством и теми, кто становится объектом репрезентации, лишая последних возможности выступать в качестве полноправных интерпретаторов собственного опыта [1, 2, 3].

На уровне повседневных практик материнский опыт формируется в условиях сочетания высокой интенсивности ухода, дефицита институциональной поддержки и необходимости самостоятельного освоения сложных и часто противоречивых действий, связанных с медицинским сопровождением, образованием и социальной интеграцией ребенка [5, 6, 8]. Это приводит к тому, что матери оказываются в ситуации постоянной координации ресурсов, принятия решений в условиях неопределенности и одновременного выполнения ролей, выходящих за пределы традиционно понимаемой родительской функции. Накопление практического знания и неформальной экспертности в этой связи является не прямым выводом каждого из указанных исследований, а аналитическим следствием сопоставления их результатов с эмпирическим материалом настоящей статьи.

Существенным измерением этого опыта выступает стигма, которая функционирует не только на уровне индивидуальных взаимодействий, но и как более широкая социальная логика, структурирующая восприятие инвалидности. Особое значение имеет так называемая ассоциированная стигма (*courtesy stigma*), при которой негативная маркировка распространяется на родителей, в том числе матерей, усиливая их социальную изоляцию и ограничивая возможности участия в повседневных взаимодействиях [13]. Мы можем рассматривать стигму как механизм, одновременно производящий невидимость и регулирующий границы допустимого высказывания, что напрямую связано с вопросами голоса и признания.

В этих условиях важную роль приобретают неформальные сети поддержки, родительские группы и связи с ближайшим окружением, которые выступают не только как ресурсы практической помощи, но и как пространства переосмысления опыта. Исследования семей детей с инвалидностью показывают, что поддержка со стороны семьи, соседей, сообщества и групп взаимопомощи может снижать чувство изоляции и помогать родителям справляться с повседневной нагрузкой, хотя она и не заменяет устойчивых институциональных механизмов поддержки [7, 8]. Но такие практики являются важным элементом формирования голоса, поскольку они создают условия, в которых индивидуальный опыт перестает быть изолированным и приобретает социальную значимость.

Казахстанский корпус работ по инвалидности преимущественно сосредоточен на ее институциональных аспектах: развитии инклюзивного образования, нормативных изменениях, доступе к услугам и организационных барьерах [14, 15, 16]. Этот фокус важен, он позволяет описать системные условия, в которых живут семьи, воспитывающие детей с инвалидностью, но вопрос о том, как эти условия переживаются и интерпретируются самими матерями в повседневной жизни, пока остается открытым.

Работы казахстанских авторов, обращающиеся к семьям с детьми с инвалидностью, показывают, что уход за ребенком влияет не только на доступ к услугам, но и на занятость родителей, структуру семейных ресурсов и возможности участия в социальной жизни. Так, исследования Т. П. Притворовой и соавторов анализируют ограничения родительской занятости и социально-экономические риски семей, воспитывающих детей с инвалидностью, показывая, что дефицит услуг и необходимость ухода непосредственно сказываются на положении родителей, особенно матерей [17, 18]. Это означает, что материнский опыт формируется не только в сфере частной заботы, но и в более широком поле институциональных и экономических ограничений.

Работы, непосредственно анализирующие повседневные практики казахстанских матерей через категории голоса, признания и субъектности, остаются малочисленными. В существующих работах чаще рассматриваются институциональные реформы, образовательная инклюзия, занятость или доступ к поддержке, тогда как процессы осмысления опыта, формирования неформальной экспертности и перехода от частной заботы к публичной артикуляции позиции остаются менее изученными. Настоящее исследование направлена на частичное восполнение этого пробела, предлагая рассмотреть, каким образом в условиях ограниченного институционального признания формируются стратегии повседневного действия и возможности для выражения голоса.

Методология

Исследование выполнено в качественной логике и носит разведывательно-интерпретативный характер. Такой дизайн выбран потому, что предметом анализа являются способы осмысления собственного опыта, формы его артикуляции и значения, которые информантки придают повседневным практикам заботы, поддержки и участия. В центре внимания находится не измерение распространенности тех или иных практик, а реконструкция смыслов и механизмов, через которые матери описывают невидимость, экспертность и возможность быть услышанными.

Эмпирическую базу составили три развернутых полуструктурированных интервью с матерями детей с инвалидностью, обладающими выраженной экспертностью опыта и различной степенью вовлеченности в публичные, профессиональные или общественные практики. В данном случае речь идет не о «типичных» семейных историях в статистическом смысле, а о насыщенных нарративах, позволяющих реконструировать значимые механизмы: как переживается невидимость, как формируется знание, как появляется или, напротив, ограничивается голос. Выбранный подход соответствует логике разведывательного качественного исследования, где аналитическая ценность материала определяется глубиной и смысловой насыщенностью кейсов, а не числом наблюдений.

Отбор информанток был целенаправленным. Критериями включения выступало наличие опыта длительного ухода за ребенком с инвалидностью; способность к развернутой рефлексии собственного опыта; вовлеченность в коммуникацию с другими семьями, институтами или общественными инициативами.

Подобная стратегия отбора соответствует целенаправленной выборке, используемой в качественных исследованиях для выбора случаев, максимально информативных в отношении исследовательской проблемы. Одновременно такой отбор задает важное ограничение, когда в исследование включены женщины, уже обладающие определенным уровнем рефлексивности и коммуникационных ресурсов.

Интервью строились вокруг нескольких тематических блоков: распределение заботы в семье; восприятие социальной и медийной невидимости; опыт взаимодействия с государственными, медицинскими и образовательными структурами; доступ к информации и поддержке; участие в горизонтальных сетях взаимопомощи; отношение к публичности, медиа и возможностям артикуляции собственной позиции. Эти блоки напрямую соотносятся с теоретической рамкой исследования и позволяют проследить переход от повседневной практики заботы к формам субъектности.

В ходе исследования был применен тематический анализ. На первом этапе все интервью были внимательно прочитаны и сегментированы на смысловые единицы. На втором этапе осуществлялось открытое кодирование, фиксировались повторяющиеся мотивы, такие как «информационный дефицит», «гендерная асимметрия», «неформальная поддержка», «выбор публичности», «экспертность», «разрыв между голосом и влиянием». На третьем этапе коды были объединены в более широкие аналитические темы. В итоговой версии анализа были выделены три центральные темы: социальная невидимость как структурированный опыт; голос как возникающая форма субъектности; пределы и противоречия публичной артикуляции.

В ходе анализа учитывалась позиция исследователя и возможное влияние интерпретации на выделение тем. Особое внимание уделялось разграничению эмпирических высказываний информанток и аналитических обобщений, возникающих в процессе исследования. Это было важно для того, чтобы не подменять голос участниц заранее заданной теоретической схемой, а использовать теоретические понятия как инструмент интерпретации их нарративов.

Исследование имеет несколько ограничений. Небольшое число интервью не позволяет делать обобщения в репрезентативном смысле. Кроме того, информантки обладают сравнительно высокой рефлексивностью и уже включены в коммуникационные сети, поэтому их опыт не охватывает весь спектр ситуаций, особенно наиболее изолированные случаи. Статья также не является прямым медиаанализом, поскольку медийная репрезентация здесь рассматривается через восприятие и интерпретации самих матерей, а не через отдельный корпус медийных текстов. Однако именно это позволяет увидеть не только то, как группа изображается, но и то, как эти репрезентации переживаются, присваиваются или оспариваются самими участницами исследования.

Контекст инвалидности, заботы и семейной ответственности в Казахстане

Социальное положение детей с инвалидностью и их семей в Казахстане продолжает определяться высокой ролью семьи в обеспечении повседневного ухो-

да. Казахстан в последние годы последовательно развивает инклюзивную политику и расширяет инфраструктуру поддержки, однако исследования и экспертные оценки показывают, что переход от нормативного признания инклюзии к устойчивым повседневным практикам остается неполным [14, 16].

В сфере образования заметен разрыв между расширением инклюзивной риторики и фактическими возможностями семей. По данным UNICEF, в 2023 году в Казахстане было зарегистрировано 137 434 ребенка в возрасте 6–18 лет с инвалидностью, при этом в 2023–2024 учебном году 38% из них, или 52 655 детей, были зачислены в организации среднего образования [19]. Безусловно, эти данные требуют аккуратной интерпретации, поскольку не все дети указанного возраста должны обучаться именно в средней школе, однако они показывают сохраняющуюся необходимость более детального учета образовательных потребностей детей с инвалидностью. UNICEF Казахстан (2024) также показывает, что развитие инклюзивного образования в стране сопровождается сохраняющимися барьерами: нехваткой подготовленных специалистов, неравномерностью условий между регионами, слабой доступностью ассистивных технологий и ограниченной готовностью школ к индивидуальной поддержке детей с особыми образовательными потребностями [16]. Исследования казахстанских авторов подтверждают, что эффективность инклюзивного образования зависит не только от нормативных изменений, но и от кадровых, организационных и инфраструктурных условий [15].

Официальные данные последних лет подтверждают масштабность институциональной задачи. По информации Правительства Республики Казахстан, в системе поддержки детей с особыми образовательными потребностями действуют психолого-медико-педагогические консультации, коррекционные кабинеты, аутизм-центры, реабилитационные центры, специальные школы и специальные детские сады. При этом более 96 000 детей с особыми образовательными потребностями обучаются в инклюзивных условиях в общеобразовательных школах [20]. Цифры свидетельствуют о расширении инфраструктуры, но одновременно показывают, что поддержка остается сложной системой, требующей от родителей постоянной навигации между разными учреждениями и режимами помощи.

В последние годы наблюдается развитие инициатив, направленных на поддержку семей и продвижение инклюзии, включая программы раннего вмешательства, развитие ассистивных технологий, цифровой доступности и расширение практик инклюзивного образования. Однако доступ к таким ресурсам остается неравномерным, а институциональные механизмы участия родителей в принятии решений остаются ограниченными [21].

Указанное выше позволяет рассматривать интервью не как изолированные биографические истории, а как свидетельства о том, как структурные условия переживаются на уровне повседневной практики. Ограниченная доступность услуг, гендерно распределенная ответственность за заботу и необходимость самостоятельного перемещения по институциональному полю создают условия, в которых материнский голос формируется не только как выражение личного опыта, но и как реакция на дефицит признания и участия.

Социальная невидимость как структурированный опыт

Анализ интервью позволяет рассматривать социальную невидимость матерей детей с инвалидностью не как простое отсутствие в общественном пространстве, а как ограниченный и неоднозначный режим признания. Информантки описывают ситуации, в которых они могут быть формально видимыми, в социальных сетях, учреждениях, родительских сообществах, но при этом их опыт не всегда получает достаточное понимание, участие и право на самостоятельную интерпретацию. В этом смысле невидимость связана не столько с полным отсутствием репрезентации, сколько с тем, какие именно стороны материнского опыта становятся заметными, а какие остаются вытесненными на периферию.

Одним из важных измерений такой невидимости является разрыв между формальной представленностью и реальным пониманием. Одна из информанток прямо отмечает: *«если честно, я вообще не сильно видела, где бы в СМИ роль отца или роли матери прям как-то подробно освещались»*. Это высказывание фиксирует не только дефицит репрезентации как таковой, но и поверхностность имеющегося освещения. Проблема состоит не просто в малом числе сюжетов, а в отсутствии пространств, где материнский опыт становился бы предметом содержательного разговора, не как история страдания или исключительной силы, а как сложная социальная позиция, связанная с заботой, знанием, ответственностью и взаимодействием с институтами.

Невидимость имеет и выраженное практическое измерение. Информантки описывают ситуацию информационной недостаточности, когда значимая часть знаний добывается не через государственные сервисы, а через неформальные контакты. Как отмечает одна из них, *«мы много информации узнаем в беседах, где-то на приемах у врача, либо через разные сообщества, где каждая мама начинает делиться... есть хорошие союзы родителей, где собирают чаты для общения мам»*. Это наблюдение позволяет говорить не об отсутствии институтов как таковых, а о разрыве между формальным наличием сервисов и доступностью понятной, своевременной и практически применимой информации для семей. В таких условиях матери вынуждены самостоятельно восполнять пробелы институциональной коммуникации.

Дефицит институциональной поддержки усиливается бюрократическими и инфраструктурными барьерами. Та же информантка подчеркивает, что в реабилитационных центрах *«постоянно огромная очередь»*, поэтому *«чаще всего женщины прибегают к моменту “я лучше заплачу”»*. В этих условиях невидимость приобретает не только символический, но и материальный характер. Она выражается в том, что нагрузка по компенсации недостатков системы переносится в частную сферу семьи и прежде всего на мать. При этом доступ к альтернативным решениям - платным услугам, частным специалистам, дополнительной информации - зависит от ресурсов семьи, места проживания и включенности в сети поддержки.

Особое место занимает гендерное измерение невидимости. В интервью воспроизводится схема, в которой мать воспринимается как основной и почти самоочевидный субъект ухода, тогда как отцу чаще отводится роль добытчика или

вспомогательной фигуры. Одна из информанток описывает это так: *«мама в основном занимается реабилитацией ребенка и чаще всего почти полностью посвящает жизнь... посещению разных специалистов... а роль отца - добытчик, это опора»*. В другой беседе эта асимметрия формулируется еще жестче: *«все говорят: мама, мама, мама. Никто не упомянет об отце, где находится этот отец особенного ребенка... его как будто бы не существует»*. Здесь невидимость проявляется как двойной процесс: материнский труд одновременно становится обязательным и ожидаемым, но именно поэтому перестает восприниматься как социальная проблема, требующая признания, обсуждения и перераспределения ответственности.

Материал англоязычных исследований позволяет увидеть, что такая асимметрия поддерживается не только практическим разделением обязанностей, но и разными стандартами оценки матерей и отцов. Отцовская вовлеченность нередко получает статус помощи или заслуживающего похвалы участия, тогда как аналогичные действия матери воспринимаются как обязанность по умолчанию. В результате материнский труд оказывается парадоксально видимым как зона ответственности, но невидимым как труд, требующий разделения, признания и институциональной поддержки.

В интервью невидимость сопрягается и с моральным давлением. Так, в интервью говорят об общественной жесткости по отношению к женщинам: *«Общество абсолютно жестоко в этом отношении к женщинам. Оно либо обвиняет женщин в том, что у ребенка инвалидность, либо при какой-нибудь ошибке хочет строго наказать»*. Вслед за этим описываются комментарии в резонансных ситуациях, где общественное осуждение адресуется прежде всего матери, даже если ответственность носит семейный или институциональный характер. Это не всегда принимает форму прямой стигматизации, но проявляется как устойчивая моральная маркировка, при которой женщина оказывается фигурой первичной ответственности и первичного обвинения.

Материнская компетентность часто соотносится с жесткой оппозицией «хорошая/плохая мать» и с низким порогом общественного осуждения. В случае матерей детей с инвалидностью давление приобретает дополнительную интенсивность, женщина отвечает не только за повседневный уход, но и за поиск специалистов, интерпретацию диагнозов, образовательные решения, коммуникацию с учреждениями и эмоциональное удержание семьи. Поэтому моральная маркировка матери становится одним из механизмов социальной невидимости: общество замечает ее ответственность в момент ошибки или кризиса, но не распознает длительный труд, благодаря которому повседневная жизнь ребенка и семьи вообще становится возможной.

При этом интервью показывают, что невидимость не является единым и неизменным состоянием. Она по-разному проявляется в зависимости от доступа к информации, места проживания, включенности в родительские сети и готовности самой женщины к публичной артикуляции опыта. Информантки отмечают, что в крупных городах доступ к информации шире, но *«информационное голодание все равно присутствует»*, тогда как в сельской местности барьеров

еще больше. Это позволяет рассматривать невидимость как неравномерно распределенный опыт, усиливаемый пересечением территориального, ресурсного и коммуникационного неравенства.

В анализируемых интервью социальная невидимость предстает как многослойный опыт, включающий дефицит содержательной репрезентации, ограниченность институциональной поддержки, нормализацию гендерно асимметричного ухода и повышенную моральную ответственность матери. При этом она не сводится к пассивной изоляции, именно на ее фоне начинают складываться практики самопомощи, экспертности и последующей артикуляции голоса.

Голос как форма возникающей субъектности

Если в предыдущем аналитическом блоке на первый план выходит ограниченное признание материнского опыта, то во втором становится заметно, что этот опыт не сводится к позиции пассивной уязвимости. В интервью прослеживаются процессы формирования голоса, но не как уже закрепленного публичного статуса, а как постепенно возникающей способности говорить, интерпретировать, поддерживать других и претендовать на смысловое участие. При этом голос возникает не автоматически из самого факта материнства или ухода, а в результате накопления опыта, включенности в коммуникационные сети и возможности переводить частную ситуацию в более общий язык.

Одним из условий появления голоса становится накопление практической экспертности. Матери вынуждены самостоятельно разбираться в маршрутах получения помощи, медицинских подходах, образовательных возможностях и социальных сервисах. Одна из информанток описывает это как повседневную необходимость, когда она занимается *«образованием ребенка, направлением его образования, пониманием, к каким врачам можно водить ребенка»*, тогда как значительная часть решений требует постоянного изучения и сравнения возможностей. В этом смысле голос рождается не из абстрактной публичной активности, а из длительного погружения в конкретную работу сопровождения.

Однако накопление такого знания не всегда непосредственно ведет к публичной артикуляции. Практическая компетентность может оставаться внутри семейной или родительской среды и становиться основанием для голоса лишь при наличии коммуникационных ресурсов, доверительных сетей и готовности женщины выходить за пределы частной ситуации. Это важно для понимания неравномерности субъектности: одни матери получают возможность превращать опыт в публичное высказывание, тогда как для других он остается преимущественно внутренним ресурсом выживания и повседневной ориентации.

Накопленное знание постепенно перестает быть только индивидуальным ресурсом, когда начинает циркулировать в горизонтальных сетях взаимопомощи. Информантки говорят о среде, где *«каждая мама начинает делиться»*, а чаты и сообщества становятся местом обмена неформальной, но жизненно важной информацией. Тем самым частный опыт может переводиться в коллективный ресурс. Именно в этой точке материнский опыт приобретает субъектное измере-

ние, женщина не только справляется с собственной ситуацией, но и становится носителем знания, значимого для других.

У одной из информанток эта логика проговаривается почти как программа действия. Она считает, что матери, получившие знания и навыки публичной коммуникации, *«могут потом запускать чаты, разные сообщества для обмена опытом, делать совместные эфиры, совместные интервью, чтобы разные мамы могли тоже высказываться»*. Здесь особенно важно, что голос интерпретируется не как индивидуальная медийность и не как персональный успех, а как возможность расширять пространство высказывания для других. Публичность в таком понимании оказывается не самоцелью, а инструментом взаимного усиления, распространения информации и создания более широкого пространства видимости.

Субъектность в данном случае формируется также через переопределение смысла публичности. Участницы прямо отмечают, что важно видеть в медийности *«не только популярность»*, а *«силу голоса»*. Это важно, поскольку публичность перестает пониматься как самопрезентация и начинает рассматриваться как инструмент коллективной видимости, правовой грамотности и изменения общественного отношения. Тем самым голос обретает не только экспрессивное, но и социально-политическое измерение.

Вместе с тем интервью показывают, что голос матерей возникает прежде всего в промежуточных пространствах, между частной жизнью и институциональной политикой, между бытовым знанием и общественной артикуляцией, между самопомощью и адвокацией. Он часто начинается с обмена советами, участия в чатах, взаимного консультирования и локальных инициатив. Лишь при наличии дополнительных ресурсов - времени, цифровой доступности, доверия, навыков коммуникации и поддержки сообщества - он может выходить в более формальные публичные каналы.

В анализируемых нарративах матери выступают не только как адресаты социальной поддержки, но и как производители практического знания, координаторы сетей, интерпретаторы собственного опыта и, в определенной степени, носители альтернативной повестки. Такая субъектность не отменяет уязвимости матерей, но не позволяет сводить их социальную позицию только к зависимости от институтов и дефициту поддержки. В анализируемых интервью они предстают как участницы производства практического знания, взаимной помощи и новых форм публичной артикуляции опыта.

Пределы и противоречия публичной артикуляции

Материал интервью не позволяет рассматривать становление голоса как линейный переход от частного опыта к публичному участию. Напротив, информантки описывают ряд условий, при которых артикуляция опыта становится возможной, но остается ограниченной, рискованной или слабо связанной с институциональным влиянием. Поэтому голос в данном исследовании важно понимать не как гарантированное следствие накопленной экспертности, а как возможность, зависящую от ресурсов, социальных условий и личного выбора.

Прежде всего, интервью показывают амбивалентность самой публичности. Далеко не все матери стремятся к публичной артикуляции своего опыта, и это не

следует автоматически интерпретировать как отсутствие субъектности. Одна из информанок подчеркивает, что *«публичная жизнь - это всегда выбор... если кто-то желает, он это делает; если человек не хочет быть публичным, он эту позицию очень четко обрисовывает»*. Это важное уточнение не позволяет романтизировать публичность как универсальное благо. Для части женщин публичное высказывание может быть ресурсом, для части - риском лишней экспозиции, эмоционального истощения или усиления стигматизации.

Отказ от публичности в этом контексте может выступать не проявлением пассивности, а осознанной стратегией защиты частной жизни, эмоциональных границ и ребенка от дополнительного внимания. Такая позиция особенно важна для анализа материнского опыта, поскольку публичность нередко затрагивает не только саму женщину, но и ребенка, семью, диагноз, отношения с учреждениями и ближайшим окружением. Поэтому выбор в пользу непубличности может быть не менее субъектным, чем решение говорить публично.

Возможности формирования голоса, кроме того, распределены неравномерно. В интервью неоднократно подчеркивается зависимость от места проживания, доступа к интернету, уровня информации и включенности в сообщества. В интервью проговаривается, что у женщин в селах и аулах *«даже доступа иногда просто нет к интернету»*, а значит, *«где-то проявиться, рассказать, быть услышанным ... очень много барьеров»*. Следовательно, субъектность не существует вне ресурсов. Она требует времени, коммуникационных каналов, социальных связей и хотя бы минимальной инфраструктуры поддержки.

Даже в тех случаях, когда голос становится слышимым, он не всегда получает институциональное продолжение. Показательно высказывание о том, что в последние годы появились *«инициативы, исследования, направления»*, но при этом *«многие проекты не финансируются»*. Здесь обнаруживается серьезное ограничение, связанное с тем, что общественное обсуждение может возникнуть, но без устойчивой институциональной поддержки оно остается хрупким и легко сворачивается. Видимость в этом случае не равна влиянию, а публичное высказывание не обязательно приводит к изменению практик принятия решений.

Еще одно измерение этого разрыва связано с тем, что официальные механизмы помощи в интервью редко описываются как пространства полноценного диалога. Они чаще фигурируют как источники очередей, правил, ожидания и частичной недоступности. Даже когда поддержка формально существует, она не обязательно предполагает включение материнского опыта в выработку решений. Поэтому голос матерей остается во многом *«приграничным»*, то есть заметным в сообществах, чатах, локальных инициативах и отдельных публичных высказываниях, но слабо конвертируемым во влияние на институциональный порядок.

В интервью также появляется важное временное измерение. Женщины отмечают, что отдельные возможности поддержки и информирования со временем расширились: появились родительские сообщества, больше открытых обсуждений, отдельные инициативы и каналы обмена опытом. Однако эти изменения не воспринимаются как гарантия устойчивой и непрерывной поддержки. Напротив, в нарративах подчеркивается, что по мере взросления ребенка семья сталкива-

ется с новыми зонами неопределенности, особенно после достижения им совершеннолетия. Как говорит одна из информанток, *«после 18 плюс там все очень темно»*. Эта фраза указывает не только на нехватку информации, но и на более широкий пробел в институциональной логике сопровождения, когда поддержка оказывается привязанной к отдельным возрастным этапам, программам или статусам, а не к длительной жизненной траектории ребенка и семьи.

В результате матери, даже накопившие значительный опыт взаимодействия с системой и способные артикулировать свои потребности, вновь оказываются перед необходимостью самостоятельно искать маршруты помощи, интерпретировать правила и компенсировать пробелы между разными институтами. Поэтому временное измерение показывает, что голос матерей может усиливаться с опытом, но это не гарантирует большей институциональной определенности, когда взросление ребенка нередко открывает новые формы невидимости и новые пределы участия.

Материал позволяет рассматривать голос матерей как важную, но структурно ограниченную форму субъектности. Он возникает на пересечении нужды, компетентности и горизонтальной солидарности, однако его публичная артикуляция не является универсальной траекторией и не всегда ведет к институциональному влиянию. Именно это делает голос не только ресурсом, но и аналитически сложной категорией: он указывает одновременно на возможность действия и на границы признания, в которых это действие разворачивается.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что опыт матерей детей с инвалидностью не исчерпывается ни категорией уязвимости, ни риторикой силы, героизма и преодоления. Более продуктивной является перспектива, в которой их социальная позиция рассматривается как напряженное сосуществование структурной невидимости и формирующейся субъектности. Это позволяет увидеть, что матери одновременно сталкиваются с ограничениями институциональной среды и вырабатывают собственные способы действия, знания и взаимной поддержки.

В анализируемых интервью социальная невидимость предстает как сложная конфигурация символических, институциональных, гендерных и моральных ограничений. Она выражается в слабой институциональной закреплённости поддержки, в нормализации гендерно асимметричного распределения заботы, а также в действии идеологии «хорошей матери», при которой женщина оказывается фигурой первичной и почти самоочевидной ответственности за благополучие ребенка.

В условиях казахстанской системы поддержки эта проблема приобретает дополнительную остроту, поскольку доступ к услугам, информации и инфраструктуре остается неравномерным, а значительная часть работы по поиску помощи, выстраиванию маршрутов сопровождения и координации взаимодействия с институтами фактически переносится на семью.

При этом невидимость не означает отсутствия действия или пассивного ожидания помощи. В условиях нехватки информации и признания матери накапли-

вают практическую экспертность, создают каналы взаимопомощи и формируют пространства, где индивидуальный опыт получает коллективное значение. Голос в этом контексте возникает как форма субъектности, основанная не только на желании высказаться, но и на накопленном знании, сетевой включенности и способности переводить частную ситуацию в социально значимую повестку. Именно поэтому уязвимость остается важной характеристикой их положения, но не исчерпывает его.

В то же время этот голос остается неравномерно распределенным и структурно ограниченным. Он чаще формируется в промежуточных пространствах - родительских сообществах, чатах, неформальных инициативах и локальных медийных практиках, чем в институциональных механизмах принятия решений. Более того, публичная артикуляция не является универсальной траекторией: для части матерей отказ от публичности может быть не проявлением пассивности, а осознанной стратегией защиты частной жизни, эмоциональных границ и ребенка от дополнительной стигматизации. Это позволяет избежать романтизации голоса и рассматривать его как возможность, зависящую от ресурсов, условий и личного выбора.

Анализ также показывает, что границы голоса связаны не только с доступом к публичности, но и с фрагментарностью институциональной поддержки во времени. Даже там, где матери накапливают опыт взаимодействия с системой и учатся артикулировать свои потребности, взросление ребенка может открывать новые зоны неопределенности, особенно после достижения им совершеннолетия. Это указывает на то, что поддержка часто выстраивается вокруг отдельных возрастных этапов, программ или статусов, а не вокруг непрерывной жизненной траектории ребенка и семьи.

Статья показывает продуктивность соединения подходов исследований инвалидности (disability studies), социологии заботы и теории голоса для анализа материнского опыта в условиях инвалидности. Эмпирически она демонстрирует, что центральной проблемой является не только дефицит сервисов, но и слабая институциональная восприимчивость к материнскому опыту как к источнику практического знания и основанию для участия. Разрыв между повседневной центральностью материнского труда и его ограниченным общественным признанием выступает одним из механизмов воспроизводства неравенства.

Практическое значение полученных выводов состоит в необходимости не только расширения социальных, образовательных и реабилитационных сервисов, но и создания устойчивых каналов участия, в которых матери могли бы выступать не как пассивные получатели помощи, а как полноправные участницы формирования социальной повестки. Вклад статьи заключается в том, что голос матерей детей с инвалидностью рассматривается как форма социальной агентности, возникающая в условиях ограниченного институционального признания. Такой голос не сводится ни к молчаливой адаптации, ни к героизирующей публичности. Он требует признания как источник практического знания и включения в процессы разработки социальной политики.

Список литературы

- 1 Barnes C. Disabling Imagery and the Media: An Exploration of the Principles for Media Representations of Disabled People. Halifax: BCODP/Ryburn Publishing; 1992. Available at: <https://disability-studies.leeds.ac.uk/wp-content/uploads/sites/40/library/Barnes-disabling-imagery.pdf>
- 2 Hayes M.T., Black R.S. Troubling Signs: Disability, Hollywood Movies and the Construction of a Discourse of Pity. *Disability Studies Quarterly*. 2003; 23(2):114–132. <https://doi.org/10.18061/dsq.v23i2.419>
- 3 Holcomb J., Latham-Mintus K. Disney and Disability: Media Representations of Disability in Disney and Pixar Animated Films. *Disability Studies Quarterly*. 2022; 42(1). <https://doi.org/10.18061/dsq.v42i1.7054>
- 4 Home A. Challenging Hidden Oppression: Mothers Caring for Children with Disabilities. *Critical Social Work*. 2002; 3(1). Available at: <https://ojs.uwindsor.ca/index.php/csw/article/view/5652/4620>
- 5 Dantas K.O., Neves R.F., Ribeiro K.S.Q.S., Brito G.E.G., Batista M.C., Prado Y.B. Family repercussions and caregiving for children and adolescents with disabilities: a qualitative study. *Cadernos de Saúde Pública*. 2019; 35(6):e00157918. <https://doi.org/10.1590/0102-311X00157918>
- 6 Papadopoulos D. Mothers' Experiences and Challenges Raising a Child with Autism Spectrum Disorder: A Qualitative Study. *Brain Sciences*. 2021; 11(3):309. <https://doi.org/10.3390/brainsci11030309>
- 7 Jansen-van Vuuren J., Lysaght R., Batorowicz B., Dawud S., Aldersey H.M. Family Quality of Life and Support: Perceptions of Family Members of Children with Disabilities in Ethiopia. *Disabilities*. 2021;1(3):233–256. <https://doi.org/10.3390/disabilities1030018>
- 8 Matambanadzo S., Rhoda A. Contextual factors experienced by mothers of children with special needs in raising these children: a qualitative phenomenological study. *South African Journal of Physiotherapy*. 2024; 80(1):a2060. <https://doi.org/10.4102/sajp.v80i1.2060>
- 9 Cologon K. What is disability? It depends whose shoes you are wearing. *Disability Studies Quarterly*. 2016; 36(1). <https://doi.org/10.18061/dsq.v36i1.4448>
- 10 Ryan S., Runswick-Cole K. Repositioning Mothers: Mothers, Disabled Children and Disability Studies. *Disability & Society*. 2008; 23(3):199–210. <https://doi.org/10.1080/09687590801953937>
- 11 Tacchi J. When and how does voice matter? And how do we know? In: Hemer O., Tufte T., editors. *Voice & Matter: Communication, Development and the Cultural Return*. Gothenburg: Nordicom; 2016. p. 117–128. Available at: <https://hdl.handle.net/2134/23165>
- 12 Williamson T., Wagstaff D. L., Goodwin J., Smith N. Mothering Ideology: A Qualitative Exploration of Mothers' Perceptions of Navigating Motherhood Pressures and Partner Relationships. *Sex Roles*. 2023; 88 (1–2):101–117. <https://doi.org/10.1007/s11199-022-01345-7> Available at: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9765384/?utm_source
- 13 Tekola B., Kinfе M., Girma F., Hanlon C., Hoekstra R.A. Perceptions and experiences of stigma among parents of children with developmental disorders in Ethiopia: A qualitative study. *Social Science & Medicine*. 2020; 256:113034. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2020.113034>
- 14 Makoelle T.M. Schools' Transition Toward Inclusive Education in Post-Soviet Countries: Selected Cases in Kazakhstan. *SAGE Open*. 2020;10(2). <https://doi.org/10.1177/2158244020926586>
- 15 Turlubekova M.B., Bugubayeva R.O., Besspayeva R.S. Inclusive education in the Republic of Kazakhstan and factors affecting its development. *Buketov Business Review*. 2021; (1):114–124. <https://doi.org/10.31489/2021ec1/114-124>

16 Гурин А., Раторе У., Жаксылыкова Ж. Результаты формативной оценки образования с фокусом на инклюзивность и оценки с использованием больших данных: история двух исследований. Астана: UNICEF Kazakhstan; 2024. URL: <https://www.unicef.org/kazakhstan/en/reports/evidence-inclusive-education-kazakhstan-based-formative-and-big-data-evaluation>

17 Pritvorova T., Atabayeva A., Petrenko Y. Parental employment in families with disabilities: assessment, factors, solutions. *Buketov Business Review*. 2021a;104(4):62–73. <https://doi.org/10.31489/2021ec4/62-73>

18 Притворова Т.П., Атабаева А.К., Петренко Е.С. Неполные семьи с ограниченными возможностями как объект структурного моделирования. *Economy: strategy and practice*. 2021; 16(4):143-159. <https://doi.org/10.51176/1997-9967-2021-4-143-159>

19 UNICEF Kazakhstan. Анализ положения детей и подростков в Казахстане: 2024. Краткий отчет. Астана: UNICEF; 2025. Available at: https://www.unicef.org/kazakhstan/media/13631/file/2025%20SitAn_Summary%20report_final_Rus%20%2821%20Sept%202025%29.pdf?utm_source

20 Более 230 тыс. детей с особыми образовательными потребностями обеспечат комплексной поддержкой в Казахстане. Официальный информационный ресурс Премьер-министра Республики Казахстан. 2026. [Электронный ресурс]. URL: <https://primeminister.kz/ru/news/bolee-230-tys-detei-s-osobymi-obrazovatelnyimi-potrebnostiami-obe-spectat-kompleksnoi-podderzkoi-v-kazaxstane-31294>

21 UNICEF Kazakhstan. Дети с инвалидностью [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unicef.org/kazakhstan/дети-с-инвалидностью>

Transliteration

1 Barnes C. *Disabling Imagery and the Media: An Exploration of the Principles for Media Representations of Disabled People*. Halifax: BCOOP/Ryburn Publishing; 1992. Available at: <https://disability-studies.leeds.ac.uk/wp-content/uploads/sites/40/library/Barnes-disabling-imagery.pdf> (in Eng)

2 Hayes M.T., Black R.S. Troubling Signs: Disability, Hollywood Movies and the Construction of a Discourse of Pity. *Disability Studies Quarterly*. 2003; 23(2):114–132. <https://doi.org/10.18061/dsq.v23i2.419> (in Eng)

3 Holcomb J., Latham-Mintus K. Disney and Disability: Media Representations of Disability in Disney and Pixar Animated Films. *Disability Studies Quarterly*. 2022; 42(1). <https://doi.org/10.18061/dsq.v42i1.7054> (in Eng)

4 Home A. Challenging Hidden Oppression: Mothers Caring for Children with Disabilities. *Critical Social Work*. 2002; 3(1). Available at: <https://ojs.uwindsor.ca/index.php/csw/article/view/5652/4620> (in Eng)

5 Dantas K.O., Neves R.F., Ribeiro K.S.Q.S., Brito G.E.G., Batista M.C., Prado Y.B. Family repercussions and caregiving for children and adolescents with disabilities: a qualitative study. *Cadernos de Saúde Pública*. 2019; 35(6):e00157918. <https://doi.org/10.1590/0102-311X00157918> (in Eng)

6 Papadopoulos D. Mothers' Experiences and Challenges Raising a Child with Autism Spectrum Disorder: A Qualitative Study. *Brain Sciences*. 2021; 11(3):309. <https://doi.org/10.3390/brainsci11030309> (in Eng)

7 Jansen-van Vuuren J., Lysaght R., Batorowicz B., Dawud S., Aldersey H.M. Family Quality of Life and Support: Perceptions of Family Members of Children with Disabilities in Ethiopia. *Disabilities*. 2021; 1(3):233–256. <https://doi.org/10.3390/disabilities1030018> (in Eng)

8 Matambanadzo S., Rhoda A. Contextual factors experienced by mothers of children with special needs in raising these children: a qualitative phenomenological study. *South African Journal of Physiotherapy*. 2024; 80(1):a2060. <https://doi.org/10.4102/sajp.v80i1.2060> (in Eng)

9 Cologon K. What is disability? It depends whose shoes you are wearing. *Disability Studies Quarterly*. 2016; 36(1). <https://doi.org/10.18061/dsq.v36i1.4448> (in Eng)

10 Ryan S., Runswick-Cole K. Repositioning Mothers: Mothers, Disabled Children and Disability Studies. *Disability & Society*. 2008; 23(3):199–210. <https://doi.org/10.1080/09687590801953937> (in Eng)

11 Tacchi J. When and how does voice matter? And how do we know? In: Hemer O., Tufte T., editors. *Voice & Matter: Communication, Development and the Cultural Return*. Gothenburg: Nordicom; 2016. p. 117–128. Available at: <https://hdl.handle.net/2134/23165> (in Eng)

12 Williamson T., Wagstaff D.L., Goodwin J., Smith N. Mothering Ideology: A Qualitative Exploration of Mothers' Perceptions of Navigating Motherhood Pressures and Partner Relationships. *Sex Roles*. 2023; 88(1–2):101–117. <https://doi.org/10.1007/s11199-022-01345-7> Available at: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9765384/?utm_source (in Eng)

13 Tekola B., Kinfé M., Girma F., Hanlon C., Hoekstra R.A. Perceptions and experiences of stigma among parents of children with developmental disorders in Ethiopia: A qualitative study. *Social Science & Medicine*. 2020; 256:113034. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2020.113034> (in Eng)

14 Makoelle T.M. Schools' Transition Toward Inclusive Education in Post-Soviet Countries: Selected Cases in Kazakhstan. *SAGE Open*. 2020; 10(2). <https://doi.org/10.1177/2158244020926586> (in Eng)

15 Turlubekova M.B., Bugubayeva R.O., Besspayeva R.S. Inclusive education in the Republic of Kazakhstan and factors affecting its development. *Buketov Business Review*. 2021; (1):114–124. <https://doi.org/10.31489/2021ec1/114-124> (in Eng)

16 Gurin A., Ratore U., Zhaksylykova Zh. Rezul'taty formativnoj ocenki obrazovaniya s fokusom na inkljuzivnost' i ocenki s ispol'zovaniem bol'shih dannyh: istoriya dvuh issledovanij [Results of formative evaluation of education with a focus on inclusiveness and evaluation using big data: a story of two studies]. Astana: UNICEF Kazakhstan; 2024. URL: <https://www.unicef.org/kazakhstan/en/reports/evidence-inclusive-education-kazakhstan-based-formative-and-big-data-evaluation> (in Russ)

17 Pritvorova T., Atabayeva A., Petrenko Y. Parental employment in families with disabilities: assessment, factors, solutions. *Buketov Business Review*. 2021a; 104(4):62–73. <https://doi.org/10.31489/2021ec4/62-73> (in Eng)

18 Pritvorova T.P., Atabaeva A.K., Petrenko E.S. Nepolnye sem'i s ogranichennymi vozmozhnostjami kak ob"ekt strukturnogo modelirovaniya [Single-parent families with disabilities as an object of structural modeling]. *Economy: strategy and practice*. 2021; 16(4):143–159. <https://doi.org/10.51176/1997-9967-2021-4-143-159> (in Russ)

19 UNICEF Kazakhstan. Analiz polozheniya detej i podrostkov v Kazahstane: 2024. Kratkij otchet [Analysis of the situation of children and adolescents in Kazakhstan: 2024. Summary report]. Astana: UNICEF; 2025. Available at: https://www.unicef.org/kazakhstan/media/13631/file/2025%20SitAn_Summary%20report_final_Rus%20%2821%20Sept%202025%29.pdf.pdf?utm_source (in Russ)

20 Bolee 230 tys. detej s osobymi obrazovatel'nymi potrebnoostjami obespechat kompleksnoj podderzhkoj v Kazahstane [More than 230 thousand children with special educational needs will be provided with comprehensive support in Kazakhstan]. Oficial'nyj informacionnyj resurs Prem'er-ministra Respubliki Kazahstan [Official information resource of the Prime Minister of the Republic of Kazakhstan]. 2026. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://primeminister.kz/ru/news/bolee-230-tys-detei-s-osobymi-obrazovatel'nymi-potrebnostiami-obespechat-kompleksnoi-podderzhkoi-v-kazahstane-31294> (in Russ)

21 UNICEF Kazakhstan. Deti s invalidnost'ju [Children with disabilities]. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.unicef.org/kazakhstan/дети-с-инвалидностью> (in Russ)

Авторлар туралы мәлімет / Сведения об авторах / Information about authors

Куралай Арапбаевна Мухамбетова	Заведующая кафедрой социологии, кандидат социологических наук, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан, email: k.mukhambetova74@gmail.com ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1093-5032
Құралай Арапбаевна Мухамбетова	Әлеуметтану кафедрасының меңгерушісі, әлеуметтік ғылымдарының кандидаты, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан, email: k.mukhambetova74@gmail.com ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1093-5032
Kuralay Mukhambetova	Head of the Department of Sociology, Candidate of Sociological Sciences, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan, email: k.mukhambetova74@gmail.com ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1093-5032

СЕМЬЯ КАК ПРОСТРАНСТВО ВОСПРОИЗВОДСТВА И ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕНДЕРНЫХ НОРМ В ЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВАХ КАЗАХСТАНА

¹Эльмира ОТАР, ²Алем НЕСИПБАЕВА, ³Аяулым МАНТАЕВА

¹ НАО «Казахстанский институт общественного развития», Астана, Казахстан

²Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
nesipbaevaalem1980@gmail.com

³Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Ссылка на данную статью: Отар Э.С., Несипбаева А.Ж., Мантаева А.Е. Семья как пространство воспроизводства и трансформации гендерных норм в этнических сообществах Казахстана // *SOCIOLOGY.KZ*. – 2026. – №3(3). – С.108 – 130. <https://doi.org/10.48010/2026.3/sskz.30>

Аннотация. Статья посвящена исследованию семьи как пространства воспроизводства и трансформации гендерных норм в этнических сообществах Южного Казахстана. Цель исследования заключается в выявлении механизмов, посредством которых традиционные семейные практики одновременно обеспечивают сохранение этнокультурной преемственности и адаптируются к современным социальным условиям. Научная значимость работы состоит в расширении представлений о роли женщин в изменении семейных отношений в полиэтническом обществе, а практическая – в возможности использования результатов при разработке семейной, гендерной и образовательной политики.

Эмпирическую основу исследования составили материалы 139 глубинных интервью и включенного наблюдения, проведенных среди женщин узбекского, таджикского, турецкого, курдского и корейского этнических сообществ Туркестанской области и города Шымкент. Повторный анализ данных выполнен методом тематического кодирования с использованием программы MAXQDA.

В результате исследования выделены четыре взаимосвязанных механизма трансформации гендерных отношений: гендерно дифференцированная социализация детей, асимметрия распределения домашнего труда и семейного авторитета, переосмысление образования как ресурса защищенности и социальной мобильности женщин, а также переход от директивной модели семейного контроля к переговорному характеру принятия решений. Установлено, что женщины выступают не только хранительницами культурных традиций, но и активными агентами их постепенной адаптации. На основе проведенного анализа предложена модель селективной семейной модернизации, объясняющая сочетание сохранения этнокультурной идентичности с расширением возможностей женщин и молодежи без разрушения традиционных семейных ценностей.

Ключевые слова: семья; гендерные нормы; этнические сообщества; семейная социализация; женщины; селективная семейная модернизация; качественное исследование.

ОТБАСЫ ҚАЗАҚСТАННЫҢ ЭТНИКАЛЫҚ ҚАУЫМДАСТЫҚТАРЫНДАҒЫ ГЕНДЕРЛІК НОРМАЛАРДЫ ЖАҢҒЫРТУ ЖӘНЕ ТРАНСФОРМАЦИЯЛАУ КЕҢІСТІГІ РЕТІНДЕ

¹Эльмира ОТАР, ²Алем НЕСИПБАЕВА, ³Аяулым МАНТАЕВА

¹ «Қазақстандық қоғамдық даму институты» КеАҚ, Астана, Қазақстан

²Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан
nesipbaevaalem1980@gmail.com

³Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

THE FAMILY AS A SPACE FOR THE REPRODUCTION AND TRANSFORMATION OF GENDER NORMS IN THE ETHNIC COMMUNITIES OF KAZAKHSTAN

¹ Elmira OTAR, ² Alem NESIPBAYEVA, ³ Ayaulym MANTAYEVA

¹ NCJSC «Kazakhstan Institute of Public Development», Astana, Kazakhstan

²L.N. Gumilyov Eurasian National University Astana, Kazakhstan
nesipbaevaalem1980@gmail.com

³L.N. Gumilyov Eurasian National University Astana, Kazakhstan

Аңдатпа. Мақала Оңтүстік Қазақстанның этникалық қауымдастықтарындағы отбасының гендерлік нормаларды қайта өндіру және трансформациялау кеңістігі ретіндегі рөлін зерттеуге арналған. Зерттеудің мақсаты – дәстүрлі отбасылық тәжірибелердің этномәдени сабақтастықты сақтай отырып, қазіргі әлеуметтік жағдайларға бейімделу тетіктерін анықтау. Зерттеудің ғылыми маңыздылығы полиэтносты қоғам жағдайында әйелдердің гендерлік қатынастарды өзгерту үдерісіндегі рөлін тереңірек түсіндіруге бағытталса, практикалық маңыздылығы оның нәтижелерін отбасы, гендерлік теңдік және білім беру саясатын жетілдіруде қолдану мүмкіндігімен айқындалады. Зерттеудің эмпирикалық негізін Түркістан облысы мен Шымкент қаласында тұратын өзбек, тәжік, түрік, күрд және корей этникалық қауымдастықтары әйелдерімен жүргізілген 139 тереңдетілген сұхбат пен қатысушы бақылау материалдары құрайды. Деректерге қайта талдау MAXQDA бағдарламасында тақырыптық кодтау әдісі арқылы жүргізілді.

Abstract. This article examines the family as a space for the reproduction and transformation of gender norms in the ethnic communities of Southern Kazakhstan. The study aims to identify the mechanisms through which traditional family practices simultaneously preserve ethnocultural continuity while adapting to contemporary social conditions. The scientific significance of the research lies in advancing the understanding of women's role in transforming family relations within a multiethnic society, while its practical relevance is associated with the application of the findings to the development of family, gender equality, and educational policies. The empirical basis of the study consists of 139 in-depth interviews and participant observation conducted among women from Uzbek, Tajik, Turkish, Kurdish, and Korean ethnic communities living in the Turkestan Region and the city of Shymkent. The data were reanalyzed using thematic coding with the MAXQDA software.

Зерттеу нәтижесінде гендерлік қатынастардың өзгеруінің өзара байланысты төрт тетігі анықталды: балаларды гендерлік сараланған әлеуметтендіру, үй шаруашылығындағы еңбек пен отбасылық беделдің асимметриялы бөлінуі, білімнің әйелдердің әлеуметтік қорғалуын қамтамасыз ететін ресурс ретінде қайта пайымдалуы және отбасылық шешім қабылдаудың келіссөздік сипатының күшеюі. Зерттеу әйелдердің тек мәдени дәстүрлерді сақтаушы ғана емес, оларды қазіргі жағдайларға біртіндеп бейімдеудің белсенді субъектілері екенін көрсетті. Автор этномәдени сабақтастықтың сақталуын әйелдер мен жастардың мүмкіндіктерінің біртіндеп кеңеюімен ұштастыратын селективті отбасылық модернизация моделін ұсынады.

Түйін сөздер: отбасы; гендерлік нормалар; этникалық қауымдастықтар; отбасылық әлеуметтендіру; әйелдер; селективті отбасылық модернизация; сапалық зерттеу.

the reinterpretation of education as a resource for women's security and social mobility, and the transition from directive family control to negotiated decision-making. The study demonstrates that women act not only as custodians of cultural traditions but also as active agents of their gradual adaptation to contemporary realities. Based on the empirical evidence, the article proposes a selective family modernization model that explains how ethnocultural continuity is maintained alongside the gradual expansion of opportunities for women and younger generations without undermining traditional family values.

Keywords: family; gender norms; ethnic communities; family socialization; women; selective family modernization; qualitative research.

Введение

Семья остается одним из ключевых социальных институтов, в котором формируются представления о ролях мужчин и женщин, распределении ответственности, родительском авторитете, браке, воспитании детей и допустимых жизненных траекториях. Именно в повседневной семейной жизни ребенок впервые узнает, какие обязанности считаются мужскими и женскими, кто принимает решения, какие качества ожидаются от сына и дочери, как следует относиться к старшим и какое место в жизни должны занимать образование, труд и семья.

Вместе с тем семейные нормы не являются неизменными. Урбанизация, расширение образовательных возможностей, развитие рынка труда и рост экономической активности женщин создают новые условия для семейной жизни. Традиционные представления о женственности, материнстве и супружеских обязанностях начинают взаимодействовать с ценностями самостоятельности, профессионального развития и партнерства. Вместе с тем результаты общенационального исследования Казахстанского института общественного развития (далее – КИОР), свидетельствуют о том, что процессы модернизации сопровождаются сохранением устойчивых гендерных стереотипов. Так, 8,1 % женщин считают, что женщина не может быть руководителем, 30,9 % отмечают, что именно домашние обязанности ограничивают возможности профессиональной самореализации женщин, а затраты времени на неоплачиваемый домашний труд у женщин остаются в три раза выше, чем у мужчин [1. стр.73]. Это указывает на сохранение традиционного распределения семейных ролей, несмотря на расширение образовательных и профессиональных возможностей женщин.

Для полиэтнического Казахстана эта проблема имеет особое значение. Этнические сообщества стремятся сохранять родной язык, культурную память, религиозные представления, семейные обычаи и формы общения между поколе-

ниями. В этих условиях семья становится не только институтом социализации, но и основным пространством воспроизводства этнокультурной идентичности и передачи ценностей следующим поколениям. Эти процессы особенно заметны в южных регионах страны, где устойчивые этнокультурные традиции сочетаются с высокой мобильностью населения, распространением высшего образования и изменением социальных ожиданий молодежи.

Особое место в этих процессах занимают женщины. В семье на них часто возлагается основная ответственность за воспитание детей, поддержание родственных связей, передачу языка и культурных традиций. Однако женщины не только воспроизводят уже существующие нормы. Именно они принимают множество повседневных решений, которые могут постепенно изменять положение следующего поколения: поддерживают образование дочерей, допускают более свободный выбор профессии и супруга, меняют стиль воспитания, расширяют участие девочек в общественной жизни. Поэтому положение женщины в этническом сообществе нельзя сводить только к роли хранительницы традиции. Она одновременно выступает посредником между традиционными требованиями семьи и новыми социальными возможностями.

Проблема заключается в том, что сохранение этнокультурной традиции и изменение гендерных отношений нередко рассматриваются как противоположные процессы. Предполагается, что приверженность традиции обязательно препятствует расширению возможностей женщин, тогда как модернизация должна приводить к отказу от сложившихся семейных норм. Однако эмпирические данные, полученные как в общенациональных исследованиях, так и в ходе настоящего качественного исследования, позволяют увидеть более сложную картину. Изменения происходят не путем полного отказа от традиции, а через постепенное переосмысление отдельных семейных практик и их адаптацию к современным условиям.

Например, поддержка образования дочери может объясняться не только стремлением к индивидуальной карьере, но и желанием обеспечить ей самостоятельность, защищенность и устойчивое положение в будущей семье. Оплачиваемая занятость женщины может рассматриваться не как отказ от семейных обязанностей, а как вклад в благополучие домохозяйства. Расширение брачного выбора также не обязательно означает отрицание родительского авторитета: решение может приниматься самой девушкой, но при сохранении уважения к мнению старших. Следовательно, изменение гендерных норм чаще происходит не через прямой разрыв с традицией, а через ее адаптацию к новым условиям.

Теоретической основой такого понимания выступает концепция социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана. Согласно этому подходу, социальный порядок формируется и поддерживается посредством повторяющихся повседневных действий. В семье гендерные различия приобретают вид естественных и самоочевидных благодаря устойчивым практикам: распределению домашних обязанностей, системе разрешений и запретов, способам принятия решений, различным требованиям к поведению мальчиков и девочек [2]. Постоянно повторяясь, эти практики закрепляются и воспринимаются членами семьи как нормальные и правильные.

Концепции габитуса и культурного капитала П. Бурдьё позволяют объяснить устойчивость таких моделей. Семья передает детям не только материальные и образовательные ресурсы, но и долговременные установки: представления об успехе, допустимой социальной мобильности, предпочтительных профессиях и жизненных путях, соответствующих мужчине или женщине [3; 4]. Усвоенные в детстве схемы становятся частью практического восприятия мира. Поэтому гендерный порядок может поддерживаться даже без открытого давления: человек сам воспринимает определенные ограничения и ожидания как естественные.

Для анализа этнических сообществ важна также концепция этнических границ Ф. Барта. Исследователь показывает, что этничность сохраняется не только благодаря общему происхождению, но и через повседневное поддержание различий между «своими» и «другими» [5]. Эти различия выражаются в языке общения, брачных предпочтениях, религиозных практиках, семейных обрядах и формах уважения к старшим. В связи с этим семья одновременно выступает гендерным и этнокультурным институтом: требования к поведению мужчин и женщин тесно связаны с представлениями о сохранении сообщества.

Н. Ювал-Дэвис обращает внимание на роль женщин в биологическом, культурном и символическом воспроизводстве этнических и национальных групп [6]. Женщинам приписывается ответственность за рождение и воспитание детей, передачу культурных норм и сохранение нравственного облика сообщества. Эта роль имеет двойственный характер. С одной стороны, она наделяет женщин моральным авторитетом как матерей и хранительниц культуры. С другой стороны, она может усиливать контроль над их брачным выбором, репродуктивным поведением, мобильностью и участием в публичной жизни.

Современная социология рассматривает трансформацию семьи как нелинейный процесс, в котором традиционные и современные нормы не исключают, а взаимно дополняют друг друга. Теория множественных модерностей Шмуэля Ноаха Айзенштадта исходит из того, что модернизация не формирует единой модели общественного развития, а реализуется через различные культурные траектории, обусловленные историческими, институциональными и цивилизационными особенностями обществ. Развивая эту идею, Жозе Маурисиу Домингеш обосновывает концепцию гибридной модернизации, согласно которой современная семья формируется в результате интеграции новых социальных практик с устойчивыми традиционными ценностями, что приводит к возникновению смешанных моделей семейных отношений [7]. Исследования Эмико Отиай показывают, что изменения института семьи происходят преимущественно в форме адаптивной трансформации, при которой модернизация сопровождается не разрушением традиций, а их постепенной адаптацией к новым социально-экономическим условиям [8]. В свою очередь, концепция переговорной традиции, разработанная Стиви Джексон, Петулой Сик Ин Хо и Джин Най На, рассматривает традицию как динамичную систему, содержание которой постоянно переосмысливается в процессе внутрисемейных переговоров между супругами и поколениями [9].

Несмотря на значительный вклад указанных концепций, ни одна из них в полной мере не объясняет особенности трансформации гендерных норм в этниче-

ских сообществах Казахстана. Теория множественных модерностей раскрывает разнообразие путей развития обществ, но недостаточно учитывает внутрисемейный механизм отбора сохраняемых и изменяемых норм. Концепции гибридной модернизации и адаптивной трансформации описывают сосуществование традиционных и современных практик, однако не объясняют, почему одни элементы семейной культуры сохраняются, а другие подвергаются изменениям. Подход переговорной традиции акцентирует внимание на процессе согласования семейных ролей, тогда как теория гендерного контракта преимущественно анализирует перераспределение гендерных обязанностей.

В казахстанской научной литературе можно выделить несколько направлений изучения семьи и гендерных отношений. Первое направление связано с трансформацией семейных ценностей и ролевого распределения. Н. Б. Сапаров и Г.Т. Алимбекова показывают, что семья сохраняет высокое место в системе ценностей казахстанцев даже в условиях значительных социально-экономических изменений [10]. С. М. Жакупов, Г. К. Сланбекова и М. Н. Кунабаева выявляют сосуществование традиционных и эгалитарных моделей в казахских и русских семьях [11]. А. Иманкул и Б. Ж. Смагамбет связывают изменения брачно-семейных отношений с распространением новых представлений о гендерном равенстве, воспитании детей и супружеском партнерстве [12]. Эти исследования фиксируют общее направление трансформаций, однако в меньшей степени раскрывают повседневные механизмы, посредством которых семейные нормы подтверждаются, обсуждаются или пересматриваются.

Второе направление объединяет работы, посвященные гендерным установкам, материнству и передаче ценностей. С. Е. Дуанаева и соавторы указывают на этнокультурную обусловленность отношения казахстанских женщин к традиционным и эгалитарным моделям семьи [13]. К. Т. Ковязина рассматривает матерей как важных агентов передачи национальных ценностей, ответственных за образование, социализацию и будущее детей [14]. Эти исследования убедительно показывают посредническую роль женщины между семьей и обществом. Вместе с тем внутреннее разнообразие конкретных этнических сообществ и различия между поколениями женщин в них изучены недостаточно.

Третье направление связано с образовательной мобильностью и этнической идентичностью. А. Джанузакова и Б. Салимгереев выявили гендерно специфические связи между ресурсами родителей и образовательными достижениями детей [15]. Э. С. Отар, А. Ж. Несипбаева и Х. Беширли на материале таджикских женщин Туркестанской области показали, что семейные ожидания могут одновременно ограничивать и поддерживать образовательные стремления и профессиональную реализацию женщин [16]. Исследования курдских женщин также подчеркивают их активную роль в сохранении культурной идентичности и передаче этнокультурных ценностей будущему поколению [17]. Однако остается недостаточно изученным, какие механизмы являются общими для разных этнических групп и каким образом образовательные стратегии женщин связаны с изменением внутрисемейных отношений.

Отдельное направление составляют исследования брачности и семейного поведения. Они позволяют выявить общие демографические изменения, связанные с возрастом вступления в брак, разводимостью и формами семейной организации [18]. Однако макросоциальные показатели не дают полного представления о том, как решения обсуждаются внутри семьи, как женщины объясняют свой выбор и каким образом традиционные нормы приспособляются к современным обстоятельствам.

Результаты общенациональных исследований КИОР подтверждают наличие гендерных стереотипов на уровне казахстанского общества, однако не позволяют объяснить механизмы их формирования и сохранения внутри семьи. В этой связи качественные интервью с женщинами узбекского, таджикского, турецкого, курдского и корейского этнических сообществ позволяют перейти от описания распространенности стереотипов к анализу процессов их воспроизводства, трансформации и переосмысления в повседневных семейных практиках.

Цель исследования – выявить общие и специфические механизмы воспроизводства и трансформации гендерных норм в семьях узбекского, таджикского, турецкого, корейского и курдского этнических сообществ Южного Казахстана, а также определить роль женщин в данном процессе.

Основной исследовательский вопрос сформулирован следующим образом:

Посредством каких повседневных семейных механизмов женщины разных этнических сообществ Казахстана одновременно воспроизводят и трансформируют гендерные нормы?

Для последовательного раскрытия проблемы поставлены следующие дополнительные вопросы:

Какие гендерные нормы воспроизводятся в процессе воспитания мальчиков и девочек и как они связаны с представлениями о семейной ответственности?

Как распределяются повседневный труд, ответственность и право принятия решений между мужчинами и женщинами в исследуемых семьях?

Каким образом образование и профессиональная занятость женщин получают признание в рамках традиционных семейных ценностей?

Как меняются формы родительского контроля, брачного выбора и взаимодействия между поколениями?

Какие общие механизмы и этнокультурные особенности селективного изменения гендерных норм проявляются в пяти исследуемых сообществах?

Аналитическая модель исследования включает четыре взаимосвязанных механизма. Первый – воспроизводство гендерных норм через различающуюся социализацию мальчиков и девочек. Второй – несоответствие между значительным объемом повседневного труда женщин и сохранением символического авторитета мужчины. Третий – признание образования и занятости женщин как ресурсов семейной устойчивости. Четвертый – постепенный переход от прямого контроля к обсуждению, переговорам и согласованию решений. В результате традиция не исчезает, однако меняется ее практическое содержание. Семья сохраняет этнокультурные ценности и одновременно создает возможности для

более самостоятельного участия женщин в образовательной, профессиональной и общественной жизни.

Методология

Исследование основано на качественном подходе и выполнено в рамках грантового проекта AP14870213 «Женщины этнических сообществ как каналы воспроизводства и формирования гражданской и этнической идентичности (на примере Туркестанской области и г. Шымкент)». Эмпирическую базу составили 139 нарративных глубинных интервью с женщинами узбекского, таджикского, турецкого, курдского и корейского этнических сообществ в возрасте от 18 до 75 лет, имеющими опыт воспитания детей. Отбор осуществлялся методом целенаправленной выборки с использованием техники «снежного кома» до достижения тематического насыщения. Анализ данных проводился методом тематического анализа с соблюдением принципов добровольного участия, анонимности и конфиденциальности.

Анализ проводился в программе MAXQDA методом тематического кодирования. Последовательно осуществлялись выделение смысловых единиц, открытое кодирование, объединение кодов в аналитические категории и межгрупповое сравнение, что позволило выявить устойчивые механизмы воспроизводства и трансформации гендерных норм в различных этнических сообществах. В целях соблюдения этических принципов все данные были обезличены.

Основная часть

Гендерно дифференцированная социализация: воспроизводство нормы через повседневность

Анализ интервью представительниц пяти исследуемых этнических сообществ показывает, что семья выступает основным пространством первичной социализации. Гендерные нормы передаются не только посредством прямых наставлений, но и через участие детей в домашнем труде, наблюдение за распределением ролей между взрослыми, а также включение в религиозные и семейные практики. Регулярное воспроизведение подобных моделей способствует их восприятию в качестве естественного порядка, а не как специально установленных ограничений.

В анализируемых интервью наиболее отчетливо гендерная дифференциация проявлялась в нарративах участниц из узбекских, таджикских и турецких семей. Девочек чаще готовили к будущим ролям жены, матери и снохи, связывая более строгие требования к их поведению с представлениями о скромности, безопасности и семейной репутации. Показательным является высказывание одной из участниц: «Нет никакой разницы. Все то же самое. К девочкам немного строже подходишь» (узбечка, 45 лет, повар). Внутренняя противоречивость данного высказывания отражает механизм нормализации гендерных различий: наличие неодинаковых требований признается, однако не интерпретируется самой участницей как проявление неравенства.

В другом интервью воспитание дочери непосредственно связывалось с ее будущим переходом в семью супруга: «Девочек воспитываем более строго. В любом

случае, будет невесткой в другом доме» (узбечка, 52 года, учительница). В данном нарративе поведение девочки в родительской семье оценивается с учетом предполагаемых ожиданий будущей родственной группы. Следовательно, гендерная социализация приобретает перспективный характер и ориентируется на подготовку дочери к выполнению ожидаемых семейных ролей, а также на предотвращение возможного порицания со стороны родственников и сообщества.

В интервью таджикских участниц домашний труд выступал одним из значимых каналов передачи представлений о женской роли. Девочек раньше и регулярнее включали в приготовление пищи, уборку и заботу о младших членах семьи. В отдельных нарративах воспитание организовывалось по однополному межпоколенческому принципу: «Я считаю, что лучше, если девочек воспитывает мать» (таджичка, 41 год, учительница). В рамках такой модели мать передает дочери практические знания о повседневных обязанностях и нормативных ожиданиях, связанных с женской ролью, тогда как отец преимущественно сохраняет дисциплинарный авторитет в отношении сыновей.

В интервью корейских участниц, особенно проживающих в межнациональных семьях, социализация чаще описывалась через личный пример взрослых и предоставление детям определенной свободы выбора. Норма уважения к старшим передавалась посредством наблюдения за повседневным поведением родителей: «Мы всегда здороваемся с людьми на нашей улице... наши дети привыкли к этому и следуют примеру» (корейка, 46 лет, самозанятая). В таких нарративах культурная преемственность поддерживается преимущественно через воспроизведение семейных практик и личный пример, без столь выраженного гендерного разграничения обязанностей.

Сопоставительный анализ интервью позволяет выделить общий механизм: матери преимущественно выступают основными организаторами повседневной социализации детей, тогда как отцы чаще сохраняют символическую позицию окончательного семейного авторитета. Различие между практическим участием в организации семейной жизни и признанным статусом в структуре семейной власти становится основанием для анализа асимметрии заботы и авторитета.

Асимметрия заботы и авторитета: женщина выполняет, мужчина санкционирует

Материалы глубинных интервью свидетельствуют, что во многих исследуемых семьях повседневная ответственность и право принятия стратегически значимых решений распределяются между супругами неравномерно. В анализируемых нарративах женщины связывали свою семейную роль с ведением домашнего хозяйства, воспитанием детей, эмоциональной поддержкой семьи, сохранением языка, семейных традиций и религиозных практик. При этом мужчина продолжал восприниматься как глава семьи, обладающий правом окончательного решения по наиболее значимым вопросам.

Таким образом, объем повседневного труда и символический авторитет в семье не всегда совпадают. Женщина обеспечивает повседневное функционирование семьи, тогда как мужчина чаще выступает субъектом, санкционирующим

решения, связанные с образованием детей, профессиональной деятельностью супруги, крупными финансовыми расходами и брачным выбором.

Наиболее отчетливо данная модель проявлялась в интервью представительниц турецкого сообщества. Длительная занятость мужчин или их временное отсутствие приводили к тому, что матери самостоятельно организовывали повседневную жизнь семьи, однако это не сопровождалось изменением статуса мужчины как главы семьи. Аналогичные позиции встречались в интервью таджикских и узбекских участниц, описывавших более раннее включение девочек в домашний труд и их подготовку к будущей роли супруги и матери: «Девочек воспитываем более строго. В любом случае, будет невесткой в другом доме» (узбечка, 52 года, учительница).

В интервью участниц различных исследуемых групп неоднократно встречалась позиция, согласно которой требования к поведению девочек остаются более строгими, чем к мальчикам. Одна из участниц отмечала: «К девочкам немного строже подходишь» (узбечка, 45 лет, повар), другая конкретизировала: «Много не гулять, не выходить поздно вечером... в клубы не ходят» (узбечка, 45 лет, повар). Эти высказывания показывают, что гендерная дифференциация формируется уже в процессе семейной социализации и рассматривается как подготовка девочек к будущей семейной жизни и сохранению репутации семьи.

Вместе с тем анализ интервью показывает, что неравномерное распределение семейных ролей не исключает влияния женщины на принятие решений. Постоянное участие матери в воспитании детей способствует постепенному переосмыслению традиционных норм. Во многих интервью женщины рассказывали о ежедневном взаимодействии с детьми, контроле их учебы, круга общения и использования цифровых технологий. По сравнению с предыдущим поколением они значительно чаще учитывают мнение ребенка. Как отмечалось в одном из интервью: «Раньше достаточно было слова родителей, которое становилось окончательным решением, а сейчас к детям так обращаться уже нельзя. Мнение детей учитывается, однако последнее слово все еще остается за родителями».

В анализируемых интервью устойчиво проявлялась тема изменения подходов к воспитанию сыновей. Матери подчеркивали необходимость воспитывать уважительное отношение к женщинам, отказ от насилия и стремление к диалогу, что свидетельствует о постепенном дополнении традиционной модели мужского лидерства требованиями эмоциональной ответственности и партнерского поведения.

Изменения прослеживаются и в воспитании дочерей. Несмотря на сохранение традиционных требований к поведению девушек, во многих интервью встречалась позиция о необходимости развивать самостоятельность и способность открыто выражать собственное мнение. Показательно высказывание молодой участницы: «Для меня ненормально, если человек не может высказать свое мнение... Человек должен уметь сказать, что ему нравится, а что нет. Надо уметь выражать свои мысли» (узбечка, 34 года, самозанятая). Эти высказывания отражают постепенное переосмысление традиционной модели женского воспитания, в которой послушание начинает сочетаться с развитием субъектности.

Еще одним направлением трансформации становится отношение к образованию дочерей. Значительная часть участниц рассматривала образование как важный ресурс будущего благополучия семьи. Одна из респонденток отмечала: «Самое важное – это мир, второе – дружба, третье – надо учиться, книги нужно читать» (узбечка, 74 года, пенсионерка), а другая связывала свою жизненную миссию с воспитанием образованного поколения: «Для меня самое важное – оставить после себя сознательное, образованное поколение» (узбечка, 45 лет, научный сотрудник).

Материалы интервью также показывают, что расширение образовательных возможностей детей не всегда сопровождается перераспределением права окончательного решения. В отдельных нарративах молодые матери поддерживали обучение детей за рубежом, однако отмечали, что окончательное решение остается за отцом, что свидетельствует о сохранении символического мужского авторитета.

Таким образом, анализ интервью позволяет уточнить представление о современном патриархальном семейном порядке. Его устойчивость обеспечивается не только признанием мужского лидерства, но и высокой ответственностью женщин за повседневное воспроизводство семьи. Именно через воспитание детей, поддержку образования и организацию семейной жизни женщины постепенно изменяют содержание гендерных норм, сохраняя культурную преемственность.

Следовательно, выявленная асимметрия носит двойственный характер. С одной стороны, женщины несут основную нагрузку по воспроизводству семьи, сохраняя менее выраженный символический статус. С другой стороны, именно их повседневные практики делают женщин ключевыми агентами селективной семейной модернизации, обеспечивая постепенную трансформацию гендерных отношений без отказа от культурных и семейных ценностей.

Образование как социально приемлемый язык расширения женской субъектности

Анализ интервью свидетельствует, что образование девушек является одной из сфер, в которых наиболее отчетливо проявляется трансформация традиционных гендерных представлений. В интервью представительниц узбекского, таджикского, турецкого, курдского и корейского этнических сообществ образование рассматривалось как значимый ресурс благополучия женщины и ее семьи. При этом получение образования обосновывалось не только стремлением к личной карьере, но и возможностью обеспечить экономическую устойчивость семьи, повысить защищенность женщины, участвовать в воспитании детей и укреплять социальное положение семьи.

Материалы интервью показывают, что образование связывается с формированием ответственного и сознательного поколения. Подобные представления встречались как в интервью молодых женщин, так и представительниц старшего поколения. Одна из участниц отмечала:

«Самое важное – это мир, второе – дружба, третье – надо учиться, книги нужно читать» (узбечка, 74 года, пенсионерка).

Это высказывание показывает, что образование стало частью системы семейных ценностей и рассматривается как условие благополучия будущих поколений.

Во многих интервью женщины связывали свою жизненную миссию с воспитанием образованных и социально ответственных детей:

«Для меня самое важное – оставить после себя сознательное, образованное, благодарное поколение» (узбечка, 45 лет, научный сотрудник).

Подобная позиция отражает расширение материнской роли: наряду с воспитанием детей и передачей культурных традиций женщина воспринимает себя как носителя образовательного и культурного капитала семьи.

Анализ интервью показывает, что именно матери преимущественно организуют образовательную траекторию детей: контролируют учебу, обсуждают школьные и профессиональные планы, регулируют использование цифровых технологий и формируют самостоятельность. Эти практики свидетельствуют о расширении ответственности женщин за социализацию детей в современных условиях.

Важное место в семейном воспитании занимает культура чтения. Как отмечала одна из участниц:

«Она любит читать книги. Бывает, что в одной руке книга, а другой пылесосит. Я говорю: "Займись одним делом – бери книгу и читай"» (узбечка, 60 лет, продавщица).

Этот пример показывает, что образовательные практики сочетаются с традиционным воспитанием девочек, а чтение рассматривается как самостоятельная ценность, способствующая интеллектуальному развитию ребенка.

Материалы интервью выявляют поколенческие различия в представлениях об образовательной мобильности детей. Представительницы старшего поколения чаще предпочитали обучение детей в Казахстане и сохранение их близости к семье. Молодые женщины, напротив, выражали готовность поддержать обучение в другом городе или за рубежом, если это соответствует интересам ребенка. Вместе с тем в отдельных интервью подчеркивалось, что окончательное решение остается за отцом, что свидетельствует о сохранении символического мужского авторитета.

Первичные материалы позволяют предположить, что образование постепенно изменяет положение женщины внутри семьи. Наличие профессии и собственного дохода усиливает ее участие в обсуждении образовательной и профессиональной траектории детей. Однако профессиональная занятость не сопровождается пропорциональным сокращением домашних обязанностей, поэтому расширение женской субъектности происходит быстрее, чем перераспределение семейного труда.

Поколенческие изменения проявляются и в воспитании дочерей. Если представительницы старшего поколения чаще подчеркивали необходимость соблюдения традиционных норм поведения, то молодые женщины говорили о важности самостоятельности и способности открыто выражать собственное мнение. Одна из участниц отмечала:

Таким образом, анализ интервью позволяет рассматривать образование как один из наиболее социально приемлемых механизмов расширения женской субъектности в исследуемых этнических сообществах. Получение образования не противопоставляется семейным и этнокультурным ценностям, а рассматривается как ресурс благополучия семьи, воспитания детей и расширения жизненных возможностей дочерей при сохранении культурной преемственности и уважения к старшим.

От контроля к переговорам: брачный выбор и межпоколенческая адаптация норм

Анализ интервью показывает, что институт брака продолжает выступать одним из ключевых механизмов воспроизводства этнокультурных норм. При выборе будущего супруга участницы упоминали мнение родителей, репутацию семьи, этническую принадлежность партнера и уважение к старшим. Вместе с тем первичные материалы свидетельствуют о постепенной трансформации семейных решений: безусловное подчинение родительскому авторитету, характерное для старшего поколения, все чаще сменяется обсуждением и согласованием позиций между родителями и детьми.

Во многих интервью отмечалось, что в период взросления самих участниц решения родителей практически не обсуждались. Сегодня эта модель становится более гибкой:

«Раньше достаточно было слова родителей, которое становилось окончательным решением, а сейчас к детям так обращаться уже нельзя. Мнение детей учитывается, однако последнее слово все еще остается за родителями».

Этот фрагмент показывает, что меняется не столько родительский авторитет, сколько способы его реализации. Родители продолжают играть ведущую роль, однако все чаще объясняют свою позицию и учитывают мнение детей. Семейный авторитет приобретает переговорный характер, сохраняя традиционную иерархию [19].

Наиболее заметно эти изменения проявляются в вопросах брачного выбора. Если представительницы старшего поколения рассказывали о значительном влиянии родителей и родственников на собственный выбор супруга, то в интервью молодых женщин родители чаще выступают советчиками, оценивают избранника и его семью, однако окончательное решение в большей степени принимают сами молодые люди.

Материалы интервью также показывают, что развод постепенно перестает восприниматься как безусловно недопустимый исход брака. Многие участницы противопоставляли прежнюю установку на сохранение брака любой ценой современной готовности родителей поддержать дочь в ситуации насилия или неблагополучных отношений. Это свидетельствует о смещении приоритета от формального сохранения семьи к безопасности и благополучию женщины.

Изменение механизмов семейного контроля проявляется и в воспитании дочерей. Несмотря на сохранение традиционных требований к поведению девушек, молодые матери все чаще подчеркивают необходимость развивать самостоятельность, способность к открытому диалогу и ответственность за собственный выбор. Показательно высказывание одной из участниц:

«Для меня ненормально, если человек не может высказать свое мнение... Человек должен уметь сказать, что ему нравится, а что не нравится. Надо уметь выражать свои мысли» (узбечка, 34 года, самозанятая).

Это высказывание отражает изменение представлений о женском воспитании: традиционные качества – послушание и ответственность – начинают сочетаться с уверенностью в себе, самостоятельностью и способностью отстаивать собственную позицию. При этом развитие субъектности не рассматривается как отказ от традиционных ценностей.

Материалы интервью показывают, что уважение к старшим сохраняет значение одной из базовых семейных норм. Даже сторонницы большей самостоятельности детей подчеркивали необходимость учитывать жизненный опыт родителей. Поэтому происходящие изменения отражают не разрушение семейного авторитета, а изменение способов его воспроизводства.

Во многих семьях воспитание все чаще строится не на запретах, а на постоянном общении и обсуждении возникающих вопросов. При этом право окончательного решения по наиболее значимым вопросам нередко сохраняется за родителями или отцом, однако само включение мнения ребенка свидетельствует о постепенном переходе от директивной модели семейного контроля к переговорной.

Особый интерес представляет опыт корейских семей. Если в интервью узбекских, таджикских, турецких и части курдских участниц этническая принадлежность будущего супруга сохраняла важное значение, то корейские женщины чаще связывали сохранение этнокультурной идентичности с семейными праздниками, национальной кухней, памятью о предках и уважением к старшим. Это показывает, что культурная преемственность может поддерживаться не только посредством контроля брачного выбора, но и через повседневные культурные практики.

В интервью таджикских участниц встречались разные оценки родственных браков. Одни рассматривали их как способ укрепления родственных связей, другие объясняли отказ современными медицинскими знаниями и признанием права молодых людей самостоятельно выбирать супруга. Это свидетельствует о том, что традиционные нормы становятся предметом обсуждения и индивидуального выбора.

Таким образом, анализ интервью показывает, что трансформация семейных отношений носит постепенный и переговорный характер. Новые воспитательные и брачные практики не противопоставляются традиционным ценностям, а рассматриваются как способ обеспечить благополучие семьи и безопасность детей. Семейный авторитет сохраняется, однако становится менее директивным, сочетаясь с признанием права детей на образование, собственное мнение и участие в выборе жизненной траектории. Такая модель селективной семейной модернизации позволяет одновременно сохранять культурную преемственность и расширять пространство самостоятельности женщин и молодежи.

Таблица-1. Механизмы воспроизводства и трансформации гендерных норм

Механизм	Воспроизводство нормы	Источник трансформации	Наблюдаемый результат
Социализация детей	Разные ожидания и обязанности для мальчиков и девочек	Рефлексия матерей над собственным опытом	Смягчение контроля; больше права голоса у дочерей
Забота и авторитет	Женщина отвечает за быт и воспитание; мужчина санкционирует решения	Повседневное влияние матери; экономический вклад женщины	Рост фактического участия женщин при сохранении символического мужского лидерства
Образование	Образование согласуется с семейными приоритетами	Понимание образования как защиты и устойчивости	Расширение профессиональных траекторий девушек без отказа от семейной ориентации
Брачные нормы	Предпочтение одобряемого семьей и/или внутригруппового брака	Переговоры, медицинские знания, межэтнический опыт	Переход от принуждения к согласованию; вариативность границ
Культурная преемственность	Язык, религия, ритуалы, уважение к старшим	Символические и бытовые формы передачи культуры	Сохранение идентичности при более гибких гендерных практиках

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают, что именно семья является главным пространством формирования и воспроизводства гендерных норм. Представления о том, какой должна быть женщина, мужчина, дочь или сын, передаются не столько через прямые наставления, сколько через повседневные семейные практики: распределение домашних обязанностей, воспитание детей, принятие решений, организацию семейной жизни и соблюдение традиций. Именно в ежедневном взаимодействии дети усваивают модели поведения, которые впоследствии воспринимаются как естественные и правильные [2].

Материалы исследования показывают, что во всех изученных этнических сообществах женщины продолжают выполнять основную часть неоплачиваемой домашней работы, несут ответственность за воспитание детей, сохранение языка, семейной памяти, традиций и обрядов. При этом окончательные решения по наиболее важным вопросам – выбору профессии, месту обучения, браку или крупным семейным расходам – во многих семьях по-прежнему принимаются мужчинами или старшими членами семьи. Такое сочетание ответственности и ограниченного участия в распределении власти формирует устойчивый семейный порядок, который воспроизводится из поколения в поколение.

Эти результаты согласуются с концепцией П. Бурдьё о **габитусе**. Согласно данной теории, люди воспринимают привычные модели поведения как естественные, поскольку они усваиваются с детства и ежедневно подтверждаются семейной практикой [3; 4]. Именно поэтому многие женщины не рассматривают

существующее распределение обязанностей как проявление неравенства. Для них оно воспринимается как нормальный порядок семейной жизни.

Вместе с тем исследование показывает, что женщины являются не только хранительницами традиций, но и активными участниками их изменения. Этот вывод развивает подход Н. Ювал-Дэвис, согласно которому женщины выступают важнейшими субъектами воспроизводства этнических сообществ [5]. Материалы интервью показывают, что именно женщины ежедневно принимают решения о том, какие нормы следует сохранить без изменений, какие можно адаптировать к современным условиям, а какие уже утратили свою актуальность.

Так, большинство респонденток продолжает воспитывать уважение к старшим, семейную сплоченность и этнокультурные традиции, однако одновременно поддерживает получение дочерьми высшего образования, возможность профессиональной реализации и более открытый диалог между родителями и детьми. Молодые матери считают важным воспитывать у девочек не только скромность и ответственность, но и способность выражать собственное мнение, самостоятельно принимать решения и защищать свои интересы. Таким образом, женщины становятся посредниками между традицией и современностью.

Сравнение пяти этнических сообществ показало, что сохранение этнокультурной идентичности может происходить разными способами. В узбекских, таджикских, турецких и частично курдских семьях значительную роль продолжают играть внутригрупповые брачные предпочтения, семейный контроль и религиозные нормы. В корейских семьях идентичность чаще сохраняется через язык, семейные праздники, национальную кухню, рассказы о предках и повседневные культурные практики. Это свидетельствует о том, что сохранение этнической идентичности не всегда требует жесткого контроля над брачным выбором или поведением женщин. Культурная преемственность может поддерживаться и посредством символических семейных практик.

Материалы настоящего исследования позволяют предложить концепцию **селективной семейной модернизации**. Под **селективной семейной модернизацией** мы понимаем процесс постепенного обновления семейных отношений, при котором изменяются не все элементы традиционной системы одновременно, а лишь отдельные ее компоненты. Одни нормы трансформируются достаточно быстро, тогда как другие продолжают сохраняться практически без изменений [20].

В отличие от существующих подходов, она исходит из того, что модернизация носит **избирательный характер**: женщины этнических сообществ сохраняют традиционные представления о семье, родственных обязательствах и культурной идентичности, одновременно трансформируя нормы, связанные с образованием, профессиональной самореализацией, воспитанием детей и участием в принятии семейных решений. Такой подход позволяет рассматривать семью не как пространство противостояния традиции и модерности, а как механизм их одновременного воспроизводства и адаптации.

Именно поэтому данный процесс можно назвать **селективным** (избирательным). Семья не отказывается от традиционной модели полностью, а выборочно

принимает те изменения, которые воспринимаются как полезные для благополучия семьи и не угрожают ее культурной идентичности.

Полученные результаты согласуются с выводами исследования КИОР, согласно которым традиционные представления о распределении семейных обязанностей продолжают ограничивать профессиональную самореализацию женщин. Однако проведенное исследование позволяет уточнить данный вывод. Интервью показывают, что речь идет не о полном сохранении традиционной модели семьи, а об **избирательной трансформации отдельных семейных норм**. В этнических сообществах одновременно поддерживается получение женщинами образования и профессиональной реализации, но сохраняются ожидания относительно их ведущей ответственности за воспитание детей, уход за старшими родственниками и поддержание внутрисемейных отношений. Именно эта двойственность позволяет говорить о процессе **селективной семейной модернизации**.

Быстрее всего меняются представления об образовании девушек. Практически все респондентки считают получение высшего образования необходимым условием успешной жизни дочери. Значительно чаще поддерживается профессиональная занятость женщин, особенно если она способствует улучшению материального положения семьи. Молодые родители также чаще учитывают мнение детей при выборе профессии и будущего супруга.

В то же время значительно медленнее меняются отношения, связанные с распределением домашнего труда и семейной власти. Несмотря на образование и занятость, женщины продолжают выполнять основную часть домашних обязанностей, заботиться о детях и пожилых родственниках. Во многих семьях сохраняется представление о мужчине как об основном лице, принимающем окончательные решения. Таким образом, новые возможности женщин не сопровождаются столь же быстрым перераспределением семейной ответственности.

Именно это сочетание традиционных и современных элементов формирует **гибридную семейную модель**. В таких семьях женщина может иметь высшее образование, работать, участвовать в общественной жизни и одновременно сохранять полную ответственность за домашнее хозяйство, воспитание детей и поддержание семейных традиций. Иными словами, модернизация касается прежде всего возможностей женщины, тогда как структура семейных обязанностей изменяется значительно медленнее.

Полученные результаты согласуются с исследованиями казахстанских ученых, которые отмечают сосуществование традиционных и эгалитарных ценностей в современных семьях Казахстана [10–15]. Вместе с тем проведенное исследование позволяет объяснить механизм подобных изменений. Интервью показывают, что новые социальные практики получают поддержку лишь тогда, когда они объясняются через интересы семьи.

Так, образование дочери рассматривается не как проявление индивидуализма, а как гарантия ее будущей независимости и благополучия семьи. Работа женщины воспринимается как вклад в семейный бюджет. Право ребенка самостоятельно выбрать профессию или супруга объясняется необходимостью вос-

питать ответственного человека. Участие женщин в общественной жизни также интерпретируется как продолжение их заботы о семье и местном сообществе. Благодаря такой интерпретации новые модели поведения не воспринимаются как отказ от традиционных ценностей, что снижает напряженность между модернизацией и культурной преемственностью.

Проведенное исследование позволяет сделать три теоретически важных вывода.

Во-первых, женщины выступают не только хранительницами традиций, но и активными агентами социальных изменений. Их влияние реализуется преимущественно внутри семьи через воспитание детей, организацию повседневной жизни и передачу культурных норм.

Во-вторых, трансформация гендерных отношений происходит **неравномерно**. Наиболее быстро изменяются установки, связанные с образованием, профессиональной деятельностью и правом женщин на самореализацию. Значительно медленнее меняются распределение домашнего труда, семейной ответственности и власти.

В-третьих, результаты исследования показывают, что сохранение этнокультурной идентичности и расширение возможностей женщин не являются взаимоисключающими процессами. Напротив, современные семьи все чаще находят способы сочетать культурную преемственность с постепенным обновлением гендерных отношений.

На основании проведенного анализа можно предложить следующую модель селективной семейной модернизации:

Предложенная модель показывает, что изменения происходят не через отказ от традиционной семьи, а через постепенное переосмысление ее внутренних ролей и функций. Именно поэтому модернизация семейных отношений в

исследуемых этнических сообществах носит **селективный**, последовательный и эволюционный характер.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить особенности воспроизводства и трансформации гендерных норм в этнических сообществах Южного Казахстана на примере узбекских, таджикских, турецких, курдских и корейских семей. Полученные результаты показывают, что семья остается ключевым институтом, в котором одновременно сохраняются культурные традиции и происходят постепенные социальные изменения. Именно в семье формируются представления о распределении ролей между мужчинами и женщинами, передаются нормы поведения, воспитываются ценности и определяется отношение к образованию, труду, браку и воспитанию детей.

Исследование показало, что воспроизводство традиционных гендерных ролей продолжается через повседневные семейные практики. Женщины по-прежнему несут основную ответственность за воспитание детей, ведение домашнего хозяйства, сохранение родного языка, семейной памяти, этнических традиций и культурных обрядов. Мужчины в большинстве семей сохраняют символическую роль главы семьи и обладают более высоким уровнем участия в принятии наиболее значимых решений. Таким образом, традиционная модель семьи продолжает оставаться важной основой социальной организации исследуемых этнических сообществ.

Вместе с тем результаты исследования свидетельствуют о постепенной трансформации гендерных отношений. Наиболее заметные изменения происходят в сфере образования девушек, профессиональной занятости женщин, воспитания детей и внутрисемейного взаимодействия. Практически все респондентки рассматривают получение образования как необходимое условие успешного будущего дочерей и поддерживают их стремление к профессиональной самореализации. Одновременно меняются подходы к воспитанию детей: родители все чаще стремятся учитывать мнение дочерей и сыновей, обсуждать с ними важные жизненные решения и переходить от модели безусловного подчинения к диалогу и взаимному уважению.

Одним из основных выводов исследования является то, что женщины выступают не только хранительницами этнокультурных традиций, но и активными участницами их постепенного обновления. Именно через повседневное воспитание детей, организацию семейной жизни и передачу культурных ценностей женщины определяют, какие традиции сохраняются без изменений, какие адаптируются к современным условиям, а какие постепенно утрачивают свое значение. Такой механизм позволяет говорить о селективной семейной модернизации – процессе, при котором изменения происходят постепенно и затрагивают прежде всего те элементы семейной жизни, которые воспринимаются как необходимые для благополучия семьи, не разрушая при этом ее культурную основу.

Исследование также показало, что трансформация семейных отношений происходит неравномерно. Быстрее изменяются установки, связанные с образованием, профессиональной деятельностью женщин и расширением возможностей

молодых людей. Значительно медленнее меняются распределение домашнего труда, семейной ответственности и принятие окончательных решений. В результате современные семьи все чаще сочетают традиционные ценности с новыми социальными практиками, формируя гибридные модели семейных отношений.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов при разработке государственной семейной политики, программ поддержки женщин, молодежной политики и образовательных инициатив. Исследование показывает, что продвижение гендерного равенства будет более эффективным, если оно будет учитывать культурную специфику этнических сообществ и опираться на ценности семьи, взаимной ответственности и благополучия детей. Поддержка женского образования, профессиональной занятости, ответственного отцовства и равного участия членов семьи в принятии решений может способствовать укреплению как гендерного равенства, так и семейной устойчивости.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением географии исследования, включением в анализ взглядов мужчин и молодежи, сравнением городских и сельских семей, а также изучением влияния цифровизации, миграционных процессов и социально-экономических изменений на трансформацию гендерных отношений в этнических сообществах Казахстана и стран Центральной Азии. Проверка предложенной модели селективной семейной модернизации на более широкой выборке позволит глубже понять механизмы сочетания культурной преемственности и социальных изменений в современных семьях.

Список литературы

1. Казахстанский институт общественного развития. **Гендерная политика в Казахстане: общественное мнение и эффективность государственной политики: аналитический доклад**. Астана: НАО «Казахстанский институт общественного развития», 2025. – 100 с.
2. Berger P.L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. New York: Anchor Books, 1966.
3. Bourdieu P. *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
4. Bourdieu P. *The Forms of Capital* // *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* / Ed. J.G. Richardson. New York: Greenwood, 1986. – P. 241–258.
5. Barth F. *Introduction* // *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*. Boston: Little, Brown, 1969. – P. 9 – 38.
6. Yuval-Davis N. *Gender and Nation*. London: Sage, 1997.
7. Domingues J.M. *Family, Modernization and Sociological Theory* // *Estudios Sociológicos*. 2016. Vol. 34. No. 100. – P. 145–167.
8. Ochiai E. *The Logic of Global Family Change in Transforming Modernity* // *Japanese Sociological Review*. 2013. Vol. 64. No. 4. – P. 533–552.
9. Jackson S., Ho P.S.Y., Na J. *Reshaping Tradition? Women Negotiating the Boundaries of Tradition and Modernity* // *The Sociological Review*. 2013. Vol. 61. No. 4. – P. 667–687.
10. Сапаров Н.Б., Алимбекова Г.Т. Семейные ценности в условиях социально-экономических изменений в Казахстане // *Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии*. 2019. Т. 68. № 1. С. 184–193. DOI: 10.26577/JPoS.2019.v68.i1.018.

11. Жакупов С.М., Сланбекова Г.К., Кунанбаева М.Н. Кросскультурная специфика ролевого функционирования семьи // Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии. 2012. Т. 43. № 11.
12. Иманқұл А., Смағамбет Б. Трансформация института семьи: социологический анализ новых изменений в брачно-семейных отношениях // Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии. 2024. Т. 90. № 3. DOI: 10.26577/JPsS.2024.v90.i3.06.
13. Дуанаева С.Е., Шоманбаева А.О., Байжуманова Б.Ш., Усенова А.М., Ешенкулова Д.Б. Исследование отношения к гендерно-ролевым моделям семьи в структуре гендерного самосознания казахстанских женщин // Вестник ЕНУ имени Л.Н. Гумилева. Серия Педагогика. Психология. Социология. 2023. № 145(4). – С. 273–281.
14. Kovyazina K.T. Mothers as Nation-Building Agents in Kazakhstan: The Effect of Neoliberalism // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series. 2024.
15. Джанузакова А., Салимгереев Б. Межпоколенная образовательная мобильность внутренних мигрантов: влияние пола и структуры семьи // Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии. 2024. Т. 89. № 2. DOI: 10.26577/JPsS.2024.v89.i2.07.
16. Отар Э.С., Несипбаева А.Ж., Беширли Х. Этникалық қауымдастықтардағы әйелдердің гендерлік теңсіздігі және білім беру ұмтылыстары: Түркістан өңіріндегі тәжік әйелдерінің мысалында // ҚазҰУ Хабаршысы. Психология және әлеуметтану сериясы. 2025. Т. 93. № 2. – С. 116–126. DOI: 10.26577/JPsS2025932010.
17. Тынгишева Н.М. Роль курдских женщин Казахстана в формировании идентичности будущего поколения. Астана: ЕНУ имени Л.Н. Гумилева, 2024.
18. Iskakova Zh., Kalashnikova N., Kaumenova E. Marriage in Kazakhstan: Retrospective Analysis and Trends // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series. 2023. Vol. 141. No. 4. – P. 36–45.
19. Отар Э.С., Ким Г.Н., Садвокасова А.К., Накипбаева Ж.А., Көміртай А.Е. Женщины этнических сообществ как каналы воспроизводства и формирования гражданской и этнической идентичности: на примере Туркестанской области и г. Шымкент. Астана: Институт прикладных этнополитических исследований, 2024. – 284 с.
20. Kim K.D. Selective Modernization and Alternative Modernities: In Search of an Alternative Theory // **National Academy of Sciences Journal of Humanities and Social Sciences**. 2008. Vol. 47. No. 2. – P. 105–161.

Transliteration

21. Kazakhstan Institute for Public Development. Gender Policy in Kazakhstan: Public Opinion and the Effectiveness of State Policy: Analytical Report. Astana: NJSC “Kazakhstan Institute for Public Development”, 2025. 100 p.
22. Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. New York: Anchor Books, 1966.
23. Bourdieu P. Outline of a Theory of Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
24. Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. J.G. Richardson. New York: Greenwood, 1986. – P. 241–258.
25. Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference. Boston: Little, Brown, 1969. – P. 9 – 38.
26. Yuval-Davis N. Gender and Nation. London: Sage, 1997.
27. Domingues J.M. Family, Modernization and Sociological Theory // *Estudios Sociológicos*. 2016. Vol. 34. No. 100. – P. 145–167.

28. Ochiai E. The Logic of Global Family Change in Transforming Modernity // *Japanese Sociological Review*. 2013. Vol. 64. No. 4. – P. 533–552.
29. Jackson S., Ho P.S.Y., Na J. Reshaping Tradition? Women Negotiating the Boundaries of Tradition and Modernity // *The Sociological Review*. 2013. Vol. 61. No. 4. – P. 667–687.
30. Saparov N.B., Alimbekova G.T. Family Values in the Context of Socio-Economic Changes in Kazakhstan. Bulletin of KazNU. Psychology and Sociology Series. 2019. Vol. 68. No. 1. P. 184–193. DOI: 10.26577/JPoS.2019.v68.i1.018.
31. Zhakupov S.M., Slanbekova G.K., Kunanbayeva M.N. Cross-Cultural Specificity of Family Role Functioning. Bulletin of KazNU. Psychology and Sociology Series. 2012. Vol. 43. No. 11.
32. Imankul A., Smagambet B. Transformation of the Family Institution: A Sociological Analysis of New Changes in Marital and Family Relations. Bulletin of KazNU. Psychology and Sociology Series. 2024. Vol. 90. No. 3. DOI: 10.26577/JPoS.2024.v90.i3.06.
33. Duanaeva S.E., Shomanbayeva A.O., Baizhumanova B.Sh., Usenova A.M., Eshenkulova D.B. Study of Attitudes towards Gender Role Models of the Family in the Structure of Gender Self-Identity of Kazakhstani Women. Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Pedagogy. Psychology. Sociology Series. 2023. No. 145(4). P. 273–281.
34. Kovyazina K.T. Mothers as Nation-Building Agents in Kazakhstan: The Effect of Neoliberalism // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series. 2024.
35. Dzhanuzakova A., Salimgereev B. Intergenerational Educational Mobility of Internal Migrants: The Impact of Gender and Family Structure. Bulletin of KazNU. Psychology and Sociology Series. 2024. Vol. 89. No. 2. DOI: 10.26577/JPoS.2024.v89.i2.07.
36. Otar E.S., Nesipbayeva A.Zh., Beshirli H. Gender Inequality and Educational Aspirations of Women in Ethnic Communities: The Case of Tajik Women in the Turkistan Region. Bulletin of KazNU. Psychology and Sociology Series. 2025. Vol. 93. No. 2. P. 116–126. DOI: 10.26577/JPoS2025932010.
37. Tyngisheva N.M. The Role of Kurdish Women of Kazakhstan in Shaping the Identity of the Future Generation. Astana: L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2024.
38. Iskakova Zh., Kalashnikova N., Kaumenova E. Marriage in Kazakhstan: Retrospective Analysis and Trends // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series. 2023. Vol. 141. No. 4. – P. 36–45.
39. Otar E.S., Kim G.N., Sadvokasova A.K., Nakipbayeva Zh.A., Komirtai A.E. Women of Ethnic Communities as Channels of Reproduction and Formation of Civic and Ethnic Identity: The Case of Turkistan Region and Shymkent City. Astana: Institute of Applied Ethnopolitical Research, 2024. 284 p.
40. Kim K.-D. Selective Modernization and Alternative Modernities: In Search of an Alternative Theory // **National Academy of Sciences Journal of Humanities and Social Sciences**. 2008. Vol. 47. No. 2. – P. 105–161

Авторлар туралы мәлімет / Сведения об авторах / Information about authors

Эльмира Сәкенқызы Отар	Директор Центра исследований семейной и гендерной политики НАО «Казахстанский институт общественного развития», Астана, Казахстан e-mail: Ot_el@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-8803-4592
Алем Жекенқызы Несипбаева	Докторант 3 курса образовательной программы «Социология», Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан, e-mail: nesipbaevaalem1980@gmail.com, ORCID ID: 0009-0008-7843-8236.
Аяулым Ерланқызы Мантаева	Докторант 2 курса образовательной программы «Социология», Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан, e-mail: mantaeva-ae@mail.ru, ORCID ID: 0009-0000-0825-4193.
Эльмира Сәкенқызы Отар	Отбасы және гендерлік саясатты зерттеу орталығының директоры, «Қазақстандық қоғамдық даму институты» КеАҚ, Астана, Қазақстан, e-mail: Ot_el@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-8803-4592
Алем Жекенқызы Несіпбаева	«Әлеуметтану» білім беру бағдарламасының 3-курс докторанты, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан, e-mail: nesipbaevaalem1980@gmail.com, ORCID ID: 0009-0008-7843-8236.
Аяулым Ерланқызы Мантаева	«Әлеуметтану» білім беру бағдарламасының 2-курс докторанты, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан, e-mail: mantaeva-ae@mail.ru, ORCID ID: 0009-0000-0825-4193.
Elmira Sakenkyzy Otar	Director of the Center for Family and Gender Pollicy Research, NCJSC «Kazakhstan Institute of Public Development», Astana, Kazakhstan. e-mail: Ot_el@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-8803-4592
Nesipbayeva Alem Zhakenkyzy	Third-year doctoral student of the educational program «Sociology», L.N. Gumilyov Eurasian National UniversityAstana, Kazakhstan, e-mail: nesipbaevaalem1980@gmail.com, ORCID ID: 0009-0008-7843-8236.
Ayaulym Mantayeva Yerlankyzy	Second-year doctoral student of the educational program «Sociology», L.N. Gumilyov Eurasian National UniversityAstana, Kazakhstan, e-mail: mantaeva-ae@mail.ru, ORCID ID: 0009-0000-0825-4193.

«СООБЩЕСТВО ПРАКТИКОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ СО СЛУЧАЙНЫМ ВЫБОРОМ ПРОФЕССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ACTION RESEARCH»

¹Раушан ИТАЛМАСОВА, ¹Жансая ОРЫНБАСАР

¹ НАО Университет Нархоз, Алматы, Казахстан
raushan.italmasova@narxoz.kz

Ссылка на данную статью: *Италмасова Р.Б., Орынбасар Ж. Сообщество практиков как инструмент формирования профессиональной идентичности студентов со случайным выбором профессии: результаты Action research // SOCIOLOGY.KZ. - 2026. – №3(3). – С.131 – 147. <https://doi.org/10.48010/2026.3/sskz.31>*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования в действии Action Research, (далее AR) направленного на изучение становления профессиональной идентичности студентов разных курсов специальности «Социальная работа» Университета Нархоз. Исследование охватывало два цикла текущего учебного года и опиралось на волонтерскую работу студенческого Инклюзивного центра как сообщества практиков или практического типа AR.

Эмпирическую базу составили девять глубинных интервью со студентами-волонтерами по итогам осеннего семестра и рефлексивные анкеты по итогам весеннего семестра; данные обрабатывались методом тематического анализа по Браун и Кларк. Результаты фиксируют сдвиг от частичной к более выраженной позитивной профессиональной идентичности. В частности, из девяти волонтеров у семи было отмечено её усиление. С учетом изначального контекста, когда практически все студенты озвучили, что их поступление на специальность «Социальная работа» было случайным и неосознанным, такое изменение демонстрирует необходимость применения практического типа AR во внеучебной деятельности. Отсутствие изначального интереса к профессии в условиях практической и совместной деятельности в центре способствовало формированию у обучающихся позитивного интереса к профессии и осознания себя ее частью. Ключевыми условиями роста постепенного интереса к социальной работе и к формированию профессиональной идентичности выступили: повышение осведомленности студентов через учебные занятия и конечно их участие в развитии Инклюзивного центра в вузе, непосредственно организация и проведение инклюзивных мероприятиях и учебная стажировка в реабилитационном центре для детей и подростков «Мейірім» в течение месяца.

Ключевые слова: исследование в действии; профессиональная идентичность; социальная работа; сообщество практиков; практический тип AR, инклюзивный центр.

ПРАКТИКТЕР ҚАУЫМДАСТЫҒЫ МАМАНДЫҚТЫ КЕЗДЕЙСОҚ ТАҢДАҒАН СТУДЕНТТЕРДІҢ КӘСІБИ БІРЕГЕЙЛІГІН ҚАЛЫПТАСТЫРУ ҚҰРАЛЫ РЕТІНДЕ: ACTION RESEARCH НӘТИЖЕЛЕРІ

¹Раушан ИТАЛМАСОВА, ¹Жансая ОРЫНБАСАР

¹Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан

raushan.italmasova@narхоз.kz

COMMUNITY OF PRACTICE AS A TOOL FOR FOSTERING PROFESSIONAL IDENTITY OF STUDENTS WITH AN ACCIDENTAL CAREER CHOICE: ACTION RESEARCH RESULTS

¹Раушан ИТАЛМАСОВА, ¹Жансая ОРЫНБАСАР

¹NJSC Narхоз University, Almaty, Kazakhstan

raushan.italmasova@narхоз.kz

Аңдамна. Мақалада Нархоз Университетінің «Әлеуметтік жұмыс» мамандығының әртүрлі курс студенттерінің кәсіби бірегейлігінің қалыптасуын зерттеуге бағытталған «Әрекеттегі зерттеу» (Action Research, бұдан әрі – AR) нәтижелері ұсынылған. Зерттеу ағымдағы оқу жылының екі циклін қамтыды және тәжірибелік қауымдастық немесе AR-дың практикалық түрі ретінде студенттік Инклюзивті орталықтың волонтерлік қызметіне негізделді.

Эмпирикалық базаны күзгі семестр қорытындысы бойынша волонтер-студенттермен жүргізілген тоғыз тереңдетілген сұхбат және көктемгі семестр қорытындысы бойынша рефлексивті сауалнамалар құрады; деректер Браун мен Кларк әдісі бойынша тақырыптық талдау тәсілімен өңделді. Нәтижелер ішінара кәсіби бірегейліктен айқынырақ оң кәсіби бірегейлікке өтуді тіркейді. Атап айтқанда, тоғыз волонтердің жетеуінде оның күшейгені байқалды. Барлық дерлік студенттердің «Әлеуметтік жұмыс» мамандығына түсуі кездейсоқ әрі санасыз таңдау болғанын айтқан бастапқы контексті ескерсек, мұндай өзгеріс сабақтан тыс қызметте AR-дың практикалық түрін қолдану қажеттілігін көрсетеді. Мамандыққа деген бастапқы қызығушылықтың болмауына қарамастан, орталықтағы практикалық әрі бірлескен қызмет білім алушыларда бұл кәсіпке оң ықыластың қалыптасуына және өзін оның бір бөлігі ретінде сезінуіне ықпал етті.

Abstract. This article presents the results of an action research (hereinafter AR) study aimed at examining the development of professional identity among students in various years of the “Social Work” program at Narkhoz University. The study spanned two semesters of the current academic year and was based on the volunteer work of the student Inclusive Center as a community of practice—or a practical form of AR.

The empirical data consisted of nine in-depth interviews with student volunteers following the fall semester and reflective questionnaires following the spring semester; the data were analyzed using the thematic analysis method developed by Brown and Clark. The results indicate a shift from a partial to a more pronounced positive professional identity. Specifically, seven out of nine volunteers showed a strengthening of this identity. Given the initial context—in which virtually all students stated that their enrollment in the “Social Work” program was accidental and unplanned—this change demonstrates the need to apply a practical form of AR in extracurricular activities. The lack of initial interest in the profession, combined with practical and collaborative activities at the center, contributed to the development of a positive interest in the profession among the students and a sense of belonging to it.

Әлеуметтік жұмысқа деген қызығушылықтың біртіндеп артуының және кәсіби бірегейліктің қалыптасуының негізгі шарттары ретінде мыналар анықталды: оқу сабақтары арқылы студенттердің хабардарлығын арттыру, ЖОО-дағы Инклюзивті орталықты дамытуға қатысуы, инклюзивті іс-шараларды тікелей ұйымдастыру мен өткізу, сондай-ақ балалар мен жасөспірімдерге арналған «Мейірім» оңалту орталығында бір айлық оқу тағылымдамасынан өтуі.

Түйін сөздер: әрекеттегі зерттеу; кәсіби бірегейлік; әлеуметтік жұмыс; тәжірибелік қауымдас-тық; практикалық AR түрі; инклюзивті орталық.

The key factors in the gradual growth of interest in social work and the formation of professional identity were: raising students' awareness through classroom instruction and, of course, their participation in the development of the Inclusive Center at the university, including the direct organization and conduct of inclusive events, as well as a one-month internship at the "Meirim" Rehabilitation Center for Children and Adolescents.

Keywords: action research; professional identity; social work; community of practice; practical type AR; inclusive center.

Введение

Как и любая профессиональная идентичность, идентичность будущего социального работника формируется на пересечении непосредственно академической подготовки, личного интереса обучающихся и приобретения первого реального опыта, который он получает преимущественно посредством прохождения профессиональной практики на базах партнеров образовательной программы.

Условия, в которых формируется профессиональная идентичность современных социальных работников Казахстана осложнены множественными институциональными барьерами, которые отражаются на мотивации абитуриентов при поступлении и качестве их профессионального самоопределения в дальнейшем. Соответственно развитие устойчивой профессиональной идентичности у студентов программы социальная работа становится одной из определяющих задач, влияющих как на самоподготовку будущих специалистов, так и на сохранение их в профессии в перспективе.

В течение последних 15 лет государство в лице профильных министерств выделяет в среднем от 400 до 500 образовательных грантов на обучение по специальности «Социальная работа», это соответствует средним показателям грантов на иные специальности в целом по республике.

Вместе с тем, Министерство труда и социальной защиты указывает на то, что в социальной сфере все еще недостаточно количество специалистов с профильным высшим образованием. По нашему мнению, это связано прежде всего с тем, что студенты поступают на специальности, где легче им получить образовательный грант, а их родители не готовы платить за «желаемую» специальность своих детей и ряд «непопулярных» профессий пополняются из числа студентов со вторичным приоритетом при выборе специальностей с максимальными шансами на получение образовательного гранта. Таким образом, изначально формируется поверхностное отношение к будущей профессии у студентов, выбравших эту стратегию при поступлении. Далее только от среды обучения зависит заинтересуется ли студент профессией социального работника и сформируется ли у него позитивная и устойчивая профессиональная идентичность.

Образовательные реалии в Казахстане в настоящее время таковы, что они не всегда отражают требования ведущих западных школ социальной работы. К

примеру, отсутствие адекватного перехода от теоретического обучения к практическому, к развитию и применению навыков социальной работы в полевых условиях в РК. Несмотря на то, что на долю практики в вузах РК по специальности Социальная работа приходится в среднем 20-21 кредитов обучения, не все вузы имеют большую сеть организаций-партнеров, которые могли бы предоставить базу практик и тем более обеспечить студентов высококвалифицированными наставниками на период прохождения практики.

Очевидно, что в таких условиях университетам приходится создавать эти возможности самостоятельно, в том числе и посредством реализации разных социальных инициатив внутри вузов, в частности, через создание сообщества практиков по Wenger, E. [1] С привлечением подходящей методологии AR, которая предполагает одновременно и исследование и практическое преобразование практики. [2]

В Университете Нархоз таким сообществом практиков становится Инклюзивный центр, действующий с сентября 2025 г. по настоящее время. В состав центра входят два куратора-преподавателя и девять студентов-волонтеров, (изначально было 20 студентов). Цель Инклюзивного центра - повышение инклюзивной культуры и практики университета через информирование, обучение и сопровождение студентов и ППС. Адаптация ППС к образовательному процессу в котором участвуют студенты с особыми образовательными потребностями (далее ООП) также важна, как и создание условий непосредственно для самих студентов, имеющих ООП и взаимодействующих с ними. Качественные же данные по результатам AR были обработаны в рамках тематического анализа Брауна и Кларка. [3]

В целом данные за 2021–2024 годы демонстрируют рост численности детей с инвалидностью в РК, данные по охвату инклюзией детей выросли с 32,7% до 53%. [4]. Это в свою очередь несомненно ведет и к росту студентов с ООП, поэтому закономерным является и внесение изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам инклюзивного образования: Закон Республики Казахстан от 26 июня 2021 года № 56-VII ЗРК, которое регулирует вопрос создания специальных условий для обучающихся с ООП на всех уровнях образования. [5]

Таким образом, в контексте роста обучающихся с ООП, вузам необходимо готовить ППС, персонал университета к адекватному взаимодействию и адаптации обучающихся с ООП в новом для них образовательном пространстве.

Методология

Настоящее исследование выполнено в логике исследования в действии Action Research (далее AR) и изначально было направлено на изучение процесса становления профессиональной идентичности студентов программ социальная работа- от случайного выбора профессии до осознанного принятия роли будущего специалиста социальной сферы.

«Action Research - методология исследования, при которой исследователь одновременно изучает практическую проблему и активно вмешивается в неё для её решения, объединяя процесс действия и процесс генерации знания через циклическую рефлекссию». [6, с. 34]

Исследование выполнено в логике педагогического исследования в действии (educational action research), реализованного на двух уровнях: во-первых, преподаватели изучали работу Инклюзивного центра как образовательную интервенцию, тогда как студенты-волонтеры выступали с одной стороны субъектами общественных интервенций и с другой стороны - рефлексирющими участниками происходящих изменений. Дизайн исследования включал два последовательных цикла, соответствующих двум учебным семестрам. Цикл 1 (осенний семестр) был сфокусирован на создании устойчивой команды центра из числа студентов-волонтеров, разъяснении её целей и задач и проведения массового опроса среди обучающихся одной школы (факультета) вуза. Из 20 студентов специальности «Социальная работа», изначально выразивших желание участвовать, к концу семестра осталось 9 активных волонтеров.

Целью анкетного опроса, который проводили студенты-волонтеры было выявление студентов с особыми образовательными потребностями (ООП). Из выявленных в среднем 10 % респондентов лишь 2 студента обратились за консультацией, и ни один – за длительным сопровождением. Это указало на разрыв между выявленной потребностью и фактическим обращением и стало одним из оснований для корректировки стратегии практического AR. Данные цикла 1 включали данные анкетного опроса и данных 9 полуструктурированных интервью, анализ данных привел к пересмотру стратегии работы центра с выявления и консультирования инклюзивных студентов на повышение инклюзивной культуры вуза в целом.

Цикл 2 (весенний семестр) включал информационные сессии для студентов и благотворительные мероприятия, направленные на повышение инклюзивной культуры университета. Данные фиксировались через рефлексивные анкеты волонтеров и документацию мероприятий (~10 событий) в сети Instagram. Такая структура: действие, сбор данных, рефлексия, корректировка практики, повторное действие – соответствует ключевым критериям AR-дизайна: цикличности, партисипаторности и ориентации на изменение практики. [6, 7]

Исследование AR предполагает смешанный дизайн: **1. количественный метод** включал в себя анкетный опрос студентов 1-4 курсов Гуманитарной школы университета Нархоз, обучающихся на трех отделениях школы (казахское, русское, английское) (N = 1835). Вид выборки - невероятностная выборка доступности с элементом самоотбора (convenience/self-selection sampling). Студенты-волонтеры Инклюзивного центра последовательно посетили все учебные группы Гуманитарной школы и проводили вначале информационную работу с обучающимися относительно инклюзии в вузе и далее анкетирование **на добровольной основе** среди студентов, присутствовавших на занятиях. Вероятность включения в выборку не была равной и заранее заданной для каждого студента генеральной совокупности. Это и есть основным признаком невероятностного отбора.

Объём выборки составил $n = 369$ респондентов (20,1% генеральной совокупности). Структура выборки:

-по курсу обучения: 1 курс – 164 (44,4%), 2 курс – 88 (23,8%), 3 курс – 81 (22,0%), 4 курс – 36 (9,8%);

-по отделению обучения: группы с казахским языком обучения –70,0%, с русским – 25,7% и английским – 4,3%.

Сопоставление структуры выборки со структурой генеральной совокупности по курсам обучения методом χ^2 -критерия согласия показало статистически значимое отклонение от пропорционального распределения ($\chi^2 = 57,02$; $df = 3$; $p < 0,001$): выборка непропорционально смещена в сторону студентов 1–2 курсов при выраженной недопредставленности студентов 4 курса. Последнее обстоятельство не является критичным, поскольку студенты выпускных курсов даже при наличии инклюзии имели достаточное время для адаптации к учебному процессу вуза.

2. Качественный метод исследования включал- 9 глубинных интервью непосредственно студентов-волонтеров, специальности «Социальная работа», которые организовывали работу Инклюзивного центра по итогам их работы в осеннем семестре и 9 рефлексивных анкет из той же когорты участников AR в конце весеннего семестра.

Анализ интервью и рефлексивных анкет проводился методом тематического анализа по Braun & Clarke. Рекрутинг волонтеров Инклюзивного центра проходил на добровольной основе. В осеннем семестре в работу центра включились 20 студентов, из которых к концу семестра статус активных участников сохранили 9 человек. Они и вошли в финальную выборку качественного исследования.

Достоверность интерпретаций обеспечивалась двумя способами. Во-первых, триангуляцией источников данных: сопоставлением результатов анализа полуструктурированных интервью ($n=9$) и рефлексивных анкет ($n=9$). Во-вторых, независимым кодированием вторым исследователем с последующим расчётом межкодировочного согласия: второй кодировщик самостоятельно формировала первичные коды и темы на основе того же массива данных, независимо от кодировки первого исследователя. Расхождения между кодировщиками обсуждались до достижения согласованной итоговой системы кодов и тем.

Ограничение исследования: формальный member checking (проверка итоговых тем непосредственно с участниками исследования) не проводился.

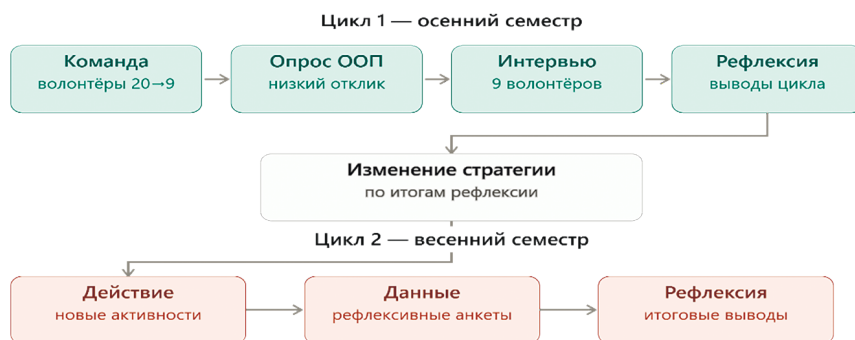

Рисунок-1. Процесс реализации практического AR

Основная часть

Согласно логике AR студенты-волонтеры в осеннем семестре были разделены на микрогруппы, им были розданы презентации об Инклюзивном центре и его целях и задачах. Далее они посещали занятия всех 7-ми специальностей Гуманитарной школы, где изначально разъясняли другим студентам о целях центра и понятии инклюзии также проводили анкетный опрос среди них. Анкетный опрос был представлен студентам на русском и государственном языках и был нацелен на выявление студентов, имеющих особые образовательные (инклюзивные), социальные и иные потребности.

За основу понимания инклюзии преподавателями Инклюзивного центра было взято широкое понимание инклюзии от непосредственно ограничения здоровья до всех форм разнообразия и уязвимости. [8]

Таким образом, анкетный опрос был нацелен на выявление, как лиц с постоянными, так и временными ограничениями здоровья, социально уязвимых студентов - иностранных студентов, студентов- сирот и студентов из многодетных семей, либо семей, находящихся в тяжелой жизненной ситуации.

В практике западных вузов, подобные центры на первом этапе сотрудники Инклюзивных центров выявляют уязвимых студентов, а на втором- оказывают им услугу инклюзивного сопровождения.

Количественная методология

Данные анкетного опроса демонстрируют, что есть небольшая часть студентов, считающих, что у них есть особенности здоровья, которые могут влиять на их обучение-8,4%; более того нуждаются в специальных условиях обучения-6,5% и имеют особые рекомендации от врачей -11,9% обучающихся. Таким образом, в университете Нархоз есть группа студентов, которые могли бы быть получателями услуг Инклюзивного центра.

Таблица-1. Инклюзивные потребности студентов

Вопросы:	Да	Нет	Иногда	Затрудняюсь ответить	Всего
1.Есть ли у Вас особенности здоровья, которые могут влиять на Ваше обучение?	8,4%	85,6%	-	6,0%	100%
2. Нуждаетесь ли Вы в специальных условиях обучения, к примеру Вам нужны адаптированные учебные материалы или тьютор?	6,5%	85,4%	-	8,1%	100%
3. Есть ли у вас особые рекомендации от врача для заботы о своем здоровье (например: прием лекарств, частый отдых, специальное место для восстановления своего самочувствия)?	11,9%	79,4%	8,7%	-	100%

На вопрос о конкретных мерах поддержки студенты отметили в большей степени: Психологическую поддержку- 18,7%; Консультации-10%; Персональные планы поддержки и адаптации в учебе и вне учебы-5,7% и Адаптированные методы обучения-5,1%. Все эти услуги входят в перечень услуг Инклюзивного центра и могут быть реализованы по запросу студентов с особыми образовательными потребностями.

Таблица-2. Какие меры поддержки от университета были бы для Вас полезны при условии, что у вас есть проблемы со здоровьем?

Варианты ответов	Доля, %
Тьютор или волонтер-помощник	3,0%
Вспомогательные технологии для слабослышащих	2,4%
Доступные учебные материалы (в цифровом формате, со шрифтом Брайля)	3,5%
Адаптированные методы обучения от ППС	5,1%
Консультации	10,0%
Персональные планы поддержки в адаптации в учебе и вне учебы	5,7%
Навигация внутри и вне университета	2,4%
Психологическая поддержка	18,7%
Помощь не нужна	46,3%
Другое	2,9%
Всего	100%

К основным трудностям в адаптации в вузе респонденты относят по мере убывания: Психологические трудности-21,9%; Социальные-18,4%; Финансовые-13,82. При этом 61,8% отметили отсутствие каких-либо проблем. Такие данные показывают, что большой пласт проблем студентов не требует финансовых вливаний, а может быть решен при организации эффективных психолого-социальных услуг в вузе.

Таблица-3. Какие трудности в адаптации в университете Вы испытываете?

Варианты ответов	Доля, %
Финансовые	13,82
Психологические	21,9%
Социальные	18,4
Нет никаких трудностей	61,8%
Другое	-
*Сумма превышает 100% поскольку респонденты указали несколько вариантов ответов	

Оценили себя как типичные студенты-58,5%; как студенты из многодетных семей-33,3%; как студент из малообеспеченных семей-2,4% и другое (широкий

спектр инклюзии)-5,8%. Таким образом, следует отметить, что в университете Нархоз действительно существует весома группа студентов, которая нуждается в инклюзивном сопровождении.

Таблица-4. К какой социальной категории Вы себя относите?

Варианты ответов	Доля, %
Типичный студент	58,5%
Студент из многодетной семьи	33,3%
Студент из малообеспеченной семьи	2,4%
Другое	5,8%
Всего	100%

По логике работы инклюзивных структур в вузах первый этап работы со студентами предполагает их выявление, второй –получение консультации и третье- сопровождение через разработку адаптационных планов обучения. Первый этап в университете Нархоз выявил студентов с особыми образовательными потребностями, однако только 2 студента-респондента согласились на получение консультации в Инклюзивном центре. Никто из респондентов не воспользовался услугой разработки адаптационного плана обучения.

Это демонстрирует, что студенты университета не готовы к инклюзивному сопровождению и в университете Нархоз в целом не сложилась реальная инклюзивная культура.

Рефлексия и качественная методология.

Теоретической линзой исследования AR послужила концепция сообществ практиков согласно которой участие в сообществе практиков в большей степени способствует формированию профессиональной идентичности. [1] В целом Инклюзивный центр может рассматриваться как сообщество практиков, поскольку он включал в себя преподавателей, имеющих подготовку в вопросах развития инклюзии в вузах и студентов разных курсов, но одной специальности «Социальная работа». Дополнительно реализовывалось понятие легитимного периферийного участия на практике. [9], в частности, для студентов-волонтеров были организованы условия их постепенного вхождение в профессиональное сообщество через включение в реальную деятельность.

Эмпирическую базу первого цикла практического AR составили девять глубинных интервью, проведенных со всеми студентами-волонтерами центра по итогам осеннего семестра. Анализ данных показал, что **всех студентов-волонтеров объединяет – случайный вход в профессию** через получение студентами «вторичного» шанса на образовательный грант. 7 респондентов на первом этапе исследования демонстрируют амбивалентную профессиональную идентичность, 1 респондент, имея опыт инклюзии использует его для формирования привлекательной профессиональной идентичности и 1 студент отметил неопределенное отношение. Вместе с тем первый опыт инклюзивного волонтерства

позволил студентам-волонтерам по-разному взглянуть на специальность «Социальная работа». 9 студентов-волонтеров отметили более глубокое понимание инклюзивности и 1 студент не связал работу в Инклюзивном центре с ее положительным отношением к профессии. Понимание специальности «Социальная работа» как профессии с широким спектром возможностей показывает, что это условие может быть фактором повышающим привлекательность профессии и изменения профессиональной идентичности среди студентов с негативной, нейтральной на позитивную.

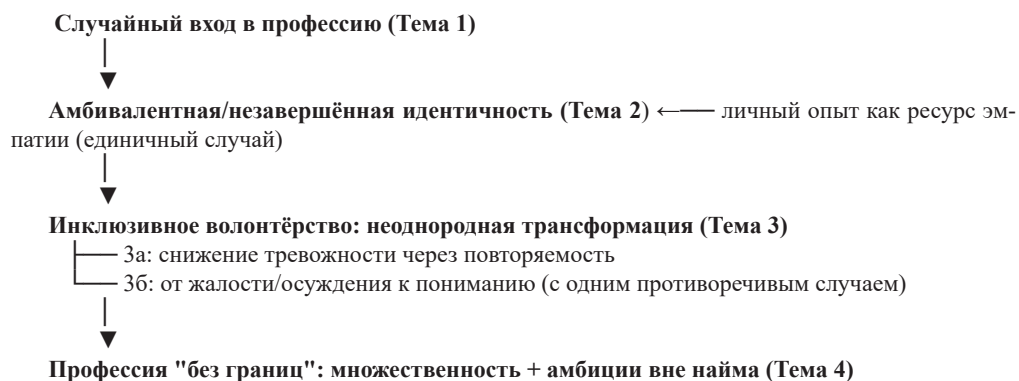

Рисунок-2. Тематический анализ глубинных интервью

Таким образом, анализ интервью выявил четыре темы, каждая из которых организована вокруг собственной центральной идеи. Отношения между темами не носят причинно-объяснительного характера, а отражают взаимосвязанность различных аспектов формирования профессиональной идентичности, зафиксированных в данных: последовательность вхождения в профессию и переживания её незавершённости (Темы 1–2), конкретный практический контекст, в котором эта незавершённость частично прорабатывается (Тема 3), и параллельную, не производную от них ориентацию на профессиональные траектории вне формального найма (Тема 4).

Во втором цикле практического AR студентам-волонтерам было предложено провести ряд социальных активностей для повышения уровня информированности об инклюзии среди обучающихся и развития инклюзивной культуры в университете в целом. Также пятерым студентам Инклюзивного центра была предоставлена возможность пройти учебную практику в реабилитационном центре для детей и подростков «Мейірім». В течение одного месяца, они ассистировали сотрудникам центра и работали с двумя детьми с особенностями здоровья. Эта практика позволила студентам углубить понимание специфики социальной работы в сфере инклюзии.

По результатам деятельности в весеннем семестре студентам-волонтерам было предложено заполнить рефлексивную анкету.

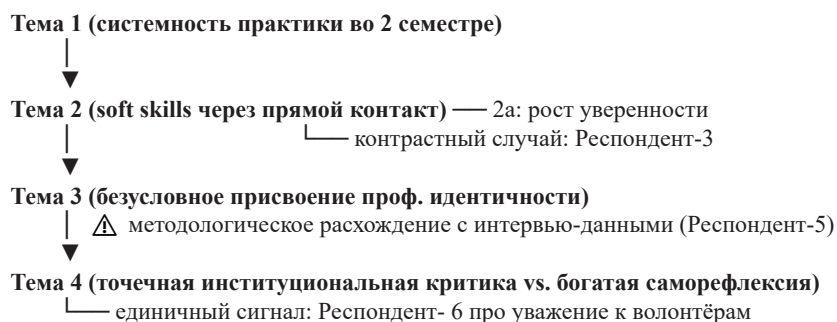

Рисунок-3. Тематический анализ рефлексивных анкет

Анализ данных демонстрирует, что системность и активизация практики в Инклюзивном центре привела к развитию навыков и к присвоению позитивной профессиональной идентичности. Вместе с тем 4 тема показывает отдельный паттерн о точечной институциональной критике, где 5 студентов из 9 формулируют конкретные предложения по улучшению центра – от расширения программного охвата до вопросов статуса волонтеров внутри организации.

В целом, ответы на прямой вопрос о связи волонтерского опыта с будущей профессией (n=9) демонстрируют полное единодушие: все респонденты утвердительно оценивают эту связь, не выражая сомнений или амбивалентности по итогам годового опыта волонтерства. Вместе с тем сопоставление данных рефлексивных анкет с данными полуструктурированных интервью показывает, что этот уровень декларативной уверенности не всегда соответствует более амбивалентной картине профессиональной идентичности, раскрывающейся в развернутом интервью. Это указывает на чувствительность результатов к формату сбора данных, а не на объективно более высокую или низкую степень профессиональной идентификации участников.

Обсуждение

Анализ количественных данных показал, что в университете Нархоз есть небольшая часть студентов, которая имеет особые образовательные потребности и нуждается в дополнительных образовательных мерах и психолого-социальной поддержке. Однако, в университете все еще не сформирована инклюзивная культура этим и объясняется низкая активность студентов в анкетировании, в получении консультации и отказе от инклюзивного сопровождения. Поскольку в Казахстане ни в университетской среде, ни в социуме в целом нет фокуса на инклюзивной культуре, то это может быть дополнительным условием избегания студентами получения статуса –студента с ООП.

В рамках практического AR предполагалось, что студенты-волонтеры после выявления студентов с ООП будут проводить полноценные консультации, разрабатывать индивидуальные адаптационные планы, способствующие их безболезненному вхождению в учебный процесс, однако отсутствие такого запроса привело к корректировке работы волонтеров Инклюзивного центра.

Их работа во втором семестре заключалась в повышении осведомленности студентов об инклюзии в высшей школе и прохождении практики в инклюзивной организации. Согласно данным полуструктурированных интервью и рефлексивных анкет было выявлено изменение в формировании профессиональной идентичности с нейтральной и неопределенной на позитивную и большую роль в этом сыграло сообщество практиков, возникшее на базе Инклюзивного центра. Таким образом, можно утверждать, что в случаях «случайного» выбора профессии студентами создание сообщества практиков позволяет даже в условиях институциональных барьеров формировать позитивную профессиональную идентичность.

В Республике Казахстан среди помогающих профессий самой стигматизированной профессией является социальная работа. Она малоизвестна среди населения, низко оплачивается и способствует высокому риску приобретения эмоционального выгорания среди своих представителей в совокупности практически нет привлекательных факторов для студентов данной специальности. Эти институциональные барьеры и необходимо преодолевать через создание практико-ориентированных образовательных программ по Социальной работе, выпускники которых приобретают весомый практический опыт в период обучения в вузе и уникальные навыки социальной работы, к примеру, как в кейсе Нархоз – навыки работы с инклюзивными людьми. В такой комбинации представляется возможным формирование положительной профессиональной идентичности и сохранения молодых кадров в профессии.

Схожие исследования по данной тематике проводились несколькими зарубежными учеными. В частности, в работе Yao, H.-Y. говорится о том, что профессиональная идентичность формируется постепенно и также подтверждается важная роль практического опыта в сочетании с внешним подтверждением, когда профессиональные социальные работники признают молодых специалистов. [10]

В исследовании Азимбека А. и Сламбековой Т. утверждается влияние волонтерского опыта на формирование когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов профессионального самосознания будущих социальных педагогов. [11]

С учетом того, что работа студентов в Инклюзивном центре осуществлялась на волонтерских началах и будет продолжаться в последующие годы, то проведение анализа познавательных, поведенческих компонентов профессиональной идентичности среди студентов-волонтеров Нархоз необходим.

В другой работе Findyartini, A. по результатам смешанных методов исследования было выявлено как запускается механизм формирования профессиональной идентичности среди обучающихся через внутреннюю или внешнюю мотивации. На наш взгляд, сочетание обоих факторов может обеспечить устойчивость индивидов в профессии. В нашем исследовании только у одного студента-волонтера была внутренняя мотивация к становлению себя в качестве социального работника вначале практического AR, но опыт в сообществе практиков показал, что по итогу исследования число таких студентов увеличилось с одного до семи. [12]

В работе же Zhao, H. основным результатом является то, что практика оказала влияние на рост внутренней ценностной идентичности (содержание и стиль работы) в то время, как внешняя ценностная идентичность, связанная с условиями труда и доходом у студентов не изменилась. Наставничество также способствовало развитию профессиональной идентичности практикантов. [13]

В опыте практического AR в Нархоз университете такими наставниками и «инклюзивным полем» для практики был реабилитационный центр для детей и подростков Мейрим, где студенты получили реальный опыт ведения социальной работы с инклюзивными клиентами. В рефлексивной анкете 5 студентов отметили этот опыт как важный в изменении оценки своей профессиональной идентичности и в целом относительно своей будущей специальности.

В целом, полученные результаты исследования следует интерпретировать с учётом ряда особенностей его дизайна. Во-первых, выборка активных участников была небольшой, и она сократилась с 20 до 9 волонтеров. Вместе с тем специфика исследований в логике Action Research заключается в том, что они контекстно-специфичны, их цель – понимание и изменение практики в конкретном институциональном контексте Kemmis & McTaggart. [7] Соответственно, следует говорить не об ограничении, а о переносимости (transferability) полученных данных на другие вузы или группы, имеющие сходный контекст.

Заключение

Основные выводы по результатам исследования таковы: на этапе поступления большинство студентов слабо осведомлены о содержании специальности «Социальная работа». Ведущим мотивом их выбора при поступлении было желание получить государственный грант в одном из ведущих университетов страны, а не глубокий интерес к будущей профессии. Таким образом, исходная профессиональная идентичность участников была преимущественно «неопределенной» в лучшем случае нейтральной и находилась еще на стадии своего формирования.

Вместе с тем практически все студенты-волонтеры Инклюзивного центра отметили личностные трансформации, связанные с профессиональным осмыслением идей равенства и социальной справедливости, а также с желанием быть полезными обществу. Участие в проектах Инклюзивного центра способствовало развитию у студентов-волонтеров коммуникативных компетенций и формированию системного интереса к теме инклюзии. В частности, одна из респонденток отметила, что стала чаще оценивать городскую инфраструктуру с точки зрения её доступности для людей с инвалидностью, что свидетельствует о переносе профессиональной оптики в повседневную практику.

Все респонденты единодушно указали, что в целом практика является наиболее важным и действенным способом погружения в профессию и инструментом проверки того, готов ли студент в дальнейшем работать в данной сфере. Одновременно все участники отметили нехватку практических часов полевой работы. Студенты третьего курса демонстрировали более стабильный уровень профессиональной идентичности, что объясняется их более высоким образовательным

и практическим опытом в социальной сфере; студенты первого же курса к окончанию исследования прослушали лишь три профильных курса.

Существенное влияние на профессиональную мотивацию оказывал опыт личной инклюзии - ситуации, когда сам студент либо его близкие сталкивались с инклюзивным опытом. Студенты, прошедшие практику в реабилитационном центре «Мейірім», показали более высокую степень погружения в рабочие процессы и более высокий уровень профессионального осознания по сравнению с остальными участниками.

Опрос студентов всех курсов Гуманитарной школы выявил, что в университете есть обучающиеся, которые испытывают трудности в обучении и они связаны с инклюзией, однако эти студенты не готовы открыто говорить о своих особых образовательных потребностях и тем более принимать помощь. Это указывает на то, что в Университете Нархоз все еще не сложилась полноценная инклюзивная культура, несмотря на наличие в нем элементов инклюзивной инфраструктуры.

Анализ рефлексивных анкет девяти студентов показал, что разнообразные активности центра оказались полезны как для самих волонтеров, так и для других студентов вуза. В целом, если по итогам первого семестра лишь у трёх из девяти респондентов профессиональная идентичность оценивалась как «полная», у остальных только, как частичная, то активизация работы центра во втором семестре изменила самооценку профессиональной идентичности студентов-волонтеров. Результаты рефлексивных анкет показали, что из девяти волонтеров у семи отмечено усиление профессиональной идентичности и у двоих респондентов она частичная. Практически все участники указали, что мероприятия, посещение социальных организаций и практика в реабилитационном центре помогли им лучше понять свою профессию и поменять свое отношение к специальности с неопределенной, нейтральной на позитивную идентичность.

Полученные результаты согласуются с положениями концепции сообществ практиков, то есть включение студентов в совместную деятельность Инклюзивного центра обеспечило не столько передачу знаний, сколько проживание профессиональных смыслов и постепенное принятие профессиональной роли. Динамика от частичной к более выраженной идентичности у семи из девяти волонтеров иллюстрирует логику легитимного периферийного участия, при которой новичок осваивает профессию через возрастающую вовлечённость в реальную практику сообщества.

Методология исследования в действии позволила объединить производство знания с практическим преобразованием образовательной среды: цикл рефлексии и действия не только зафиксировал состояние профессиональной идентичности, но и создал условия для её развития через мероприятия, стажировки и работу самого центра. Более высокий уровень профессионального осознания у студентов, прошедших практику в центре «Мейірім», подтверждает решающую роль непосредственного полевого опыта.

Результаты указывают на необходимость проведения замеров профессиональной идентичности при подготовке специалистов социальной работы. Необходимо расширение практической части обучения и развитие дуальных образо-

вательных программ, стажировок и полевых практик с первого года обучения. Целесообразно расширять базы для полевых практик, включая не только социальные организации города Алматы, но и регионов. Важным результатом стало выявление низкой степени готовности всех студентов университета Нархоз открыто заявлять о своих особых образовательных потребностях, что говорит о необходимости формирования полноценной инклюзивной культуры в вузе.

Список литературы

1. Wenger, E. *Communities of Practice: Learning, Meaning, and Identity* / E. Wenger. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 318 p.
2. Carr, W. *Becoming Critical: Education, Knowledge and Action Research* / W. Carr, S. Kemmis. – London: Falmer Press, 1986. – 249 p.
3. Braun, V. *Using Thematic Analysis in Psychology* / V. Braun, V. Clarke // *Qualitative Research in Psychology*. – 2006. – Vol. 3, № 2. – P. 77–101.
4. В Казахстане растёт численность детей с инвалидностью. Как государство помогает им [Электронный ресурс] // *Kursiv.kz*. – 28.05.2024. – URL: <https://kz.kursiv.media/2024-05-28/zhrb-kz-inv-bkt/> (дата обращения: 01.08.2026).
5. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам инклюзивного образования: Закон Республики Казахстан от 26 июня 2021 года № 56-VII ЗПК [Электронный ресурс]. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2100000056> (дата обращения: 26.07.2026).
6. Lewin, K. *Action Research and Minority Problems* / K. Lewin // *Journal of Social Issues*. – 1946. – Vol. 2, № 4. – P. 34–46.
7. Kemmis, S. *The Action Research Planner: Doing Critical Participatory Action Research* / S. Kemmis, R. McTaggart, R. Nixon. – Singapore: Springer, 2014. – 179 p.
8. Göransson, K. *Conceptual diversities and empirical shortcomings – a critical analysis of research on inclusive education* / K. Göransson, C. Nilholm // *European Journal of Special Needs Education*. – 2014. – Vol. 29, № 3. – P. 265–280.
9. Lave, J. *Situated Learning: Legitimate Peripheral Participation* / J. Lave, E. Wenger. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – 138 p.
10. Yao, H.-Y. *Social Work Professional Identity Development in International Students and Graduates* / H.-Y. Yao [и др.] // *Australian Social Work*. – 2025. – P. 251–264.
11. Azimbek, A. *The role of volunteer activity in the professional development of future social educators* / A. Azimbek, T. Slambekova // *Scientific Herald of Uzhhorod University. Series "Physics"*. – 2024. – Iss. 55. – P. 613–621.
12. Findyartini, A. *Professional identity formation of medical students: A mixed-methods study in a hierarchical and collectivist culture* / A. Findyartini [и др.] // *BMC Medical Education*. – 2022. – Vol. 22, Art. 443. – P. 1–14.
13. Zhao, H. *The Influence of Field Teaching Practice on Pre-service Teachers' Professional Identity: A Mixed Methods Study* / H. Zhao, X. Zhang // *Frontiers in Psychology*. – 2017. – Vol. 8, Art. 1264. – P. 1–11.

Transliteration

1. Wenger, E. *Communities of Practice: Learning, Meaning, and Identity* / E. Wenger. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 318 p. (in Eng)
2. Carr, W. *Becoming Critical: Education, Knowledge and Action Research* / W. Carr, S. Kemmis. – London: Falmer Press, 1986. – 249 p. (in Eng)

- 3 Braun, V. Using Thematic Analysis in Psychology / V. Braun, V. Clarke // *Qualitative Research in Psychology*. – 2006. – Vol. 3, № 2. – P. 77–101. (in Eng)
- 4 V Kazakhstane rastet chislennost' detey s invalidnost'yu. Kak gosudarstvo pomogaet im [The number of children with disabilities is growing in Kazakhstan. How the state helps them] [Elektronnyy resurs] // *Kursiv.kz*. – 28.05.2024. – URL: <https://kz.kursiv.media/2024-05-28/zhrb-kz-inv-bkt/> (data obrashcheniya: 01.08.2026). (in Russ)
- 5 O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v nekotorye zakonodatel'nye akty Respubliki Kazakhstan po voprosam inklyuzivnogo obrazovaniya [On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Republic of Kazakhstan on Issues of Inclusive Education]: Zakon Respubliki Kazakhstan ot 26 iyunya 2021 goda № 56-VII ZRK [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2100000056> (data obrashcheniya: 26.07.2026). (in Russ)
- 6 Lewin, K. Action Research and Minority Problems / K. Lewin // *Journal of Social Issues*. – 1946. – Vol. 2, № 4. – P. 34–46. (in Eng)
- 7 Kemmis, S. The Action Research Planner: Doing Critical Participatory Action Research / S. Kemmis, R. McTaggart, R. Nixon. – Singapore: Springer, 2014. – 179 p. (in Eng)
- 8 Göransson, K. Conceptual diversities and empirical shortcomings – a critical analysis of research on inclusive education / K. Göransson, C. Nilholm // *European Journal of Special Needs Education*. – 2014. – Vol. 29, № 3. – P. 265–280. (in Eng)
- 9 Lave, J. Situated Learning: Legitimate Peripheral Participation / J. Lave, E. Wenger. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – 138 p. (in Eng)
- 10 Yao, H.-Y. Social Work Professional Identity Development in International Students and Graduates / H.-Y. Yao [et al.] // *Australian Social Work*. – 2025. – P. 251–264. (in Eng)
- 11 Azimbek, A. The role of volunteer activity in the professional development of future social educators / A. Azimbek, T. Slambekova // *Scientific Herald of Uzhhorod University. Series "Physics"*. – 2024. – Iss. 55. – P. 613–621. (in Eng)
- 12 Findyartini, A. Professional identity formation of medical students: A mixed-methods study in a hierarchical and collectivist culture / A. Findyartini [et al.] // *BMC Medical Education*. – 2022. – Vol. 22, Art. 443. – P. 1–14. (in Eng)
- 13 Zhao, H. The Influence of Field Teaching Practice on Pre-service Teachers' Professional Identity: A Mixed Methods Study / H. Zhao, X. Zhang // *Frontiers in Psychology*. – 2017. – Vol. 8, Art. 1264. – P. 1–11. (in Eng)

Авторлар туралы мәлімет / Сведения об авторах / Information about authors

Италмасова Раушан Балтабаевна	Доктор социологических наук, ассоциированный профессор НАО Университет Нархоз, Алматы, Казахстан, email: raushan. italmasova@narhoz.kz, ORCID ID 0000-0001-7076-6421
Орынбасар Жансая	Магистр социальных наук, преподаватель НАО Универси- тет Нархоз, Алматы, Казахстан, email: zhansaya.orynbassar@ narhoz.kz ORCID ID 0009-0004-3026-2105
Италмасова Раушан Балтабаевна	Әлеуметтану ғылымдарының докторы, «Нархоз Универ- ситеті» КЕАҚ қауымдастырылған профессоры, Алматы, Қазақстан, email: raushan.italmasova@narhoz.kz, ORCID ID 0000-0001-7076-6421
Орынбасар Жансая	Әлеуметтік ғылымдар магистрі, «Нархоз Университеті» КЕАҚ оқытушысы, Алматы, Қазақстан, email: zhansaya. orynbassar@narhoz.kz, ORCID ID 0009-0004-3026-2105
Italmassova Raushan Baltabaevna	Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, NJSC Narhoz University, Almaty, Kazakhstan, email: raushan. italmasova@narhoz.kz, ORCID ID 0000-0001-7076-6421
Orynbasar Zhansaya	Master of Social Sciences, Lecturer, NJSC Narhoz University, Almaty, Kazakhstan, email: zhansaya.orynbassar@narhoz.kz ORCID ID 0009-0004-3026-2105

СТУДЕНТТЕРДІҢ БІЛІМ БЕРУ ОРТАСЫНА ҚАНАҒАТТАНУЫ ЖӘНЕ УНИВЕРСИТЕТКЕ АДАЛДЫҒЫ

¹Әбубәкір ӘБИДИН, ²София ДҮЙСЕНОВА

¹ Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан
² Ш. Есенов атындағы Каспий технологиялар және инжиниринг университеті,
Ақтау, Қазақстан
duisenovas@gmail.com

Осы мақалаға сілтеме: Әбидин Ә.Н., Дүйсенова С.М. Студенттердің білім беру ортасына қанағаттануы және университетке адалдығы // *SOCIOLOGY.KZ*. – 2026. – №3(3). – С.148 – 157.
<https://doi.org/10.48010/2026.3/sskz.32>

Андатпа. Бұл мақалада Қазақстандағы жоғары оқу орындарындағы студенттердің білім беру ортасына қанағаттануы және университетке деген адалдығы қарастырылады. Зерттеудің эмпирикалық негізі Google Forms платформасын пайдаланып жүргізілген қазақстандық жоо-нан келген 1125 студенттің онлайн сауалнамасының нәтижелері болды. Зерттеу білім беру ортасының әртүрлі компоненттерін, соның ішінде оқыту сапасын, оқытушылар және университеттің құрылымдық бөлімдері арасындағы өзара әрекеттесуді, академиялық мүмкіндіктерді, инфрақұрылымды, білім беру процесін ұйымдастыруды және әлеуметтік-тұрмыстық жағдайларды бағалауды қамтыды. Эмпирикалық деректерді өңдеу үшін сипаттамалық статистика және Спирман корреляциялық талдауы қолданылды. Университетке деген адалдықтың көрсеткіші ретінде студенттердің өз жоғары оқу орнын басқаларға ұсынуға дайындығы алға тартылды. Нәтижелер студенттердің тұлғааралық және академиялық өзара әрекеттесуді, оқытушылардың кәсіби біліктілігін және академиялық ресурстардың қолжетімділігін ең жоғары бағалағанын көрсетті. Инфрақұрылымның жеке компоненттері мен әлеуметтік-тұрмыстық жағдайлар үшін орташа бағалар алынды. Университетті ұсынуға дайындық пен қарастырылып отырған білім беру ортасының сипаттамалары арасында статистикалық тұрғыдан маңызды оң байланыстар анықталды. Алынған нәтижелер студенттер тәжірибесінің күшті жақтарын көруге және университет ортасын жақсарту бағыттарын анықтауға мүмкіндік береді. Зерттеу нәтижелерін жоғары оқу орындары студенттердің оқу жағдайларына қанағаттанушылығын арттыруға және білім беру ортасының сапасын жақсартуға бағытталған шараларды әзірлеуде пайдалана алады.

Түйін сөздер: жоғары білім, студенттердің қанағаттануы, білім беру жүйесіндегі адалдық, оқыту сапасы, білім беру ортасы, академиялық дербестік

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ СТУДЕНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДОЙ И ЛОЯЛЬНОСТЬ К УНИВЕРСИТЕТУ

¹Абубакир АБИДИН, ²София ДҮЙСЕНОВА

¹Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,
Астана, Казахстан

²Каспийский университет технологий и инжиниринга имени Ш. Есенова,
Актау, Казахстан

STUDENT SATISFACTION WITH THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT AND LOYALTY TO THE UNIVERSITY

¹Abubakir ABIDIN, ²Sofia DUSENOVA

¹Eurasian National University named after L. N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan

²S. Caspian University of Technology and Engineering named after Sh. Yessenov,
Aktau, Kazakhstan

Аннотация. В статье рассматриваются удовлетворенность студентов образовательной средой и лояльность к университету в высших учебных заведениях Казахстана. Эмпирическую базу исследования составили результаты онлайн-опроса 1125 студентов казахстанских вузов, проведенного с использованием платформы Google Forms. Исследование охватывало оценки различных компонентов образовательной среды, включая качество преподавания, взаимодействие с преподавателями и структурными подразделениями университета, академические возможности, инфраструктуру, организацию учебного процесса и социально-бытовые условия. Для обработки эмпирических данных применялись методы описательной статистики и корреляционный анализ Спирмена. В качестве индикатора лояльности к университету использовалась готовность студентов рекомендовать свое высшее учебное заведение другим. Результаты показали, что наиболее высоко студенты оценивают межличностное и академическое взаимодействие, профессиональную квалификацию преподавателей и доступность академических ресурсов. Более сдержанные оценки получили отдельные компоненты инфраструктуры и социально-бытовых условий обучения. Установлены статистически значимые положительные взаимосвязи между готовностью рекомендовать университет и рассматриваемыми характеристиками образовательной среды. Полученные результаты позволяют выявить сильные стороны студенческого опыта и определить направления совершенствования университетской среды.

Abstract. This article examines student satisfaction with the educational environment and university loyalty in higher education institutions in Kazakhstan. The empirical basis of the study was the results of an online survey of 1,125 students from Kazakhstani universities, conducted using the Google Forms platform. The study covered assessments of various components of the educational environment, including the quality of teaching, interaction with faculty and university departments, academic opportunities, infrastructure, organization of the educational process, and social and living conditions. Descriptive statistics and Spearman correlation analysis were used to process the empirical data. Students' willingness to recommend their higher education institution to others was used as an indicator of university loyalty. The results showed that students rated interpersonal and academic interactions, the professional qualifications of faculty, and the availability of academic resources most highly. More moderate assessments were received for individual components of infrastructure and social and living conditions. Statistically significant positive relationships were found between willingness to recommend the university and the educational environment characteristics under consideration. The obtained results allow us to identify the strengths of the student experience and identify areas for improving the university environment. The results of the study can be used by higher education institutions in developing measures aimed at increasing student satisfaction with learning conditions and improving the quality of the educational environment.

Результаты исследования могут быть использованы высшими учебными заведениями при разработке мер, направленных на повышение удовлетворенности студентов условиями обучения и совершенствование качества образовательной среды.

Ключевые слова: высшее образование, удовлетворенность студентов, честность в системе образования, качество обучения, образовательная среда, академическая автономность.

Key words: higher education, student satisfaction, educational loyalty, teaching quality, educational environment, academic autonomy

Кіріспе

Жаһандану тереңдеп, университеттер арасындағы бәсекелестік күшейген сайын, студенттердің қанағаттануы мен академиялық адалдығы жоғары білім берудегі маңызды өлшемдер ретінде пайда болуда. Жоғары оқу орындары студенттерді тартуға ғана емес, сонымен қатар оларды ұстап тұруға да тырысады, ұзақ мерзімді академиялық қарым-қатынастар мен университеттің оң имиджін қалыптастырады. Сондықтан студенттердің қанағаттануы мен академиялық адалдығына ықпал ететін факторларды зерттеу жоғары білім берудегі зерттеудің маңызды саласына айналууда.

Зерттеулер студенттердің қанағаттануы білім беру қызметтерінің сапасы мен университеттердің тиімділігінің негізгі көрсеткіші екенін көрсетеді. Masserini L. (2019) мәліметтері бойынша, оқыту сапасы, білім беру процесін ұйымдастыру және академиялық қызметтер студенттердің білім беру тәжірибесін қабылдауына айтарлықтай ықпал етеді [1, 91 б.]. Осындай тұжырымдар Ahmad A. (2021) зерттеуінде келтірілген, онда білім беру қызметтерінің сапасы мен студенттерді қолдау, олардың қанағаттанушылығын қалыптастыруда маңызды факторлар екені көрсетілген [2, 50 б.].

Студенттердің қанағаттанушылығының тағы бір маңызды аспектісі – білім беру бағдарламаларының еңбек нарығының талаптарына сәйкестігі. Қазақстанның жоғары білім беру жүйесін зерттеу оқу бағдарламаларын кәсіби талаптармен үйлестіру және тәжірибеге бағытталған оқытуды дамыту студенттердің қанағаттануы мен жұмысқа орналасуын жақсартатынын атап өтеді [3, 37 б.]. Бұл тұрғыда теориялық оқытуды практикалық оқытумен біріктіретін дуалды оқытуды енгізу ерекше маңызды. Доскеева және т.б. (2024) мәліметтері бойынша, практикалық оқыту студенттердің қанағаттанушылығын 40% астамға арттыра алады, бұл тәжірибеге бағытталған білім беру модельдерінің маңыздылығын растайды [4, 143 б.].

Академиялық факторлардан басқа, студенттердің қанағаттануында университеттің беделі мен имиджі маңызды рөл атқарады. Позитивті институционалдық имидж студенттердің сенімін арттырады және олардың университетті басқаларға ұсынуға дайындығын арттырады [5, 65 б.]. Академиялық беделі жоғары және халықаралық ынтымақтастығы мықты университеттерді студенттер көбінесе тартымды оқу орындары ретінде қабылдайды [1, 102 б.].

Студенттердің оқу процесіне қатысуы оқушылардың қанағаттанушылығына әсер ететін тағы бір маңызды факторды білдіреді. Студенттердің академиялық

және сыныптан тыс жұмыстарға белсенді қатысуы университет қауымдастығына қатыстылық сезімін оятады және олардың академиялық адалдығын нығайтады [6, 10 б.]. Университетке деген эмоционалды байланыс пен сенім студенттер мен оқу орындары арасындағы тұрақты қарым-қатынасты нығайтудың маңызды элементтері болып табылады [7, 191 б.].

Бұл мақалада академиялық адалдық студенттің өз университетіне деген оң көзқарасы ретінде анықталады, бұл ең алдымен оны жақсы оқу орны ретінде ұсынуға дайындығында көрінеді.

Бұл зерттеудің ғылыми жаңалығы Қазақстандағы студенттердің үлкен аймақаралық үлгісін пайдалана отырып, студенттердің білім беру ортасының әртүрлі компоненттеріне қанағаттанушылығын және олардың академиялық адалдықпен байланысын кешенді эмпирикалық зерттеуде жатыр. Бұл зерттеу академиялық өзара әрекеттесуді, инфрақұрылымды және университет қызметтерін бағалауды салыстырады және білім беру ортасының қандай сипаттамалары студенттердің өз университетін ұсынуға дайындығымен тығыз байланысты екенін анықтайды.

Зерттеудің мақсаты Қазақстандағы жоғары оқу орындарындағы білім беру ортасының әртүрлі компоненттеріне студенттердің қанағаттанушылығын бағалау және бұл бағалаулар мен студенттердің академиялық адалдығы арасындағы статистикалық байланыстарды анықтау болып табылады.

Зерттеу әдіснамасы

Зерттеуде сандық тәсіл қолданылды. Эмпирикалық база 2025 жылдың қазан айынан 2026 жылдың ақпан айына дейін Google Forms платформасын пайдаланып жүргізілген Қазақстандағы жоғары оқу орындарының студенттеріне онлайн сауалнама жүргізу деректері негізінде жүзеге асырылды. Зерттеуге елдің әртүрлі аймақтарынан барлығы 1125 студент қатысты.

Сауалнамаға қатысу ерікті болды. Іріктеудің аймақтық құрылымын қалыптастыру кезінде өңірлер бойынша ЖОО студенттерінің саны туралы ресми статистика ескерілді; әр өңірден респонденттер саны тиісті студенттер контингенті мөлшеріне пропорционалды түрде анықталды. Зерттеуге Орталық, Оңтүстік, Солтүстік, Шығыс және Батыс Қазақстандағы, соның ішінде Алматы, Астана, Шымкент, Семей, Ақтау, Ақтөбе, Павлодар және басқа да қалалардағы университеттердің студенттері қатысты.

Іріктеменің әлеуметтік-демографиялық құрамы респондент әйелдердің басым болуын көрсетеді (71,3%, 802 адам), ал ерлер 28,7% (323 адам) құрады. Қатысушылардың көпшілігі университеттің дәстүрлі жас тобына жататын: 57,3% 17-19 жас аралығында, 40,1% 20-22 жас аралығында, ал осы топтан үлкен студенттер іріктеудің 3% құрады.

Деректерді жинау құралы ретінде бірнеше тақырыптық бөлімдерден тұратын құрылымдық сауалнама қызмет етті. Сауалнама сұрақтары оқытудың сапасын, білім беру ортасын, оқу процесін ұйымдастыруды, студенттердің қанағаттануын, академиялық адалдық көрсеткіштерін бағалады. Көптеген көрсеткіштерді өлшеу үшін респонденттердің мәлімдемелермен келісуін сандық бағалауға мүмкіндік беретін 5-баллдық Лайкерт шкаласы қолданылды.

Мақалада қанағаттану білім беру ортасының жеке сипаттамаларын және оқу жағдайларын бағалау арқылы жүзеге асырылады. Білім берудегі адалдық «Өз университетін басқаларға жақсы оқу орны ретінде ұсынуға дайындық» индикаторымен көрсетілген.

Эмпирикалық деректерді өңдеу үшін сипаттамалық статистика және корреляциялық талдау қолданылды. Сипаттамалық статистика іріктеу құрылымын, респонденттердің жауаптарының таралуын сипаттау және зерттеу көрсеткіштерінің орташа мәндерін анықтау үшін қолданылды. Корреляциялық талдау білім беру ортасының зерттелген сипаттамалары мен алынған көрсеткіштер арасындағы статистикалық байланыстардың күші мен бағытын анықтау үшін қолданылды. Деректерді статистикалық өңдеу SPSS 22 бағдарламалық жасақтамасының көмегімен жүргізілді.

Зерттеу нәтижелері

Зерттеуге Қазақстанның әр өңірінен 1125 студент қатысты. Респонденттердің ең көп үлесі Оңтүстік Қазақстаннан келген – 521 адам (46,3%). Орталық Қазақстан – 235 студент (20,9%), Батыс – 215 (19,1%), Шығыс – 104 (9,2%), Солтүстік – 50 студент (4,4%) қатысты. Бұл бөлу аймақаралық қамтуды қамтамасыз етеді, бірақ іріктеуді ықтималдық таңдау процедурасы туралы ақпаратсыз Қазақстандағы студенттердің барлық тұрғындарының статистикалық өкілі ретінде қарастыруға автоматты түрде негіз бермейді.

Барлық аймақтық іріктеуде әйелдер басым болды. Зерттеуге барлығы 802 әйел және 323 ер адам қатысты. Іріктеуде бакалавриаттың барлық төрт жылының студенттері ұсынылды, бірінші және екінші курс студенттері ең белсенді қатысушылар екені көрсетілді.

Кесте-1. Оқытушыларды таңдау мүмкіндігі, %

Жауаптар нұсқасы	N	%
Иә, әр пән бойынша бірнеше оқытушы ұсынылады, мен оларды өзім таңдаймын	190	16,9
Иә, бірақ тек кейбір курстарды таңдай аласыз	62	5,5
Ішінара: таңдауды топ бірлесіп жасайды	74	6,6
Оқытушыны кафедраның немесе деканаттың келісімімен таңдай аласыз	53	4,7
Ресми түрде таңдау бар, бірақ ол кестемен шектелген	47	4,2
Жоқ, университет оқытушыларды тағайындайды	517	46,0
Жоқ, тек пәнді таңдай аласыз, оқытушыны емес	28	2,5
Таңдау сирек ұсынылады	36	3,2
Таңдау ресми түрде, нақты еркіндік жоқ.	57	5,1
Білмеймін	61	5,4
Барлығы	1125	100,0

Респонденттердің жартысына жуығы (46,0%) оқытушылар құрамын университет тағайындайтынын және басқа таңдау жоқ екенін көрсетті. Студенттердің тек 16,9%-ы ғана бірнеше қолжетімді нұсқалардың ішінен оқытушыны өз бетінше таңдау мүмкіндігі туралы хабарлады. Қалған жауаптар ішінара, шектеулі немесе ресми іріктеу механизмдерін көрсетеді. Бұл нәтижелер студенттердің оқытушыны таңдаудағы академиялық дербестігінің шектеулі екенін көрсетеді (1-Кесте).

Кесте-2. Оқу жағдайлары мен білім беру ортасының орташа бағалары, %

Көрсеткіштер	Орташа мәні	N
Университеттегі бос уақытты ұйымдастыру	3,61	1125
Аудиториялардағы техникалық жабдықтар	3,67	1125
Жатақханада тұру жайлылығы	3,57	1125
Заманауи оқу құралдары	3,70	1125
Оқытушылармен өзара әрекеттесу	3,91	1125
Кафедра/деканатпен өзара әрекеттесу	3,85	1125
Студенттік ғылыми жобаларға қатысу мүмкіндігі	3,90	1125
Курстастармен өзара әрекеттесу	4,11	1125
Университет ұсынатын жеңілдіктер	3,80	1125
Басқа университет студенттерімен өзара әрекеттесу	3,89	1125
Басқаларға университетті ұсынуға дайын болу	3,86	1125
Оқытушылардың кәсіби біліктілігі	4,06	1125
Тегін спорт секциялары	3,74	1125
Қолжетімді асхана	3,56	1125
Медициналық орталық	3,66	1125
Отбасы бар студенттерге қолдау көрсету	3,73	1125
Кітапхана қоры	3,92	1125

Ең жоғары орташа баға курстастармен өзара әрекеттесуге берілді (4,11), одан кейін оқытушылардың кәсіби біліктілігі (4,06), кітапхана қорына (3,92), оқытушылармен өзара әрекеттесуге (3,91) және студенттердің ғылыми жобаларына қатысу мүмкіндігі (3,90). Бұл көрсеткіштер сауалнамаға қатысқан университеттердегі студенттер тәжірибесінің күшті жақтарын сипаттайды.

Ең төменгі орташа бағалар асхананың қолжетімді болуы (3,56), жатақханада тұру жайлылығы (3,57), бос уақытты өткізу (3,61), медициналық орталықтың жұмысы (3,66) және аудиториялардың техникалық жабдыкталуы (3,67) бойынша тіркелді. 5-баллдық шкала бойынша орташа нүктеден жоғары болса да, бұл салаларды университет ортасын жақсартудың әлеуетті салалары деп санауға болады.

Өз университетін басқаларға жақсы білім беру мекемесі ретінде ұсынуға дайындықтың орташа бағасы 3,86 болды. Бұл көрсеткіш зерттеуде білім беру саласындағы адалдықтың көрсеткіші ретінде қолданылады және респонденттердің өз университеттеріне деген жалпы оң көзқарасын көрсетеді (2-Кесте).

**Кесте-3. Білім беру ортасының сипаттамаларының білім беру адалдығымен
өзара корреляциясы**

Көрсеткіш	ρ Спирмен	p
Оқытушының кәсіби біліктілігі	0,819	<0,001
Оқытушыларымен өзара әрекеттесу	0,802	<0,001
Университет ұсынатын жеңілдіктер	0,778	<0,001
Студенттік ғылыми жобаларға қатысу мүмкіндігі	0,774	<0,001
Кафедралармен/деканаттармен өзара әрекеттесу	0,773	<0,001
Кітапхана қоры	0,769	<0,001
Заманауи оқу құралдары	0,768	<0,001
Аудиториялардағы техникалық жабдықтар	0,765	<0,001
Ескерту: коэффициенттер «Өз университетіңізді басқаларға жақсы оқу орны ретінде ұсыну» көрсеткішіне қатысты есептеледі; N=1125.		

Спирманның корреляциялық талдауы университетті ұсынуға дайындық пен білім беру ортасының барлық талданған сипаттамалары арасында статистикалық тұрғыдан маңызды оң байланыстарды анықтады ($N=1125$; $p<0,001$). Ең мықты байланыс оқытушылардың кәсіби біліктілігімен ($\rho=0,819$) және оқытушыларымен өзара әрекеттесумен ($\rho=0,802$) анықталды. Университет ұсынатын жеңілдіктермен ($\rho=0,778$), студенттердің ғылыми жобаларына қатысу мүмкіндігімен ($\rho=0,774$), кафедрамен/деканатпен өзара әрекеттесумен ($\rho=0,773$), кітапхана қорымен ($\rho=0,769$), заманауи оқу құралдарымен ($\rho=0,768$) және аудиториялардың техникалық жабдықталуымен ($\rho=0,765$) де маңызды байланыстар анықталды. Бұл нәтижелер білім беру ортасының оң бағаларының университетті ұсынуға дайындықтың жоғарылығымен сәйкес келетінін көрсетеді (3-кесте).

Талқылау

Нәтижелер студенттердің тұлғааралық және академиялық өзара әрекеттесуді оң бағалайтынын көрсетеді. Курстастарымен өзара әрекеттесу жоғары орташа мәнге (4,11), ал оқытушылардың кәсіби біліктілігі 4,06 мәнге ие болды. Оқытушылармен өзара әрекеттесу де жоғары бағаланды (3,91). Бұл авторлардың оқу сапасы мен өзара әрекеттесудің оң білім беру тәжірибесін қалыптастырудағы рөлін атап көрсететін тұжырымдарымен сәйкес келеді [1, 97 б., 8, 87 б., 9, 188 б., 10, 45 б.]. Сонымен қатар, Ма Х. пен Mustapha S. M. (2025) академиялық қанағаттанушылық зерттеулерінің жүйелі шолуында бұл құбылыстың көп өлшемді сипатын және студенттердің білім алу тәжірибесінің әртүрлі сипаттамаларының маңыздылығын атап көрсетеді [11, 415 б.].

Зерттеу жобаларына қатысу мүмкіндіктеріне (3,90) және кітапхана қорына (3,92) берілген жоғары бағалар аудиториядағы оқудан тыс академиялық ортаның маңыздылығын көрсетеді. Мұндай ресурстар студенттердің қатысуын және университет қауымдастығына тиесілілік сезімін қолдайды, бұл Santini және т.б. (2024) мен Soedijati (2013) зерттеулерінің нәтижелеріне сәйкес келеді [6, 15 б., 7, 195 б.].

Зерттеу нәтижесі университеттің назарын қажет ететін салаларды көрсетеді. Ең төменгі көрсеткіш асхананың қолжетімділігіне (3,56), жатақханаларға (3,57), бос уақытты өткізуге (3,61) және медициналық инфрақұрылымға (3,66) қатысты. Демек, студенттердің оң тәжірибесі тек оқыту сапасымен ғана емес, сонымен қатар күнделікті оқу және тұрмыс жағдайларымен де анықталады. Бұл тұжырым Ahmad (2021) және Anwar (2023) зерттеулерімен сәйкес келеді, олар университет қызметтерінің сапасын қанағаттанудың маңызды құрамдас бөлігі ретінде қарастырады [2, 56 б., 12, 37 б.].

Академиялық дербестік ерекше назар аударуға тұрарлық. Респонденттердің 46,0% оқытушысын таңдау мүмкіндігінің жоқтығын көрсетті, ал тек 16,9% бірнеше оқытушыдан өз бетінше таңдау жасайтынын хабарлады. Таңдаудың шектеулі болуы студенттердің субъективті дербестік сезімін төмендетуі мүмкін. Өзін-өзі анықтау теориясы аясында дербестік қажеттілігін қанағаттандыру білім беру ортасына оң көзқарасқа ықпал ететін факторлардың бірі болып саналады [13, 75 б.].

Университетке ұсыныс жасауға дайын болу орташа 3,86 көрсеткішке ие болды. Корреляциялық талдау білім беру саласындағы адалдықтың бұл көрсеткіші зерттелген білім беру ортасының сипаттамаларымен оң байланысты екенін көрсетеді ($p < 0,001$). Әсіресе, оқытушылардың кәсіби біліктілігімен ($p = 0,819$) және оқытушылармен өзара әрекеттесуімен ($p = 0,802$) тығыз байланыстар байқалады. Бұл нәтижелер статистикалық байланысты көрсетеді, бірақ қанағаттанудың себептік немесе делдалдық әсерін растауға негіз бермейді. Ұқсас нәтижелер шетелдік зерттеушілер Ali M. мен Ahmed M. (2018) және Kaewrattanaprat (2019) зерттеулерінде келтірілген, олар институттық имидждің студенттердің қанағаттанушылығы мен адалдығына тікелей және жанама ықпал ететінін атап көрсетеді [5, 67 б., 14, 395 б.].

Сипаттамалық статистика мен корреляциялық талдау нәтижелері педагогикалық өзара әрекеттесу сапасының, оқытушылардың кәсіби құзыреттілігінің, академиялық ресурстардың және студенттердің университетке деген оң көзқарасы үшін инфрақұрылымның маңыздылығын әрдайым көрсетіп отырады. Дегенмен, анықталған байланыстарды дәлелденген себептік әсерлер емес, статистикалық байланыстар ретінде түсіндіру керек.

Қорытынды

Зерттеу нәтижелерінде студенттердің білім беру ортасының әртүрлі компоненттеріне қанағаттанушылығы сипатталды және академиялық адалдықпен статистикалық байланыстар анықталды. Бұл өз университетін басқаларға ұсынуға дайындық арқылы жүзеге асырылды. Эмпирикалық іріктеу Қазақстанның әртүрлі өңірінен алынған 1125 студенттерден тұрады.

Ең жоғары көрсеткіш курстастарымен өзара әрекеттесуді (4,11), оқытушылардың кәсіби біліктілігін (4,06), кітапхана қорын (3,92), оқытушылармен өзара әрекеттесуді (3,91) және студенттердің зерттеу жобаларына қатысу мүмкіндігін (3,90) көрсетеді. Университетті ұсынуға дайындықтың орташа деңгейі 3,86 бол-

ды. Ең төменгі көрсеткіш тамақтың қолжетімділігімен (3.56), жатақханадағы тұру жағдайларымен (3.57) және бос уақытты өткізумен (3.61) анықталды.

Нәтижелердің практикалық маңыздылығы оларды университет ортасын жақсартудың басымдықтарын белгілеуде әлеуетті пайдалануда жатыр. Жоғары сапалы оқыту мен академиялық өзара әрекеттесуді сақтаумен қатар, университеттер инфрақұрылымға, тұрмыс жағдайларына, қызметтердің қолжетімділігіне және академиялық таңдау үшін нақты мүмкіндіктерді кеңейтуге назар аударуы керек. Зерттеудің шектеулеріне білім беру ортасының және академиялық адалдықтың әртүрлі сипаттамаларының индикаторлары ретінде жеке сауалнама сұрақтарын пайдалану жатады. Корреляциялық дизайн статистикалық байланыстардың күші мен бағытын анықтауға мүмкіндік береді, бірақ себептік қорытындыларға жол бермейді. Болашақ зерттеулер үшін тексерілген көп тармақты қанағаттанушылық пен адалдық шкалаларын, сондай-ақ анықталған байланыстардың бағыттылығын тексеру үшін көп айнымалы модельдерді қолданса пайдалы болар еді.

Одан әрі зерттеулердің перспективаларына сандық білім беру технологияларының, академиялық мобильділіктің, тәжірибеге бағытталған оқытудың және халықаралық бағдарламалардың студенттердің қанағаттануы мен академиялық адалдығына әсерін талдау, сондай-ақ университеттер арасындағы және елдер арасындағы салыстырмалы зерттеулер кіреді.

Пайдаланылған әдебиет тізімі

1. Masserini, L., Bini, M., & Pratesi, M. (2019). Do quality of services and institutional image impact student satisfaction and loyalty in higher education? *Social Indicators Research*, 146(1–2), 91–115.
2. Ahmad A., Mahayuddin N., Nawi, W.N.F.W.M., Saad, M., & Ong, M. H. A. (2021). The impact of university entities on students' loyalty: The mediating role of student satisfaction. *International Journal of Economics, Management and Accounting*, 29(1), 45–69.
3. Искендинова, С., Бакирова, К., & Саари, Д. (2024). Факторы, влияющие на качество высшего образования в Республике Казахстан. *Kazakhstan Spektr*, (4).
4. Doskeyeva, G. Zh., Kuzembekova, R. A., & Junisbekova, T. A. (2024). Assessment of student satisfaction with dual education in educational programs in Kazakhstan. *Economy: Strategy and Practice*, 19(3), 137–150.
5. Ali M., & Ahmed M. (2018). Determinants of students' loyalty to university: A service-based approach. *Research Papers in Economics*.
6. Santini, F. O., Rocha, L. S., Perin, M. G., Ladeira, W. J., Akhtar, S., Rasul, T., & Sampaio, C. H. (2024). Factors influencing student loyalty in higher education: A meta-analytic generalization. *Journal of Marketing for Higher Education*, 1–21.
7. Soedijati, E. K. (2013). Developing students' loyalty in higher education. *Journal of Education and Learning*, 7(3), 188–195.
8. Saoud, S., & Sanséau, P.-Y. (2019). Student loyalty through perceived service quality and satisfaction. *Advances in Social Sciences Research Journal*, 6(2), 82–94.
9. Seena, P. P. (2024). A study on determinants of student loyalty in higher education. In *Futuristic Trends in Management (Vol. 3). IIP Series*, pp. 185–194.

10. Todea, S., Davidescu, A. A. M., Pop, N. A., & Stamule, T. (2022). Determinants of student loyalty in higher education: A structural equation approach for the Bucharest University of Economic Studies, Romania. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19(9), 5538–5553.

11. Ma, X., & Mustapha, S. M. (2025). Systematic literature review on academic satisfaction. *Frontiers in Humanities and Social Sciences*, 5(8), 409–418.

12. Anwar, W. F., Malik, A., Ayuna, N., & Dewi, A. K. (2023). Kualitas pelayanan akademik terhadap kepuasan dan loyalitas mahasiswa. *J-MPI (Jurnal Manajemen Pendidikan Islam)*, 8(2).

13. Ong, A. K. S., Prasetyo, Y. T., Dangaran, V. C., Gudez, M. A. D., Juanier, J. I. M., Paulite, G. A. D., Yambot, R. X. R., Persada, S. F., Nadlifatin, R., & Ayuwati, I. D. (2023). Determination of loyalty among high school students to retain in the same university for higher education: An integration of self-determination theory and extended theory of planned behavior. *PLOS ONE*, 18(11), e0292645.

14. Kaewrattanapat, N., Wannapiroon, P., Piriyaawong, P., & Nilsook, P. (2019). An empirical study of critical factors relating to higher education students' loyalty in Thailand. In *Proceedings of the International Conference on Interactive Collaborative Learning* (pp. 391–401). Springer, Cham.

Авторлар туралы мәлімет / Сведения об авторах / Information about authors

Әбубәкір Надирхожаұлы Әбидин	докторант, әлеуметтік ғылымдар магистрі, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан, e-mail: abidinabubakir@gmail.com ORCID iD: https://orcid.org/0009-0004-1771-1375
София Малкайдарқызы Дүйсенова	Қауымдастырылған профессор, Ш. Есенов атындағы Каспий технологиялар және инжиниринг университеті, Ақтау, Қазақстан, *e-mail: duisenovas@gmail.com ORCID iD: https://orcid.org/0000-0002-2006-7443
Abubakir Nadirkhozhaevich Abidin	Doctoral student, Master of Social Sciences, L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan, e-mail: abidinabubakir@gmail.com ORCID iD: https://orcid.org/0009-0004-1771-1375
Sofia Malkaidarovna Duissenova	Associate Professor, Caspian University of Technology and Engineering named after Sh. Yessenov, Aktau, Kazakhstan, *e-mail: duisenovas@gmail.com ORCID iD: https://orcid.org/0000-0002-2006-7443
Абубакир Надирхожаевич Абидин	докторант, магистр социальных наук, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан, e-mail: abidinabubakir@gmail.com ORCID iD: https://orcid.org/0009-0004-1771-1375
София Малкайдаровна Дүйсенова	Ассоциированный профессор, Каспийский университет технологий и инжиниринга имени Ш. Есенова, Ақтау, Казахстан, *e-mail: duisenovas@gmail.com ORCID iD: https://orcid.org/0000-0002-2006-7443

06.81.23

CREATIVE ECONOMY: THE RELATIONSHIP BETWEEN INTELLECTUAL LABOUR, INNOVATION AND THE ENVIRON- MENTAL AGENDA

¹Victoria ALEKSEEVA, ²Manzura RAKHIMOVA

¹ *Republican Center for the Study of Public Opinion “Ijtimoiy Fikr”, Tashkent, Uzbekistan*
viv20@yandex.ru

² *National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan*

Link to this article: Alekseeva V.S., Rakhimova M.Kh. Creative economy - connection with intellectual labor, innovations and environmental agenda // SOCIOLOGY.KZ. - 2026. - №3(3). – P. 158 – 177.
<https://doi.org/10.48010/2026.3/sskz.33>

Abstract. This article examines the relationship between the creative economy, intellectual labour, innovation, and the environmental agenda in the context of the transition towards sustainable development models. The relevance of the study lies in the need to identify the conditions under which intellectual and creative potential can be transformed into environmentally oriented innovative solutions that respond to societal needs. The study combines a comparative analysis of contemporary theoretical approaches with public opinion survey data. The empirical basis consists of a telephone survey conducted in Uzbekistan on 13–17 July 2026 using a random probability sample covering all regions of the country (N=615).

The findings reveal a combination of strong public support for the transition to a green economy and limited awareness of its content. They also indicate potential demand for environmentally friendly goods and services and show that environmentally responsible behaviour depends on affordability, convenience, access to information, and infrastructure. The most prominent priorities for environmental transformation include the rational use of water resources, waste recycling, and the development of renewable energy.

The authors argue that creativity and innovation do not automatically generate environmental value. Their potential is realised through the interaction of intellectual and creative labour with societal needs, economic and institutional conditions, and public readiness to adopt new solutions. Public opinion is therefore considered not only as a response to innovation but also as a source of information for its development. Further research should empirically examine the interaction between creators of environmental innovations, the institutional environment, and their potential users.

Key words: creative economy, intellectual labour, creative labour, innovation, green economy, environmental sustainability, public opinion.

КРЕАТИВТІ ЭКОНОМИКА: ЗИЯТКЕРЛІК ЕҢБЕКПЕН, ИННОВАЦИЯЛАРМЕН ЖӘНЕ ЭКОЛОГИЯЛЫҚ КҮН ТӘРТІБІМЕН ӨЗАРА БАЙЛАНЫСЫ

¹Виктория АЛЕКСЕЕВА, ²Манзура РАХИМОВА

¹«Ижтимоий фикр» Республикалық қоғамдық пікірді зерттеу орталығы,
Ташкент, Өзбекстан

²Мырза Ұлықбек атындағы Өзбекстан Ұлттық университеті,
Ташкент, Өзбекстан

КРЕАТИВНАЯ ЭКОНОМИКА - СВЯЗЬ С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ ТРУДОМ, ИННОВАЦИЯМИ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКОЙ

¹Виктория АЛЕКСЕЕВА, ²Манзура РАХИМОВА

¹Республиканский центр изучения общественного мнения «Ижтимоий фикр»,
Ташкент, Узбекистан

²Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека,
Ташкент, Узбекистан

Андатпа. Мақала креативті экономика, зияткерлік еңбек, инновациялық қызмет және экологиялық күн тәртібі арасындағы өзара байланысты орнықты даму модельдеріне көшу жағдайында зерттеуге арналған. Зерттеудің өзектілігі зияткерлік және креативті әлеуеттің қоғам сұранысына жауап беретін экологиялық бағыттағы инновациялық шешімдерге қандай жағдайларда айналуы мүмкін екенін анықтау қажеттілігімен байланысты. Зерттеуде заманауи теориялық тәсілдерді салыстырмалы талдау мен қоғамдық пікірді социологиялық зерттеу деректері ұштастырылды. Эмпирикалық негізді 2026 жылғы 13–17 шілдеде Өзбекстанның барлық өңірлерін қамтыған кездейсоқ ықтималдық іріктеу негізінде телефон арқылы жүргізілген сауалнама нәтижелері құрады (N=615). Зерттеу нәтижелері халықтың «оқасыл» экономикаға көшуді жоғары деңгейде қолдауы оның мазмұны туралы хабардарлықтың шектеулілігімен қатар жүретінін көрсетті. Сонымен бірге экологиялық қауіпсіз тауарлар мен қызметтерге әлеуетті сұраныс бар екені және экологиялық мінез-құлықтың экономикалық қолжетімділікке, қолайлылыққа, ақпараттандырылуға және инфрақұрылымдық жағдайларға тәуелді екені анықталды. Экологиялық трансформацияның негізгі басымдықтары ретінде су ресурстарын ұтымды пайдалану, қалдықтарды қайта өңдеу және жаңартылатын энергетиканы дамыту айқындалды.

Аннотация. Статья посвящена исследованию взаимосвязи креативной экономики, интеллектуального труда, инновационной деятельности и экологической повестки в условиях перехода к устойчивым моделям развития. Актуальность исследования обусловлена необходимостью определить, при каких условиях интеллектуальный и креативный потенциал может преобразовываться в экологически ориентированные инновационные решения, востребованные обществом. На основе сравнительного анализа современных теоретических подходов и данных социологического исследования общественного мнения рассматривается роль общественного экологического запроса в данном процессе. Эмпирическую основу составили результаты телефонного опроса населения Узбекистана, проведенного 13–17 июля 2026 года по случайной вероятностной выборке во всех регионах страны (N=615).

Результаты выявили сочетание высокой общественной поддержки перехода к «зеленой» экономике с ограниченной информированностью о ее содержании, наличие потенциального спроса на экологически безопасные товары и услуги, а также зависимость экологического поведения от экономической доступности, удобства, информированности и инфраструктурных условий.

Авторлардың ұстанымы бойынша, креативтілік пен инновациялар өздігінен экологиялық құндылық қалыптастырмайды. Олардың әлеуеті зияткерлік және креативті еңбектің қоғамдық қажеттіліктермен, экономикалық және институционалдық жағдайлармен, сондай-ақ халықтың жаңа шешімдерді қабылдауға дайындығымен өзара ықпалдасуы нәтижесінде іске асады. Осы тұрғыдан қоғамдық пікір инновацияларға берілетін реакция ғана емес, оларды әзірлеуге қажетті ақпарат көзі ретінде де қарастырылады. Болашақ зерттеулерде экологиялық инновацияларды жасаушылар, институционалдық орта және олардың әлеуетті пайдаланушылары арасындағы өзара байланысты эмпирикалық тұрғыдан зерделеу ұсынылады.

Түйін сөздер: креативті экономика, зияткерлік еңбек, креативті еңбек, инновациялар, жасыл экономика, экологиялық тұрақтылық, қоғамдық пікір.

Наиболее востребованные направления экологической трансформации связаны с рациональным использованием водных ресурсов, переработкой отходов и развитием возобновляемой энергетики. Авторская позиция заключается в том, что креативность и инновации не создают экологическую ценность автоматически. Их потенциал реализуется при взаимодействии интеллектуального и креативного труда с общественными потребностями, экономическими и институциональными условиями и готовностью населения принимать новые решения. Предлагается рассматривать общественное мнение не только как реакцию на инновации, но и как источник информации для их разработки. Перспективным направлением дальнейших исследований является эмпирическая проверка взаимосвязи между создателями экологических инноваций, институциональной средой и их потенциальными пользователями.

Ключевые слова: креативная экономика, интеллектуальный труд, креативный труд, инновации, зеленая экономика, экологическая устойчивость, общественное мнение.

The modern economy is characterized by structural changes associated with the growing role of knowledge, intellectual potential, and innovation activity in the creation of economic value. Alongside natural resources, production capacities, and physical capital, human capital, the ability to generate new ideas and find opportunities for their practical implementation are becoming significant factors of competitiveness. One manifestation of these processes is the development of the creative economy, based on the use of knowledge, creative abilities, intellectual property, technologies, and innovations. This transition reflects a broader transformation of value creation mechanisms – from predominantly material production to an economy based on knowledge and intellectual labor.

The theoretical understanding of the creative economy has gone through several stages. One of the foundational approaches was that of J. Hawkins [1], who linked the emergence of the creative economy with the transformation of ideas and human creativity into an economic resource. Within this framework, creativity ceases to be viewed exclusively as a characteristic of artistic activity and acquires economic content – the ability to create new ideas and results of intellectual activity becomes a source of value formation. Hawkins himself, whom UNCTAD [2] characterizes as the author of the term "creative economy," continues to link the development of this sector with innovations and the economic potential of new ideas.

Further development of this direction is associated with R. Florida's concept of the "creative class" [3], which shifted the research focus from individual cultural and creative industries to the individual as a bearer of knowledge, professional competencies,

and the ability to create new solutions. Within this approach, creativity acts as a factor in innovative and regional development, and professions based on intellectual activity, the creation of new knowledge, and solving non-standard problems acquire particular importance. Later, Florida directly linked the theory of the creative class to economic development, identifying talent, technology, professions, and cities as key categories.

Another perspective in the scholarly discourse is represented by D. Throsby's approach [4], which examines cultural and creative industries through the lens of the relationship between cultural and economic value. His concentric circles model demonstrates that creative activity does not form a homogeneous sector: as one moves from the core of artistic creativity to a broader circle of cultural and related industries, the intensity of cultural content changes. Notably, in the empirical testing of this model, the share of creative labor is used as one of the indicators, which further emphasizes the importance of human intellectual activity in determining the structure of the creative sector.

The development of this approach has led to a gradual departure from an exclusively sectoral understanding of the creative economy. H. Bakhshi, A. Freeman, and P. Higgs [5] proposed the concept of creative intensity, which shifts the focus to the proportion of workers performing creative functions within a particular industry. This approach showed that creative labor exists not only in formally defined "creative industries": a significant part of specialists who create intellectual and creative value are employed in other sectors of the economy. In particular, the methodology proposed by the authors made it possible to include in the analysis the rapidly growing segments of software and digital activity, which traditional industry classifications might have accounted for incompletely.

Thus, the evolution of scholarly discourse demonstrates a gradual expansion of the very concept of the creative economy: from the economy of ideas and intellectual property – to human and creative capital, and further to the analysis of the content of labor and the role of creative competencies in various sectors of the economy.

The current stage of this discourse is characterized by a substantial broadening of the research framework, which consists of embedding the creative economy into the processes of digital, social, and environmental transformation. This broadening is confirmed by contemporary empirical studies of creative industries. For instance, J. Segre, M. Dattilo, and E. Salvador examine the interrelationship between creativity, innovation, technology, and environmental sustainability using the design industry as a case study. The authors proceed from the premise that creativity and innovation can contribute to the creation of new products and services while simultaneously acting as factors of sustainable development. Of particular importance here is design as a sphere that connects creative ideas, technological solutions, and user needs, and is thus capable of participating in the formation of environmentally oriented innovations [6].

This approach has been further developed, in particular, in the work of E. Pratt [7], who considers the creative economy in the context of the "triple transition" – digital, social, and environmental transitions. In contrast to an instrumental understanding of culture and the creative sector as auxiliary means of economic development, Pratt proposes to view them as a system of practices, institutions, and economic, social,

cultural, and environmental values embedded in development processes. In this interpretation, the creative sector acts not as a passive participant in structural changes, but as one of the potential drivers of these changes.

Recent UNCTAD data confirm the growing role of the creative economy in global trade. According to the organization's updated estimates, world exports of creative services reached a record USD 1.7 trillion in 2024, increasing by 12% over the year and more than doubling the exports of creative goods, which amounted to USD 709 billion. The share of creative services reached 20% of world services exports, while creative goods accounted for about 3% of world merchandise exports¹. UNCTAD attributes the sustained faster growth of trade in creative services, in particular, to rising demand for software, research and development, digital content, and media. These trends indicate the growing importance of knowledge, intellectual labor, digital competencies, and innovation activities in the current structure of the global economy. At the same time, UNCTAD identifies digitalization, artificial intelligence, inclusiveness, and environmental sustainability as factors in the contemporary transformation of the creative economy.

Of particular relevance to this study is UNCTAD's emphasis on the environmental dimension of the creative economy. In the Creative Economy Outlook 2024 [2], environmental sustainability is considered not as an issue external to creative industries, but in connection with decarbonization, ecosystem preservation, pollution and waste reduction, sustainable design, energy efficiency, and circular economy practices. At the same time, the international approach reveals a dual nature of this relationship: on the one hand, creative industries themselves have an environmental footprint and need to transition to more sustainable production models; on the other hand, creative competencies, design, technologies, and innovative solutions can contribute to the environmental transformation of the economy and consumption patterns.

It is precisely at the intersection of the directions discussed above that the problem field of this study is formed. Existing concepts reveal various aspects of the creative economy – Hawkins emphasizes the economic role of ideas and creativity, Florida highlights the importance of human and creative capital, Throsby focuses on the relationship between cultural and economic value, and Bakhshi addresses the content of creative labor and its spread beyond traditionally defined creative industries. Contemporary research and international approaches broaden this agenda by incorporating the creative economy into the context of digital, social, and environmental transformation. At the same time, the question of under what conditions intellectual and creative potential can be directed toward creating innovative solutions capable of generating not only economic but also social and environmental value requires further reflection.

The significance of the innovation link in this relationship is confirmed by research on green innovation. The results of a meta-analysis of recent empirical studies show a positive relationship between green innovation and the environmental performance of organizations, with the effect observed for both product and process innovations [8].

This issue acquires particular relevance for Uzbekistan. The development of human capital, digitalization, entrepreneurship, and innovation activity occur simultaneously

¹ <https://unctadstat2.unctad.org/>

with the need to address environmental problems related to water scarcity, land degradation, the consequences of the Aral Sea crisis, air pollution, urbanization, growing resource consumption, and the need to improve energy efficiency. This combination of economic, technological, and environmental challenges underscores the need to seek new approaches to using intellectual and creative resources in the interests of sustainable development.

The relevance of considering the creative economy in the context of sustainable development is also confirmed by the formation of an appropriate international agenda directly in Uzbekistan. At the 4th World Conference on Creative Economy, held in Tashkent in October 2024, UNCTAD Secretary-General Rebeca Grynspan identified the creative economy as one of the factors of structural transformation and economic diversification, linking its development with the opportunities arising from digital transformation, the spread of artificial intelligence, and the transition to a green economy. In this context, the creative economy is viewed not only as a standalone sector of economic activity but also as a potential resource for sustainable and inclusive development [9].

This study proposes a research framework that combines intellectual capital, creative labor, innovation activity, green entrepreneurship, and the creation of economic, social, and environmental value. This research logic is supported by recent empirical work. In particular, a study of the relationship between intellectual capital, green innovation, and sustainability in creative industry enterprises shows that intellectual capital and green innovation can act as interrelated resources for sustainable development, with sustainability serving an important mediating function between intellectual resources and the economic performance of enterprises [10].

In contrast to approaches that view the creative economy primarily through sectoral structure, cultural production, employment, or the economic contribution of creative industries, attention is focused on the functional role of intellectual and creative labor – its ability to participate in identifying problems, developing new solutions, and transforming them into products, services, technologies, and organizational models.

At the same time, the relationship between intellectual and creative potential, innovation activity, and the creation of environmental value is not automatic. The ability to generate new ideas and develop innovative products, services, technologies, or organizational models represents only one side of this process. Their practical effect is largely determined by the extent to which the proposed solutions respond to existing social needs, are accessible to potential users, and can be integrated into everyday economic and social practices. In this context, the environmental agenda is of particular interest for analyzing the creative economy. Addressing environmental problems requires not only technological innovations but also the search for new consumption models, ways of organizing urban and domestic environments, sustainable design, digital services, and educational and communication solutions. Thus, intellectual and creative labor can participate in environmental transformation at various levels – from the development of new products and technologies to the formation of practices for their use and dissemination.

However, the demand for such solutions is determined not only by the capabilities of their creators but also by the nature of public environmental demand. This approach

is consistent with the findings of recent research on the drivers of eco-innovation, which show that their development is shaped not only by the internal technological capabilities of organizations but also by market demand, institutional regulation, and external networks of interaction. This makes it possible to view public demand not as an external backdrop to the innovation process, but as one of the environmental factors that can influence the uptake and diffusion of environmentally oriented solutions [11].

Public perceptions of the most significant environmental problems, the willingness to use environmentally oriented goods and services, to change habitual patterns of behavior, or to bear associated additional costs shape the social environment in which innovations may or may not gain traction. Also of considerable importance are the economic affordability of such solutions, the availability of necessary infrastructure, public awareness, and the institutional conditions for their implementation.

This is precisely why the recourse to public opinion in this study serves a bridging analytical function. The examination of environmental attitudes among the population makes it possible to identify which environmental problems are perceived as most significant, which areas of the "green" economy have potential public demand, and which factors may constrain or stimulate the adoption of new solutions. From this perspective, public opinion data are viewed as a means of identifying the social conditions and potential demand for environmentally oriented innovations, in the creation of which intellectual and creative labor may be involved.

The scientific novelty of the study lies in the development of an integrative research framework that links intellectual capital and creative labor with innovation activity and the environmental agenda, as well as in its application to the analysis of the social preconditions for green transformation in Uzbekistan based on public opinion survey data. In contrast to approaches that examine the environmental dimension of the creative economy primarily at the level of industries, technologies, and production practices, the research framework incorporates public environmental demand, perceived barriers, and conditions for the adoption of environmentally oriented solutions as perceived by the population.

Accordingly, the central research question is formulated as follows: under what social, economic, and institutional conditions can intellectual and creative labor contribute to the formation and diffusion of environmentally oriented innovative solutions in Uzbekistan?

Methodology

The research methodology combines theoretical analysis and the analysis of public opinion data. The theoretical part is based on a comparative analysis and conceptual synthesis of approaches to the creative economy, intellectual labor, innovation, and environmental sustainability. The empirical basis consists of the results of a telephone survey conducted by the Republican Center for Public Opinion Study "Ijtimoiy Fikr" on July 13–17, 2026, using a random probability sample in all regions of Uzbekistan (N=615). Methods of descriptive and comparative analysis were applied. The survey examined environmental awareness, attitudes, consumer behavior, barriers, and conditions for adopting environmental solutions. The data obtained are used to identify

public demand and the social preconditions for the diffusion of environmentally oriented innovations.

Discussion and Debate

The obtained results allow us to specify the question of the place of the creative economy in the environmental transformation of Uzbekistan. The empirical data provide no grounds to assert that the development of creative industries in itself leads to environmentally responsible behavior among the population. At the same time, they reveal public attitudes, needs, and barriers that shape the social environment in which intellectual and creative labor can be directed toward the development and dissemination of environmentally oriented innovations. It is in this context that the study's findings should be compared with contemporary understandings of the creative economy.

The theoretical approaches of J. Hawkins [1], R. Florida [3], as well as H. Bakhshi, A. Freeman, and P. Higgs [5], allow us to view the creative economy more broadly than traditional cultural and creative industries – through the human capacity to generate new ideas, the content of intellectual and creative labor, and its role in creating new value. Of particular importance for this study is the functional understanding of creativity: intellectual and creative potential can be realized not only in the creation of cultural products but also in technology development, design, programming, research, engineering, communications, and solving nonstandard professional tasks. This approach makes it possible to raise the question of applying intellectual and creative competencies to find solutions to environmental problems.

Contemporary technological transformation is simultaneously changing the very content of intellectual and creative labor. The spread of generative artificial intelligence shows that some operations previously directly associated with human intellectual activity can now be performed by algorithmic systems. Under these conditions, the research question shifts from contrasting humans and technology to examining the nature of their interaction in the process of creating new value. The results of recent studies on organizational AI adoption show that the effect of technology depends not only on its technical capabilities but also on human competencies and the nature of its perception: viewing AI as an opportunity to acquire new skills is associated with greater employee readiness for knowledge sharing, whereas perceiving technology as an obstacle or threat encourages defensive behavioral strategies [14]. Consequently, a technological tool expands the space of possibilities, but transforming them into innovative, economic, and social value requires human knowledge, learning ability, and creativity.

With respect to the environmental agenda, this proposition acquires particular significance. E. Pratt [7], examining the cultural and creative sector in the context of digital, social, and environmental transitions, characterizes it as a potential "agent of transformation." However, such a role does not imply that creative industries are inherently environmentally friendly. The digitalization of cultural and creative products may create an impression of dematerialized production, whereas cloud services, data storage, streaming content, and the associated infrastructure require significant energy

and water resources. Consequently, the environmental value of creative activity is determined not by its formal affiliation with the creative sector, but by the orientation of the innovations created and the nature of the use of intellectual, technological, and natural resources.

In this context, the question of how intellectual and creative labor can participate in transforming an environmental need into a specific product, service, technology, communication solution, or business model becomes fundamental. For instance, if a designer, architect, programmer, engineer, researcher, or entrepreneur uses professional knowledge and creative competencies to develop solutions in resource conservation, waste recycling, energy efficiency, sustainable consumption, or environmental communication, creativity acts not as the end result of activity, but as a resource for environmentally oriented innovation.

The results of this study allow us to consider the social preconditions of such a process. The first significant contradiction lies in the combination of strong support for the transition to a "green" economy with limited awareness of the content of that model. While 95.3% of respondents support the course toward a green economy, only 27.8% have a good understanding of the meaning of this concept. Citizens' perceptions are concentrated primarily around environmental protection, conservation of natural resources, and waste recycling.

This ratio suggests a gap between the value-based acceptance of environmental transformation and the understanding of the economic and innovative mechanisms for its implementation. The "green" economy is perceived by the population primarily through its environmental component and to a lesser extent as a model of technological, production, and consumption changes. This gap has practical implications: public support for environmental goals does not by itself imply the knowledge and competencies necessary to involve citizens in new economic and behavioral practices.

This is precisely where one of the potential functions of intellectual and creative labor becomes apparent. The contemporary UNCTAD approach [2] links the development of the creative economy with digitalization, innovation, and environmental sustainability, including sustainable design, waste reduction, energy efficiency, and circular models of production and consumption in this agenda. In this context, public environmental needs can be viewed as a source of tasks for creating new products, services, technologies, communication solutions, and business models.

The study results allow us to specify the areas in which such demand is most pronounced. Among the priorities for the development of the green economy, the population highlights rational use of water resources – 38.5%, waste recycling – 30.6%, development of solar and wind energy – 30.2%, and greening – 25.7%. These areas require not only financial resources and traditional infrastructure but also the development of new technological, organizational, design, and communication solutions. In this sense, the creative economy can be regarded as one of the spaces in which environmental needs take the form of specific innovative tasks.

The second significant contradiction is found between positive environmental attitudes and the conditions for translating them into behavior. According to the study results, 66.3% of respondents already try to lead an environmentally friendly lifestyle,

18.2% are ready to change their habits if convenient conditions are created, and 11.7% would do so provided such changes do not entail additional costs. These data show that the behavioral potential for environmental transformation exists, but its realization depends not only on citizens' individual values but also on the external environment.

A similar pattern is observed with regard to potential consumer demand. The willingness of a portion of the population to pay more for environmentally safe goods and services indicates the presence of certain demand for environmentally oriented solutions; however, for a significant part of consumers, price, discounts, benefits, and compensation mechanisms remain of fundamental importance. Therefore, the environmental appeal of a product alone does not ensure its mass adoption.

This leads to a conclusion important for this study: an environmentally oriented innovation must possess not only technological novelty and environmental effectiveness but also be accessible, convenient, understandable, and compatible with the everyday practices of the population.

In this regard, design, user experience, communications, and business model development become not secondary elements of green transformation but possible conditions for public acceptance of innovations. It is here that the approach of H. Bakhshi, A. Freeman, and P. Higgs [5], which shifts attention from formal sectoral boundaries of the creative economy to the content of creative labor, acquires applied significance: environmental transformation creates demand for the activities of designers, architects, software developers, researchers, engineers, communication specialists, and other professional groups capable of transforming environmental problems into practically applicable solutions.

This finding is consistent with the results of the study by J. Segre, M. Dattilo, and E. Salvador [6], which examines the relationship between creativity, technological innovation, and environmental sustainability in the design industry. Using data from Italian companies, the authors identified a positive statistically significant relationship between creativity and environmental sustainability, as well as a positive relationship between innovation activity and the environmental component of company performance. These results allow creativity to be viewed not only as a source of economic and technological novelty but also as a potential resource for the formation of environmentally oriented solutions.

At the same time, comparing this study with the results of the population survey in Uzbekistan reveals another trend. Whereas J. Segre and others analyze creativity, innovation, and environmental sustainability primarily from the side of producers and developers, the results of this study characterize the other side of the innovation process – public receptivity and potential demand for environmentally oriented solutions. The willingness of a segment of the population to pay more for environmentally safe goods and services, the pronounced interest in rational water use, waste recycling, and renewable energy, as well as the readiness of a significant proportion of citizens to adopt environmentally oriented practices, indicate the existence of a social environment potentially receptive to such innovations. At the same time, the dependence of readiness to change behavior on cost and convenience shows that the presence of environmental demand does not guarantee the adoption of a specific innovative solution.

The information deficit deserves separate attention. Insufficient awareness ranks among the notable barriers to the transition to a green economy, while explanatory work and environmental education are seen by the population as significant conditions for fostering environmentally responsible behavior. This expands the scope of application of creative competencies beyond the creation of material products and technologies. Data visualization, digital educational products, interactive services, social design, and modern media formats can perform the function of transforming complex environmental knowledge into accessible and practically meaningful information.

Particularly revealing in this regard is the result concerning young people. The younger generation possesses significant potential for mastering digital technologies and new professional competencies; however, the 18–24 age group demonstrates relatively low awareness of the content of the green economy and the mechanisms of civic response to environmental violations. This contradiction raises the question of the need to develop interdisciplinary competencies that combine digital and creative skills with environmental knowledge. Their combination can be regarded as one of the preconditions for the development of environmentally oriented entrepreneurship and the creation of new solutions in the field of sustainable development.

At the same time, a positive assessment of the potential of the creative economy requires a fundamental qualification. As noted by Pratt [7], as well as M. Püükkönen and C. de Beukelaer [12], it is inappropriate to automatically consider creative industries as environmentally sustainable: digital and cultural production also involves energy consumption, material use, and infrastructure, and the expansion of production may conflict with environmental constraints. This critical position is consistent with the findings of this study. Among the obstacles to the transition to a green economy, the population identifies not only environmental culture and lack of information but also income levels, the cost of green technologies, the state of infrastructure, control over enterprise activities, government support, and investment.

Consequently, creativity and innovation do not automatically generate environmental value. For that to happen, they must be embedded in a broader institutional, economic, and infrastructural system that enables the development, implementation, and diffusion of relevant solutions. This allows us to reject a simplistic view of the creative economy as inherently a "green" sector and to consider its environmental potential as the result of a specific combination of human capital, innovation, institutional conditions, and public demand.

In this regard, the research approach proposed in this article involves incorporating public opinion not only as a final reaction to an already created innovation but also as one source of information about social needs, expectations, and barriers. Sociological data make it possible to identify perceptions of environmental problems and public demands; intellectual and creative labor can transform these into possible solutions; subsequent assessment of public behavior and consumer choices can determine the degree of acceptance of these solutions and identify constraints on their diffusion.

At the same time, the limits of such an interpretation must be taken into account. The empirical results of this study do not allow establishing a causal relationship between the development of the creative economy and the environmental behavior

of the population of Uzbekistan. The surveys did not directly measure respondents' employment in creative industries, their use of specific green innovations, the activity of environmental startups, or the impact of particular creative products on citizens' behavior. Therefore, the data obtained should be interpreted as evidence of public demand and the social conditions for the potential development of environmentally oriented innovations, rather than as proof of an already existing effect of the creative economy.

Thus, the central question is not whether the creative economy is environmentally friendly in itself, but rather under what conditions intellectual and creative labor is capable of transforming public environmental demand into accessible innovative solutions that create economic, social, and environmental value. With respect to Uzbekistan, the results of the study allow us to identify several such conditions: the presence of public demand for environmental change, increased environmental awareness and competence, the economic affordability of innovations, their ease of use, the development of appropriate infrastructure, and the availability of institutional support. In this understanding, the creative economy can be viewed not as an independent universal mechanism for environmental transformation, but as a potential environment for the interaction of human capital, public needs, innovations, and green transformation.

Research results

For the empirical analysis of the social conditions of environmental transformation, the results of sociological public opinion surveys in Uzbekistan were used. The analysis focuses on indicators characterizing the environmental awareness of the population, perceptions of the "green" economy, readiness to change every day and consumption practices, existing barriers, and public priorities for environmentally oriented development. These data make it possible to determine the social context in which innovative solutions related to the environmental agenda can be formed and disseminated.

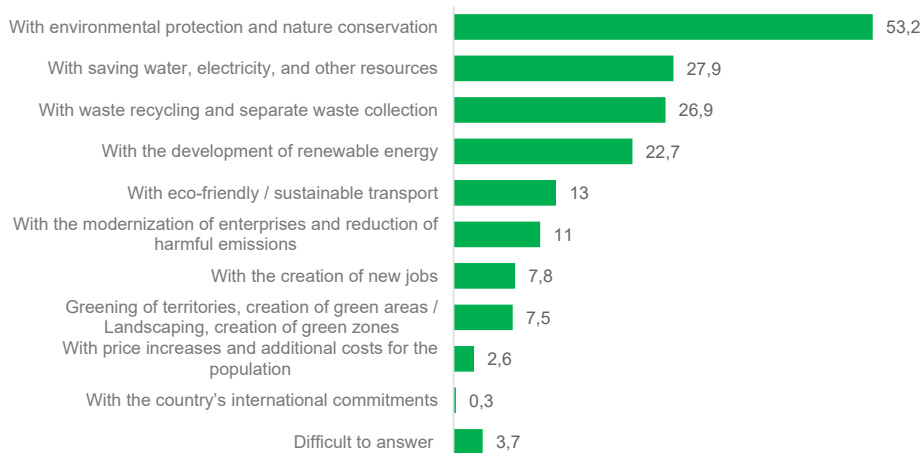
The empirical part of the study is aimed at identifying the public preconditions for the relationship between the environmental agenda, innovative development, and the creative economy in Uzbekistan. The analysis uses the results of sociological surveys that allow assessing the level of environmental awareness of the population, support for the transition to a "green" economy, readiness to change consumer behavior, perceived barriers, and the most sought-after areas of environmental transformation.

The obtained data indicate high public support for environmentally oriented development, accompanied by a simultaneously less developed understanding of the economic and innovative components of the "green" economy. Thus, 27.8% of respondents know the meaning of the term "green economy" well, and 22.3% have a general idea of it. At the same time, 17.1% have heard the term but do not know its content, while 32.8% have never heard of it at all. Thus, only about half of the respondents possess a full or general understanding of the content of this development model.

Table-1. Awareness of the concept of "green economy"? (% of total respondents)

	<i>Yes, I know well what it means</i>	<i>I have heard of it, but have a general idea</i>	<i>I have heard of it, but do not know what exactly it means</i>	<i>No, I have not heard of it</i>
Total	27,8	22,3	17,1	32,8
men	28,4	22,4	18,4	30,8
women	27,1	22,2	15,5	35,2
Urban	25,5	24,2	14,9	35,4
Rural	30,4	20,1	19,5	30,0
18-24	18,9	24,3	25,7	31,1
25-34	27,2	24,0	15,2	33,6
35-44	28,0	17,5	18,2	36,3
45-54	26,3	27,2	18,4	28,1
55 and older	33,3	20,8	12,6	33,3

At the same time, the population's perceptions of the "green" economy are predominantly environmentally oriented. More than half of respondents (53.2%) associate it primarily with environmental protection and nature conservation, 27.9% with saving water, electricity, and other resources, 26.9% with waste recycling and separate waste collection, and 22.7% with the development of renewable energy. The economic, innovative, and social components of this model are represented in mass consciousness significantly less prominently.

Figure-1. Associations with the transition to a "green" economy? (% , multiple-response)

At the same time, the country's transition to a "green" economy enjoys virtually universal public support. In total, 95.3% of respondents fully or rather support this course, while the share of opponents is 1.0%.

The comparison of these indicators reveals a significant circumstance: public support for green transformation noticeably outpaces the depth of understanding of its content. The population largely accepts environmental development goals, but the economic, technological, and innovative mechanisms for achieving them are so far less prominent in public perception.

An important indicator of the population's attitude toward environmentally oriented changes is the willingness to support them not only at the level of general attitudes but also through their own consumer choices. The study results show the existence of potential demand for environmentally safe goods and services. Thus, 46.5% of respondents expressed a willingness to pay a higher price for such products. 17.2% are ready to incur additional costs provided that the price difference is insignificant. Furthermore, 16.3% of respondents link the possibility of choosing eco-friendly products to the availability of discounts, benefits, or other compensation mechanisms. The share of respondents who are rather or completely unwilling to pay more for environmentally safe goods and services is 16.6%.

The data obtained show that the environmental characteristics of a product or service can act as a significant factor in consumer choice; however, price affordability remains essential. In other words, a positive attitude toward eco-friendly products does not in all cases mean a willingness to bear additional costs. This suggests the existence of potential consumer demand for environmentally oriented goods and services, the realization of which depends, among other things, on their cost and the availability of economic incentives.

Barriers to the Transition to a "Green" Economy

The study results show that the population perceives obstacles to the transition to a "green" economy as a set of interrelated factors. Most often, respondents point to the low level of environmental culture among the population – 31.4%. The second most common barrier is the lack of information about the principles and opportunities of the "green" economy – 24.9%. 18.7% of respondents link the existing constraints to the low-income level of the population.

Alongside this, respondents note institutional, economic, and technological obstacles. Corruption and a formal approach in the environmental sphere are mentioned by 12.5% of respondents, insufficient control over enterprise activities by 11.2%, and the high cost of environmentally safe goods and technologies by 10.7%. Insufficient necessary infrastructure is indicated by 8.9%, while a shortage of modern technologies and investments is cited by 6.8%.

These results are complemented by data from the second block of the study on environmental attitudes. In that block, 58.1% of respondents identified low environmental responsibility of the population as an obstacle to improving the environmental situation, 38.1% pointed to insufficient monitoring of compliance with

environmental regulations, 31.3% to low corporate responsibility, and 23.0% to the use of outdated production equipment.

Comparison of the study results shows that the population does not reduce the causes of environmental problems solely to individual behavior. Alongside environmental culture and awareness, the economic capabilities of the population, enterprise activities, the quality of state and public control, and the availability of infrastructure, technologies, and investments are also perceived as significant. Thus, the social barriers to environmental transformation simultaneously have value behavioral, informational, economic, institutional, and technological dimensions.

The results obtained allow us to view environmental transformation not only as a change in individual behavior but also as a process dependent on a broader system of economic, social, technological, and institutional conditions. This approach is consistent with Pratt's concept, which proposes viewing culture as a system of "practices, values – economic, environmental, social and cultural – and institutions rooted in a specific spatial and temporal context" [2].

Priority areas for the development of the "green" economy

The population's perceptions of the most significant areas of the "green" economy also allow us to determine the structure of public demand for environmental change. The most priority area, according to respondents, is the rational use of water resources – noted by 38.5% of respondents. Separate waste collection and recycling were highlighted by 30.6%, the development of solar and wind energy by 30.2%, and greening cities and settlements by 25.7%.

The results obtained show that public perceptions of green transformation are concentrated around specific problems of everyday and economic activity: water use, waste management, energy supply, and the state of the urban environment. At the same time, these areas involve a combination of individual behavioral changes with the development of appropriate infrastructure and the introduction of new technological solutions.

Data from the second study complement this picture. Among the actions that the population is ready to support to improve the environmental situation, the most common are greening and tree planting – 64.5%, waste sorting – 50.5%, and saving water and electricity – 47.5%. At the same time, more complex forms of collective or behavioral participation receive less support: participation in public environmental initiatives (29.9%) and reducing plastic use (22.5%).

Comparison of these data reveals a trend: the greatest support is given to environmental practices that are understandable to the population and can be directly implemented in everyday life. More complex actions involving changes in established consumption patterns or active public participation are less widespread.

At the same time, this study allows us to complement this approach with an analysis from the perspective of potential public demand for environmental innovations. Whereas the Segre study [6] reveals the relationship between creativity and sustainability primarily at the level of company activities, the results of the population survey in Uzbekistan make it possible to assess the social environment in which such solutions

can be disseminated and gain public acceptance. The willingness of a segment of the population to pay more for environmentally safe goods and services, the orientation toward rational water use, waste recycling, and renewable energy, as well as the high prevalence of environmentally oriented behavioral attitudes, indicate the existence of potential demand for solutions that combine innovativeness, affordability, and environmental value.

Of particular importance for the analysis is the population's readiness to change their own daily practices. According to the study results, 66.3% of respondents state that they already try to lead an environmentally friendly lifestyle. 18.2% are ready to change their habits provided that convenient opportunities are created, and 11.7% would do so if such changes do not require additional financial costs. The share of those who are rather or completely unwilling to change habits is relatively small.

These results show that the population's readiness for environmentally responsible behavior is determined not only by the presence of relevant values and beliefs. Significant importance is attached to the conditions in which everyday choices are made: convenience, availability of infrastructure and services, as well as the amount of additional expenses.

This pattern is confirmed by responses to the question about factors that could motivate citizens to more environmentally friendly behavior. Most often, respondents mention environmental education and outreach work (38.5%), financial incentives, discounts and benefits (30.7%), support for environmental initiatives at the mahalla level (27.3%), and the example of friends, neighbors, and colleagues (20.2%). Among other factors mentioned are the availability of necessary infrastructure, public oversight, participation of opinion leaders, as well as support from employers and educational organizations.

Taken together, these results allow us to identify an important transition from declared environmental readiness to practical behavior. For a significant part of the population, the adoption of eco friendly models depends on how accessible, understandable, convenient, and economically acceptable they are. This circumstance acquires particular importance when assessing the prospects for the diffusion of new environmentally oriented goods, services, and technologies.

Overall, the analysis of the study results allows us to identify several interrelated trends. First, public opinion records a high level of support for environmentally oriented development and the transition to a "green" economy. At the same time, this support outpaces the depth of understanding of the economic, innovative, and technological mechanisms of green transformation.

The second trend is related to the presence of potential demand for environmentally safe goods, services, and new solutions; however, its practical realization depends on price, availability of infrastructure, public awareness, and the presence of incentive mechanisms.

The third trend manifests itself in the gap between environmental attitudes and practical behavior. A significant part of the population demonstrates a readiness for environmentally responsible actions; however, the spread of such practices is determined by how convenient, accessible, and integrated into everyday life they are.

Finally, the results show the complex nature of the barriers to environmental transformation. They are linked not only to the behavior of the population but also to economic, technological, informational, infrastructural, and institutional conditions.

Taken together, the results allow us to identify three empirically observable features: a high public demand for environmentally oriented development; a gap between support for green transformation and understanding of its economic innovative content; and the dependence of the transition from environmental attitudes to sustainable practices on the accessibility of technologies, infrastructure, information, and economic incentives.

Conclusion

The conducted study allows us to view the relationship between the creative economy, intellectual labor, innovation, and the environmental agenda as a more complex process than a simple expansion of the creative industries or the introduction of individual "green" technologies. Theoretical analysis shows that as understandings of the creative economy develop, the research focus gradually shifts from sectoral affiliation to the content of labor, human and intellectual capital, the ability to create new solutions, and the formation of various types of value. Under conditions of environmental transformation, this logic acquires an additional dimension: what matters is not only the ability to create an innovation but also the possibility of its practical implementation, public acceptance, and diffusion.

The results of the sociological survey allow us to specify this relationship in the context of Uzbekistan. Public opinion reveals a pronounced demand for environmentally oriented development: 95.3% of respondents support the transition to a "green" economy. At the same time, only 27.8% have a good understanding of the content of this concept, indicating a gap between value-based support for environmental transformation and understanding of its economic, technological, and innovative mechanisms.

At the same time, potential consumer demand for environmentally oriented solutions has been identified. 46.5% of respondents are willing to pay a higher price for environmentally safe goods and services, 17.2% allow for additional costs if the price difference is small, while for a portion of the population, the adoption of such solutions is linked to the availability of discounts, benefits, and other economic incentives. The results obtained show that the environmental value of a product or service can act as a factor in consumer choice, but its practical realization is directly linked to economic affordability.

A similar pattern is observed in environmental behavior. Although 66.3% of respondents already try to lead an environmentally friendly lifestyle, for other groups, the convenience of relevant practices and the absence of additional financial costs become essential conditions for changing habits. Together with the identified informational, infrastructural, economic, technological, and institutional barriers, this shows that the transition from a positive environmental attitude to sustainable behavior is determined not only by individual motivation but also by the characteristics of the environment in which everyday choices are made.

In this context, the answer to the research question posed in this article is that intellectual and creative labor can contribute to environmental transformation, but this

relationship is not automatic. Creativity acquires environmental significance when intellectual competencies are transformed into technological, design, organizational, digital, communication, and entrepreneurial solutions that respond to real social needs. Their diffusion, in turn, requires economic affordability, clarity and ease of use, appropriate infrastructure, public awareness, institutional support, and public readiness to accept them.

Thus, the analysis allows us to refine the research framework proposed in the article. The link between intellectual capital and environmental value should be viewed not as a linear sequence of "intellectual capital – creativity – innovation – environmental outcome," but as a system of interrelated elements in which public acceptance of innovation plays a significant role. At the same time, public opinion acts not only as a reaction to ongoing changes but also as a source of information about the needs, expectations, and barriers that must be taken into account when developing new solutions.

For Uzbekistan, the areas in which public environmental demand is most pronounced are of particular practical importance: rational use of water resources, waste recycling, development of solar and wind energy, and greening of settlements. It is in these areas that a combination of technological innovations with design, digital services, new business models, communication solutions, and other forms of intellectual and creative labor appears promising.

At the same time, the study results do not allow us to assert the existence of a direct causal relationship between the development of the creative economy and the environmental behavior of the population. The sociological data used did not directly measure employment in creative industries, the use of specific environmental innovations, the activity of green startups, or the impact of individual creative products and services on citizens' behavior. Therefore, the results obtained should be interpreted primarily as evidence of the existence of social preconditions, public demand, and at the same time, constraints for the diffusion of environmentally oriented innovations.

Further development of this research line requires moving from the analysis of general population attitudes to the study of the actual interaction of three parties – innovation creators, the institutional environment, and their potential users. Such an approach will make it possible to empirically test under what conditions intellectual and creative potential is actually transformed into environmentally significant innovations and what mechanisms ensure their public acceptance and diffusion.

References

1. Howkins J. *The Creative Economy: How People Make Money from Ideas*. – London: Penguin Books, 2007.
2. United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). *Creative Economy Outlook 2024*. – Geneva: United Nations, 2024. – UNCTAD/DITC/TSCE/2024/2. – ISBN 978-92-1-003189-9.
3. Florida R. *The Creative Class and Economic Development* // *Economic Development Quarterly*. – 2014. – Vol. 28, No. 3. – P. 196–205. – DOI: 10.1177/0891242414541693.

4. Throsby D. The Concentric Circles Model of the Cultural Industries // *Cultural Trends*. – 2008. – Vol. 17, No. 3. – P. 147–164. – DOI: 10.1080/09548960802361951.
5. Bakhshi H., Freeman A., Higgs P. A Dynamic Mapping of the UK's Creative Industries. – London: Nesta, 2013.
6. Giovanna Segre, Martina Dattilo, Elisa Salvador, When creativity meets innovation: The role of technology and environmental sustainability in the design sector, *Journal of Engineering and Technology Management*, Volume 80, 2026, 101968, ISSN 0923-4748, <https://doi.org/10.1016/j.jengtecman.2026.101968>, <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0923474826000305>
7. Pratt A. C. The Creative Economy and the Triple Transition // *Frontiers in Communication*. – 2026. – Vol. 10. – Article 1745182. – DOI: 10.3389/fcomm.2025.1745182.
8. Amir Rahmani, Ali Bonyadi Naeini, Javad Mashayekh, Roohallah Aboojafari, Tugrul Daim, Haydar Yalcin, Green innovation for a greener future: A meta-analysis of the impact on environmental performance, *Journal of Cleaner Production*, Volume 460, 2024, 142547, ISSN 0959-6526, <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2024.142547> <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0959652624019954>
9. Grynspan R. World Conference of the Creative Economy: Statement by the Secretary-General of UN Trade and Development (UNCTAD). Tashkent, Uzbekistan, 2 October 2024. UN Trade and Development (UNCTAD).
10. Gidage M, Bhide S (2025), "Exploring the nexus between intellectual capital, green innovation, sustainability and financial performance in creative industry MSMEs". *Journal of Enterprising Communities: People and Places in the Global Economy*, Vol. 19 No. 3 pp. 457–484, doi: <https://doi.org/10.1108/JEC-07-2024-0134>
11. Liao Zhiwei, Lin Feng, Gao Pan, A meta-analysis of the factors influencing corporate eco-innovation, *Cleaner Waste Systems*, Volume 11, 2025, 100260, <https://doi.org/10.1016/j.clwas.2025.100260>. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2772912525000582>
12. Miikka Pyykkönen, Christiaan De Beukelaer, What is the role of creative industries in the Anthropocene? An argument for planetary cultural policy, *Poetics*, Volume 109, 2025, 101971, ISSN 0304-422X, <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2025.101971>. (<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0304422X25000014>)
13. Australia builds a Pacific alliance system to keep China out. *The Economist*, Asia, August 27, 2026.
14. Xu, F., Qin, J., Zhang, D. et al. Linking organizational AI adoption to employee knowledge behaviours: the influences of appraisals and locus of control. *Humanit Soc Sci Commun* 13, 471 (2026). <https://doi.org/10.1057/s41599-026-06829-5>

Авторлар туралы мәлімет / Сведения об авторах / Information about authors

Victoria ALEKSEEVA	Deputy Director of the Republican Center for the Study of Public Opinion “Ijtimoiy Fikr”, Doctor of Sociological Sciences E-mail: viv20@yandex.ru , ORCID ID: 0000-0001-7930-8144
Manzura RAKHIMOVA	Master’s student at National University of Uzbekistan named Mirzo Ulugbek
Виктория Сергеевна Алексеева	«Ижтимоий фикр» Республикалық қоғамдық пікірді зерттеу орталығы директорының орынбасары, әлеуметтану ғылымдарының докторы E-mail: viv20@yandex.ru , ORCID ID: 0000-0001-7930-8144
Манзура Хамид кизи Рахимова	Мырза Ұлықбек атындағы Өзбекстан Ұлттық университетінің магистранты
Виктория Сергеевна Алексеева	Заместитель директора Республиканского центра изучения общественного мнения “Ижтимоий фикр”, доктор социологических наук, email: viv20@yandex.ru , ORCID ID https://orcid.org/0000-0001-7930-8144
Манзура Хамид кизи Рахимова	Магистрант Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека

DIGITAL SKILLS AND CAREER ADAPTABILITY AMONG YOUTH IN KAZAKHSTAN: THE TRANSITION FROM HIGHER EDUCATION TO A TRANSFORMING LABOUR MARKET

¹Dana BURKHANOVA, ²Moldir AKMADI, ³Anel NURKANAT

¹Nazarbayev University, Astana, Kazakhstan

²Kazakh National Women's Teacher Training University, Almaty, Kazakhstan

akmadi.moldir@gmail.com

³Astana IT University, Astana, Kazakhstan.

Link to this article: Burkhanova D.K., Akmadi M.A., Nurkanat A.N. Digital competencies, career adaptability, and youth readiness for the labour market in Kazakhstan // *SOCIOLOGY.KZ*. – 2026. – №3(3). – P.178 – 192. <https://doi.org/10.48010/2026.3/sskz.34>

Abstract. The transition from higher education to employment is becoming increasingly difficult, as digitalization shifts job requirements and places greater emphasis on people's ability to adapt, learn, and manage their own careers. This study examines the relationship between digital competence, career adaptability, practical experience and the degree with which young people in Kazakhstan feel ready to enter the labor market. The study was conducted from January to April 2026. The sample used for analysis consisted of 1,015 university and college students, as well as recent graduates at various stages of transition from education to work. Career adaptability was assessed using six indicators related to career planning, job flexibility, adapting to changes in the labor market, confidence in acquiring new skills, developing a career development strategy in the context of digital transformation, and an emphasis on the skills being transmitted; this measure showed a satisfactory internal sequence (α Kرونbach = 0.860). Digital competence was found to be significantly related to perceived readiness for work, although this link was weak and non-linear, $\chi^2(12) = 77.69$, $p < 0.001$, V Kramer = 0.160. Both internship experience and current employment status were also significantly related to willingness, but the scale of the effect was small. By contrast, neither adaptability to a career nor willingness to consider alternative career paths showed a significant link to perceived readiness. The results show that availability of digital, adaptive, or empirical resources does not automatically lead to greater readiness for employment. For young people facing changes in the labor market in Kazakhstan, a key issue may be not only acquiring employment resources, but also conditions that allow those resources to be turned into real labor-market opportunities.

Keywords: digital competence, adaptability to career, readiness for the labor market, employment of graduates, transition from education to work, youth employment, Kazakhstan.

ЦИФРОВЫЕ НАВЫКИ И КАРЬЕРНАЯ АДАПТИВНОСТЬ МОЛОДЁЖИ В КАЗАХСТАНЕ: ПЕРЕХОД ОТ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ К ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМУ РЫНКУ ТРУДА

¹Дана БУРХАНОВА, ²Мөлдiр АҚМАДИ, ³Анель НУРКАНАТ

¹Назарбаев университет г. Астана, Казахстан

²Казахский национальный женский педагогический университет,
г. Алматы, Казахстан

³Университет Astana IT, г. Астана, Казахстан

ҚАЗАҚСТАН ЖАСТАРЫНЫҢ ЦИФРЛЫҚ DAҒДЫЛАРЫ МЕН МАНСАПТЫҚ БЕЙІМДЕЛГІШТІГІ: ЖОҒАРЫ БІЛІМНЕН ТРАНСФОРМАЦИЯЛАНУШЫ ЕҢБЕК НАРЫҒЫНА ӨТУ

¹Дана БУРХАНОВА, ²Мөлдiр АҚМАДИ, ³Анель НУРКАНАТ

¹Назарбаев Университеті, Астана, Қазақстан

²Қазақ ұлттық қыздар педагогикалық университеті, Алматы қ., Қазақстан

³Astana IT Университеті, Астана, Қазақстан

Аңдатпа. Жоғары білімнен жұмысқа ауысу барған сайын күрделене түсуде, өйткені цифрландыру жұмыс орындарына қойылатын талаптарды өзгертеді және адамдардың бейімделу, үйрену және өз мансабын басқару қабілетіне көбірек көңіл бөледі. Бұл зерттеу цифрлық құзыреттілік, мансапқа бейімделу, практикалық тәжірибе және Қазақстандағы жастардың еңбек нарығына шығуға дайын болу дәрежесі арасындағы байланысты қарастырады. Зерттеу 2026 жылдың қаңтарынан сәуіріне дейін жүргізілді. Талдау үшін пайдаланылған үлгі 1015 университет пен колледж студенттерінен, сондай-ақ білім беруден еңбек қызметіне ауысудың әртүрлі кезеңдеріндегі соңғы түлектерден тұрды. Мансапқа бейімделу мансапты жоспарлауға, жұмыс икемділігіне, еңбек нарығындағы өзгерістерге бейімделуге, жаңа дағдыларды игеруге сенімділікке, цифрлық трансформация контекстінде мансапты дамыту стратегиясын әзірлеуге байланысты алты индикатормен бағаланды. және берілетін дағдыларға баса назар аудару; бұл шара қанағаттанарлық ішкі дәйектілікті көрсетті (α Кронбаха = 0.860). Бұл байланыс әлсіз және сызықтық емес болғанымен, цифрлық құзыреттілік еңбек қызметіне қабылданатын дайындықпен айтарлықтай байланысты екені анықталды, $\chi^2(12) = 77,69$, $p < 0.001$, V Крамер = 0.160.

Аннотация. Переход от высшего образования к трудоустройству усложняется, поскольку цифровизация меняет требования к рабочим местам и делает больший акцент на способности людей адаптироваться, учиться и управлять своей собственной карьерой. В данном исследовании рассматривается связь между цифровой компетенцией, адаптивностью к карьере, практическим опытом и степенью, с которой молодые специалисты в Казахстане чувствуют себя готовыми к выходу на рынок труда. Исследование было проведено с января по апрель 2026 года. Выборка, использованная для анализа, состояла из 1015 студентов университетов и колледжей, а также недавних выпускников на различных этапах перехода от образования к трудовой деятельности. Адаптивность к карьере оценивалась с помощью шести индикаторов, связанных с планированием карьеры, гибкостью работы, адаптацией к изменениям на рынке труда, уверенностью в приобретении новых навыков, разработкой стратегии развития карьеры в контексте цифровой трансформации, и акцент на передаваемые навыки; эта мера показала удовлетворительную внутреннюю последовательность (α Кронбаха = 0.860). Так, цифровая компетентность значительно связана с воспринимаемой готовностью к трудовой деятельности, хотя эта связь была слабой и нелинейной, $\chi^2(12) = 77,69$, $p < 0.001$, V Крамера = 0.160.

Тағылымдамадан өту тәжірибесі де, қазіргі жұмыс жағдайы да дайындықпен айтарлықтай байланысты болды, бірақ есер ету ауқымы аз болды. Керісінше, мансапқа бейімделу де, мансапты дамытудың балама жолдарын қарастыруға дайын болу да қабылданған дайындықпен айтарлықтай байланысты көрсеткен жоқ. Нәтижелер цифрлық, адаптивті немесе эмпирикалық ресурстардың болуы автоматты түрде жұмысқа дайын болуға әкелмейтінін көрсетеді. Қазақстандағы еңбек нарығындағы өзгерістерге тап болған жастар үшін негізгі проблема жұмысқа орналастыру ресурстарын иелену ғана емес, сонымен қатар осы ресурстарды еңбек нарығының нақты мүмкіндіктеріне айналдыруға жағдай жасайтын шарттар болуы мүмкін.

Түйінді сөздер: цифрлық құзыреттілік, мансаптық бейімделгіштік, еңбек нарығына дайындық, түлектердің жұмыспен қамтылуы, білім беруден еңбекке өту, жастарды жұмыспен қамту, Қазақстан.

Как опыт стажировки, так и текущий статус занятости также были значительно связаны с готовностью, но масштабы эффекта были небольшими. Напротив, ни адаптивность к карьере, ни готовность рассматривать альтернативные пути развития карьеры не показали существенной связи с воспринимаемой готовностью. Результаты показывают, что наличие цифровых, адаптивных или эмпирических ресурсов не приводит автоматически к большей готовности к занятости. Для молодых людей, сталкивающихся с изменением на рынке труда в Казахстане, ключевой проблемой может быть не только приобретение ресурсов трудоустройства, но и условия, позволяющие превратить эти ресурсы в реальные возможности рынка труда.

Ключевые слова: цифровая компетенция; адаптивность к карьере; готовность на рынке труда; трудоустройство выпускников; переход от образования к работе; занятость молодежи; Казахстан.

Introduction

Today, the transition from higher education to employment is becoming less predictable. Technological changes affect both the nature of work and how young professionals enter the labor market. In the context of the transformation of the modern labor market, the readiness for employment of graduates is determined not only by the availability of formal educational qualifications, but also by the totality of professional, digital and adaptive resources, ensuring a successful transition from education to employment. Employers now operate in environments where digital skills, problem-solving, communication, adaptability, and willingness to learn are as important as traditional occupational knowledge. The review of young professionals' sustainability studies emphasizes adaptability, problem-solving, communication, teamwork, and willingness to learn as key skills that remain relevant in changing labor markets (Abelha et al., 2020; Monteiro et al., 2023). Digitalization is complicating this transition, as technological skills are now linked to the ability of individuals to learn, update existing skills, and take advantage of new job opportunities (Caroline et al., 2025). Having digital skills and being willing to navigate a changing career landscape are related but different issues, as having technical skills does not guarantee a clear career strategy, confidence in switching jobs, or willingness to cross professional boundaries. Today's job opportunity includes not only what young people know, but also what they can and want to do as they develop that knowledge. Fugate et al. (2004) note that employability does not arise from how human and social capital, professional identity, and personal adaptability interact. Rather than viewing employment status as proof of employment, this view focuses on resources that help people recognize and act on career opportunities. McArdle et al. (2007) showed that adaptability and professional

identity are crucial for understanding labor-market behavior and transitions. In career theory, adapting to changes in the workplace is considered an active process. Young professionals prepare, react and take control of changing career situations (Savickas, 2013). Career adaptability includes four main resources: care, control, curiosity, and confidence. These resources show whether young professionals think about their future job, see themselves as able to influence it, explore possible paths, and believe that they can cope with work challenges (Savickas, 2012). These skills are especially important during the transition from education to work for young professionals. At this stage, structured learning environments give way to the labor market, which requires more personalized decisions about skills, professions, and career paths. Caroline's (2025) study shows the link between digital literacy and employability, while pointing out that context, behavior, and career-related factors need more attention. This means that digital skills should be viewed as part of a broader set of resources, rather than as a separate guarantee for job-seekers.

Kazakhstan's labor market shows relatively low overall unemployment, but significant changes in how education and skills are linked to job opportunities. According to the Bureau of National Statistics, the unemployment rate in 2025 was 4.6%; among people aged 15-34, it was 3.1%. However, 5.8% of young people were neither employed nor in education or training in the fourth quarter of 2025 (National Statistics Bureau of Kazakhstan, 2026). The figures reflect overall labor-market participation, but tell less about how well young people are prepared for jobs that require more technology and flexibility. Previous assessments of the country's higher education and training systems have raised concerns about how well academic qualifications are being transformed into practical skills for work. A survey of higher education in Kazakhstan conducted by the OECD found that there is still room for improvement in teaching skills related to work and economic change (OECD, 2017). The OECD's next skills strategy for Kazakhstan focused on skills development, adult learning, effective use of skills, and adaptation to digital change as part of broader national policies (OECD, 2021). Since then, Kazakhstan has added employment and training measures, including youth work-on-the-job programs, first-job initiatives, and online skills development. In 2025 alone, 30,600 people joined youth internships, and 7,100 people joined the "First Workplace" program (Ministry of Labor and Social Protection of the Population, 2026). The scale of this effort shows that helping young people remains a major political challenge, even at relatively low unemployment.

The aim of the research is to study the relationship between digital competencies, career adaptability and perceived readiness for the labor market among young people in Kazakhstan, as well as to assess the contribution of practical experience, professional and transferred skills, and the socio-educational characteristics of differences in readiness to transition from education to employment. In particular, the analysis aims to determine whether higher levels of digital competence are associated with perceived greater readiness for the job market and whether career adaptability has a positive link to such readiness, as well as whether the experience of an internship is Skills and transferable competencies strengthen young people's ability to navigate changing employment environments.

The object of the study focuses on young people in transition from education to work in a context of digitalization and labor-market transformation.

The subject of the study is the relationship between digital competencies, professional adaptability, practical experience, professional and transferable skills, as well as perceived readiness to enter the labor market among young people in Kazakhstan.

The study's *hypothesis* suggests that higher levels of digital competence and professional adaptability are positively correlated with perceived willingness of young people to enter the labor market in Kazakhstan.

Theoretical framework. This study is based on career theory (Savickas, 1997, 2013) and a psychosocial model of employment (Fugate et al., 2004), which explains how young people use their individual resources to work in the labor market, which is becoming more uncertain and focused on technology. Career-building theory defines career adaptability as a psychosocial ability that helps to manage changes in work, relying on future orientation, agency, research and confidence (Savickas & Porfeli, 2012). Studies link career adaptability with employability, professional activity and a smooth transition from school to work (Koen et al., 2012; Rudolph et al., 2017; Monteiro et al., 2019). Fugate et al. (2004), McArdle et al. (2007) note that employability is a combination of adaptability, career identity and personal and social resources, not just a measure of the status of work. In today's labor market, digital skills are an important part of personal resources, but their importance also depends on people's ability to update their skills, adapt to changing job demands, and turn their skills into employment opportunities. (van Laar et al., 2017; Abelha et al., 2020; Caroline et al., 2025).

Research methods. This study used a quantitative cross-sectional survey method to examine the relationship between digital competence, career adaptability and perceived readiness for the labor market among young people in Kazakhstan. Data were collected between January and April 2026 using a standardized bilingual (Kazakh-Russian) questionnaire. The final sample included 1,015 respondents in the transition from education to employment. The study sample is based on a non-probability target sample, as inclusion of respondents was determined with compliance to criteria. The criteria for inclusion were training at the time of research or completion within the previous two years. The criteria of residence and specialization have also been added. The total number of respondents 1,015 provided a sufficient empirical basis, taking into account the general population which at the beginning of the 2025-2026 academic year was 1,240,100 students who are in the process of studying and 628,200 completed their studies during the last two years (National Statistics Bureau of Kazakhstan). The questionnaire included indicators of perceived employability, professional and digital competencies, transferred skills, practical experience and career adaptability. The latter was assessed through six five-point points of the Ликert type concerning career planning, readiness to change careers, adjustment to changing labor market demands, confidence in acquiring new skills, and career development strategy, and the perceived importance of the transferred skills. The negatively formulated element of adaptability was encrypted before constructing a composite measure. The internal sequence of

six points was satisfactory (α Kronsbach = .860). Statistical analysis using IBM SPSS Statistics. Sociodemographic characteristics of respondents are shown in Table 1.

Table-1. Socio-demographic Characteristics of Respondents (N = 1,015)

Categories	N	%
Survey language		
<i>Kazakh</i>	794	78.2
<i>Russian</i>	221	21.8
Age		
≤ 20 years	624	61.5
21–23 years	181	17.8
24–26 years	103	10.1
≥ 27 years	107	10.5
Gender		
<i>Female</i>	323	31.8
<i>Male</i>	692	68.2
Place of residence prior to enrolment in the educational institution		
<i>City (regional centre / capital)</i>	460	45.3
<i>Small town / urban settlement</i>	219	21.6
<i>Rural area</i>	336	33.1
Type of educational institution		
<i>National / research university</i>	598	58.9
<i>Regional public university</i>	205	20.2
<i>Private university</i>	120	11.8
<i>Educational institution abroad</i>	61	6.0
<i>College / technical and vocational institution</i>	31	3.1

Note: Compiled by the authors.

As can be seen in table 1, the final analytical sample included 1,015 respondents. The survey was carried out mainly in Kazakh (78.2%), and 21.8% of respondents chose Russian. The sample was relatively young: 61.5% were aged 20 or younger, followed by 21–23 years (17.8%), 27 years or older (10.5%) and 24–26 years (10.1%). Men made up 68.2% of the sample and women 31.8%. In terms of social background, 38.1% reported that both parents had a higher education, while about one-third (33.3%) came from families where parents had a secondary or specialized secondary education. Respondents also represented various territorial strata of the population: 45.3% from large urban areas, 21.6% from small towns or settlements and 33.1% from rural areas. More than half (58.9%) studied or attended national or research universities, and the rest regional public universities, private universities, foreign institutes and colleges or technical schools.

Literature review. The transition of young professionals from education to employment is now viewed as a process that is influenced by qualifications, skills, practical experience and personal career resources, not just educational achievement. Research in the field of employment is not limited to academic achievements, but also to expe-

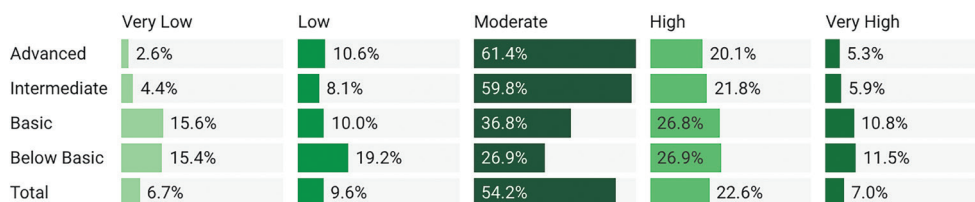
periences gained during internships and social connections (Fugate et al., 2004; Tomlinson, 2017; Clarke, 2018). Programs such as work-integrated learning and internships help students apply their knowledge and skills to relevant work experiences (Jackson, 2015). At the individual level, professional knowledge is combined with skills such as communication, problem-solving, teamwork, critical thinking, and adaptability, which are changing the demands of work (Polakova et al., 2023). Talluri et al. (2024) notes that job opportunities are increasingly linked to self-regulating resources, and these resources help young professionals actively manage their skills development and career choices, rather than just gather skills. Further, digital skills affect not only the ability to perform technology-related tasks, but also access to information, job networks, and opportunities for learning and hiring through digital means. However, their value in the labor market extends beyond technical skills. Research by Adegbite (2024) shows that the ability to apply digital knowledge to changing working conditions is as important as having specific technological skills. Kumi et al. (2024) found that technological readiness is linked to adaptive career behavior through professional adaptability. In addition, recent research by Z-generation students has shown that digital adaptation skills significantly enhance the development of digital competencies related to employability (Imjai et al., 2025). This distinction is becoming more relevant now that gaps in digital skills continue to exist, even with greater access to technology. Simply familiarizing oneself with digital tools in education does not guarantee readiness for work without opportunities for continuous learning and practical application of skills (Wild & Schulze Heuling, 2020). Recent international data support the idea of viewing digital competence as part of a broader system of job resources, rather than as a separate factor for job placement.

Career adaptability is also one of the ways that skills shape employability. Studies based on career-building theory show that adaptability enhances skills in managing career transitions, job search confidence, and as a consequence, employment outcomes (Guan et al., 2013; Rudolph et al., 2017; Monteiro et al., 2019). Career adaptability foreshadowed both job-seeking confidence and subsequent employment for university graduates. Meta-analytical data confirm a strong link between adaptive resources and various career adjustment outcomes. Recent research continues to support this idea. Career adaptability is related to perceived future employability among recent graduates (Azalea et al., 2026). Studies in the field of adult youth link adaptability and career choices with future job prospects and active career development (Kim et al., 2024). In general, the literature indicates that labor-market readiness is best understood as a result of the interaction of resources, including digital and vocational skills, transferable skills, practical experience, and adaptability in career. However, these links have not yet been studied in Kazakhstan. It is crucial to find out whether digital skills and career adaptability are linked to a stronger sense of readiness in the labor market in a country's specific context - from education to work.

Results and Discussion

The results of the research show that there is a weak but significant relationship between digital competence and perceived work readiness, where $\chi^2(12, N = 1.015) = 77.69$, $p < .001$, Cramer's $V = 0.160$.

Throughout the sample, perceived readiness was mostly in the medium category, although the way it was distributed varied greatly depending on the level of digital competence (see figure 1). Of those who said they had a high level of digital competence, 61.4% rated their work readiness as moderate, while only 20.1% rated it as high and 5.3% as very high. The same pattern was observed among those with an average level of digital competence, where 59.8% said their readiness was moderate and 27.7% high.

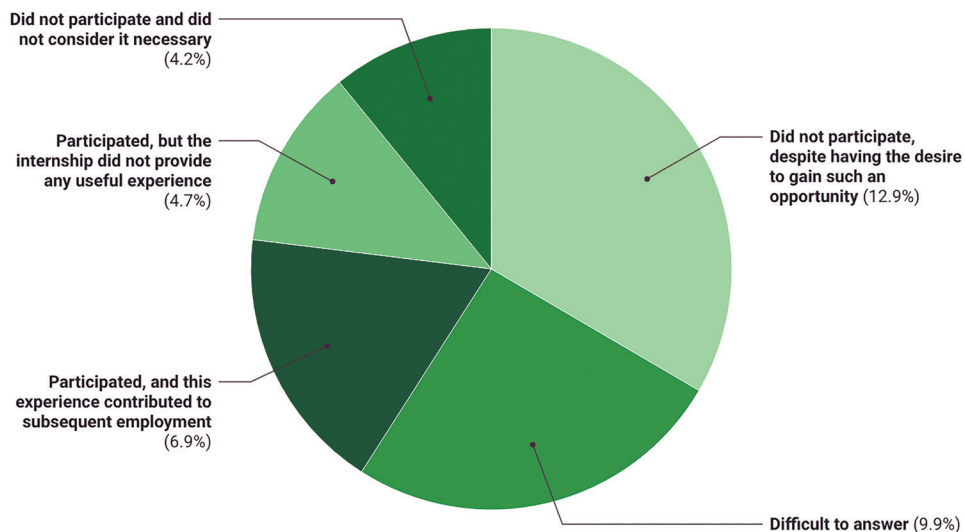

Created with Datawrapper

Figure-1. Digital competence and perceived labor market readiness (N = 1,015)

Note: Compiled by the authors.

On the other hand, a group with basic digital competence, on the contrary, showed less than 36.8% in the category of moderates, further low readiness showed 15.6% and high readiness 37.6%. The results show that there is a significant link between digital competence and perceived work readiness, but this link is not uniform. because digital competence does not necessarily mean higher perceived readiness to enter the labor market. Furthermore, a link between internship and practical experience of training and perceived willingness to work was found, although this link is as weak as the previous one, it is still significant $\chi^2(16, N = 1.015) = 47.58$, $p < .001$, $V \text{ Kramer} = .108$. The way responses were distributed indicates that interning did not always lead to higher readiness (see Figure 2).

Created with Datawrapper

Figure-2. Experience of completing an internship or practical training depending on perceived readiness for the labor market (N = 1,015)

Note: Compiled by the authors.

As shown in figure 2, 57.7% of those who said that their internship helped them get a subsequent job rated their readiness as moderate, while 24.0% said they felt highly or very well prepared. Quite surprisingly, among those who completed the internship but did not find it useful, the corresponding figure was higher - 34.8%. Among those who wanted to do an internship but could not get one, the picture was more fragmented, with 27.4% reporting low or very low readiness, while 33.9% reported high or very high readiness. The largest share of people who said they were highly or very highly prepared 52.1% was found in a group that did not complete the internship because it was not considered necessary, although this group was small ($n = 48$). In general, the results show a statistically significant but only limited link between traineeship and job readiness and, more importantly, suggest, that the mere completion of practical training should not be regarded as a clear sign of perceived greater readiness for employment.

There was no significant link between the desire to consider other career options and perceived readiness for employment, $\chi^2(16, N = 1.015) = 13.14$, $p = .663$, Kramer $V = .057$. Those intending to stay in their area of qualification showed only 37.2%, while others are already looking for alternative career paths, where the figure is 28.5%, so as shown above the connection is not significant. Therefore, openness to related professions, freelance work or entrepreneurship does not by itself affect whether respondents are ready to enter the labor market. Further, the study of the relationship between adaptive career resources and perceived labor-market readiness did not reveal a significant link. Correlations were low for career planning ($\rho = 0.031$,

$p = 0.330$), willingness to change occupational fields ($p = 0.032$, $p = 0.310$), confidence in acquiring new professional skills ($p = .016$, $p = .621$), and career development strategies in the context of digital transformation. ($p = 0.032$, $p = 0.307$), and for the perceived importance of transferred skills ($p = 0.034$, $p = 0.282$).

The backward-coded indicator indicating the ability to adapt to changing labor market demands was also not associated with readiness ($p = 0.009$, $p = 0.771$). However, adaptive career outcomes were substantially interlinked. For example, confidence in acquiring new skills was positively linked to the availability of a digital career development strategy ($p = 0.649$, $p < 0.001$). Thus, while attitudes toward career planning, confidence, flexibility, and skill orientation formed a related group, they did not lead to a higher perceived level of labor-market readiness in this sample. The study also found a significant relationship between current employment status and perceived readiness for work, $\chi^2(20, N = 1.015) = 54.95$, $p < 0.001$, V Kramera = 116, although the association size was small. Of the respondents who are currently working in their field, 31.1% said that their readiness was high or very high, compared to 25.2% for those working outside their field and 24.3% for those whose current experience consisted only of an internship. For people currently out of work or looking for a job, the picture was more varied: 31.9% said their readiness was high or very high, but this group also included the largest share of people reporting low or very low readiness at 20.9%.

The results show that current employment does indeed distinguish perceived labor-market readiness, even if employment itself does not lead to a simple increase in readiness. Overall, the results suggest that there has been a significant link between digital competence and perceptions of labor-market readiness, but it is non-linear. Young professionals with a high level of digital competence were mostly found in the moderate readiness group, while those who had only basic digital skills were categorized by categories having similarly equally high readiness. who had an advanced level of digital competence. The conclusion does not diminish the importance of digital competence for the labor market, but rather implies that digital skills should be viewed as a motivating resource, whose value depends on the circumstances in which they are acquired and put into practice. Just as in a recent study by Caroline et al. (2025) they moved away from the idea of digital literacy as an independent asset for employment, which shows that the link between digital literacy and employment is -Still heavily dependent on context and that there is no universally accepted measure to show how digital competence translates into employment in various professions. The current findings apply this argument to Kazakhstan, and having advanced digital skills can broaden an individual's range of capabilities, without necessarily leading to confidence that these capabilities will ensure an effective transition into the labor market. This point is particularly relevant in the labor market, where expanding education and digitalization are occurring alongside persistent concerns about how much of the skill is being translated into skills that fit specific professions. The same can be said about practical experience. The relationship between participation in an internship and a sense of readiness did not show a strong link, although it was significant. In essence, respondents who found their internship useful for job placement did not show the

highest level of readiness. Of course, practical experience cannot be derived from participation in an apprenticeship alone, but nevertheless training integrated into the work environment is usually linked to the development of employability, as it enables students to understand expectations in the workplace. Meet professional networks and be able to apply your knowledge in a specific subject (Jackson, 2015). On-the-job learning can contribute to the employability of graduates, and that digital literacy may be one way to achieve this. However, such benefits depend on the quality, relevance and structure of the experience rather than on the formal organization of the internship. Thus, the findings from Kazakhstan raise a more specific question about what internships actually offer; workplace exposure may increase awareness of work requirements, but not necessarily lead to greater confidence in their execution. In some cases, practical experience may even lead to a more realistic understanding of the gap between university training and employers' expectations. This view is consistent with the broader literature on employment, which views work experience as one of several resources rather than a direct pathway to employability.

The inference that has the greatest theoretical significance relates to career adaptability. Various indicators such as career planning, willingness to change professional fields, confidence in acquiring new skills, adapting to changing job market demands, digital career strategy, and focus on transferable skills, turned out to be significantly related to perceived willingness. What is analogous to international research linking career adaptability with employability, self-employment, and successful career transitions (Rudolph et al., 2017). Career adaptability is systematically associated with adaptive reactions and several outcomes of adaptation, including employability. Longitudinal studies involving university graduates have also shown a link between adaptability and self-efficacy in job search, as well as subsequent employment outcomes (Guan et al., 2013) while more recent data from Azalea et al. (2026) suggest that various aspects of adaptability to a career affect the perception of future employability in different ways among working and unemployed graduates. The absence of a similar link in the current sample should therefore not be taken as evidence that adaptability is irrelevant.

Further, confidence in the opportunity to acquire new skills was substantially correlated with career development strategy during the digital transformation ($\rho = 0.649$, $p < 0.001$). Young people can have a consistent set of adaptive benchmarks that include planning, belief in their ability to learn, identification of transferable competencies, and consideration of career change. Without considering these factors as evidence that they are now willing to compete for jobs. The difference corresponds to career theory, provided that adaptability is viewed as a psychosocial resource for solving transition problems and not as the result of the transition itself (Savickas & Porfeli, 2012). In fact, meta-analytical studies separate adaptive resources from adaptive responses and adaptation outcomes rather than treating them as equivalent constructions. In the case of Kazakhstan, the process of turning adaptive resources into a sense of readiness may thus be supported by additional conditions not covered solely by individual attitudes towards careers, such as access to relevant work experience, information about employers, professional networks, institutional support for career and opportunities to showcase your skills. There was a significant link between employment status and perceived willingness. Respondents who

worked in their field were more likely to say that they felt prepared than those who worked in another field or whose experience was based mainly on an internship. At the same time, a group that was unemployed or seeking employment included people from both ends of the readiness scale. It follows that readiness cannot simply be reduced to employment status. Some young people may enter the workforce without a strong sense of career readiness, while others who are currently out of work may still consider themselves well-prepared. This conclusion is consistent with psychosocial approaches to employability, which distinguish whether an individual has a job and resources, and how they perceive their ability to receive, retain, or move between employment opportunities (Fugate et al., 2004; McArdle et al., 2007). Which also helps to explain why in this study the willingness to pursue alternative paths, such as freelance professionalism, entrepreneurship or work in related professions, was not significantly linked to willingness. While openness to alternatives may indicate flexibility in career direction, flexibility alone does not prove that a person has the resources, experience, or opportunity framework needed to act on these alternatives. All in all, the results show that the transition from education to employment should not be viewed as a simple process of accumulation, in which more digital skills, more adaptability, and more practical experience inevitably lead to higher levels of readiness. Human capital becomes important as a result of its interaction with adaptive and contextual resources, rather than simply because it is available (Fugate et al., 2004). It is also consistent with recent reviews that consider problem-solving, communication, teamwork, adaptability, and learning readiness as interlinked elements of employment rather than as separate guarantees of success in the labor market (Monteiro et al., 2023). However, the current data include an important condition and even if such career resources are present together at the individual level, it cannot be assumed that they will be embodied in a sense of readiness for the labor market.

Conclusion

The study examines the relationship between digital competence, professional adaptability and practical experience in the labor market, as well as how these factors are related to young people's perception of their readiness for transition from education to employment in Kazakhstan. Moreover, the results point to a differentiated model in which career-related skills, experiences, and benchmarks take separate positions in the transition to work. Digital competence was significantly linked to perceived readiness for work, though this link was small and not linear. Similarly, internship experience and current employment status were linked to willingness, but the size of their impact was small, and in no case did a large experience lead to an apparent increase in perceived readiness. On the other hand, willingness to consider alternative career paths had nothing to do with readiness. The same applies to the comprehensive measure of career adaptability and all its individual components, such as career planning, job flexibility, confidence in acquiring new skills, and having a career development strategy. However, these different attitudes towards careers are related, which shows that they form a coherent adaptive resource cluster, although they did not directly lead respondents to judge their immediate employability. The research hypothesis that greater digital competence and career adaptability would be positively correlated with perceived

willingness in the labor market has been only partially confirmed. Despite the general association's support for digital competence, the observed model does not allow for the simple assertion that increasing digital competence should lead to greater readiness. With regard to the aspect of vocational adaptability, no support was found. Current results show that having adaptive career resources and perceiving oneself as ready to enter the labor market should not be treated as equivalent outcomes. The availability of resources does not guarantee that they will lead to labor-market readiness. While digital competence can contribute to the development of human capital, career planning can provide direction and internships can provide an opportunity to familiarize oneself with working conditions, the practical value of these resources seems to be how they relate to real professional opportunities and experience. This point is particularly important when it comes to the transition from education to work, because job opportunities and career changes are closely linked but still considered separate processes. In summary, it is important to note that mechanisms mediating and modifying the relationship between individual resources and the outcomes of the transition to employment also require further study. These may include access to internships and training, quality of career counseling, professional networks, employer requirements, and institutional support from educational institutions. The combination of self-rated indicators with objective employment characteristics and employer evaluations is methodologically relevant, allowing a more comprehensive study of the transition from education to professional activity. Such an approach would create a framework for identifying the combination of individual, educational and structural labor-market resources that are most relevant to enhancing employability and career sustainability of students and recent graduates in Kazakhstan under conditions of ongoing digital transformation.

Funding: This article was prepared within the framework of grant funding provided by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Grant No. AP27510805, "*Market Resilience of Kazakhstani Youth amid the Digital Transformation of the Labour Market.*"

References

1. Abelha, M., Fernandes, S., Mesquita, D., Seabra, F., & Ferreira-Oliveira, A. T. (2020). Graduate employability and competence development in higher education—A systematic literature review using PRISMA. *Sustainability*, 12(15), 5900. <https://doi.org/10.3390/su12155900>
2. Adegbite, W. M. (2024). Unpacking mediation and moderating effect of digital literacy and life-career knowledge in the relationship between work-integrated learning and graduate employability. *Social Sciences & Humanities Open*, 10, 101161. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2024.101161>
3. Azalea, A., Lim, P. K., Lin, M.-H., & Lee, M. C. C. (2026). Effects of career adaptability on university fresh graduates' perceived future employability and career motivation: Employed versus unemployed. *International Journal for Educational and Vocational Guidance*, 26, 231–258. <https://doi.org/10.1007/s10775-024-09716-0>
4. Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. (2026). The situation in the labor market: IV quarter of 2025. Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan.

5. Caroline, A. C. A., Coun, M. J. H., Gunawan, A., & Stoffers, J. (2025). A systematic literature review on digital literacy, employability, and innovative work behavior: Emphasizing the contextual approaches in HRM research. *Frontiers in Psychology*, 15, 1448555. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1448555>
6. Fugate, M., Kinicki, A. J., & Ashforth, B. E. (2004). Employability: A psycho-social construct, its dimensions, and applications. *Journal of Vocational Behavior*, 65(1), 14–38. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2003.10.005>
7. Guan, Y., Deng, H., Sun, J., Wang, Y., Cai, Z., Ye, L., Fu, R., Wang, Y., Zhang, S., & Li, Y. (2013). Career adaptability, job search self-efficacy and outcomes: A three-wave investigation among Chinese university graduates. *Journal of Vocational Behavior*, 83(3), 561–570. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2013.09.003>
8. Imjai, N., Chansamran, S., Sungthong, S., Usman, B., & Aujiapongpan, S. (2025). Developing employability digital competencies of Thai Gen Z business students: The role and matter of digital learning environments and digital adaptation skills. *The International Journal of Management Education*, 23(3), 101219. <https://doi.org/10.1016/j.ijme.2025.101219>
9. Kim, S., Creed, P. A., Hood, M., & Bath, D. (2024). Protean career processes in young adults: Relationships with perceived future employability, educational performance, and commitment. *International Journal for Educational and Vocational Guidance*, 24, 1–24. <https://doi.org/10.1007/s10775-023-09584-0>
10. Koen, J., Klehe, U.-C., & Van Vianen, A. E. M. (2012). Training career adaptability to facilitate a successful school-to-work transition. *Journal of Vocational Behavior*, 81(3), 395–408. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2012.10.003>
11. Kumi, E., Osei, H. V., Asumah, S., et al. (2024). The impact of technology readiness and adapting behaviours in the workplace: A mediating effect of career adaptability. *Future Business Journal*, 10, 63. <https://doi.org/10.1186/s43093-024-00355-z>
12. McArdle, S., Waters, L., Briscoe, J. P., & Hall, D. T. (2007). Employability during unemployment: Adaptability, career identity and human and social capital. *Journal of Vocational Behavior*, 71(2), 247–264. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2007.06.003>
13. Ministry of Labour and Social Protection of the Population of the Republic of Kazakhstan. (2026). More than 306 thousand people were covered by active employment promotion measures in 2025. Government of the Republic of Kazakhstan.
14. Monteiro, S., Almeida, L., Gomes, C., & Sinval, J. (2023). Global employability skills in the 21st century workplace: A semi-systematic literature review. *Heliyon*, 9, e21023. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e21023>
15. Monteiro, S., Taveira, M. C., & Almeida, L. (2019). Career adaptability and university-to-work transition: Effects on graduates' employment status. *Education + Training*, 61(9), 1187–1199. <https://doi.org/10.1108/ET-10-2018-0206>
16. OECD. (2017). Higher education in Kazakhstan 2017. OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/9789264268531-en>
17. OECD. (2021). OECD skills strategy Kazakhstan: Assessment and recommendations. OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/39629b47-en>
18. Rudolph, C. W., Lavigne, K. N., & Zacher, H. (2017). Career adaptability: A meta-analysis of relationships with measures of adaptivity, adapting responses, and adaptation results. *Journal of Vocational Behavior*, 98, 17–34. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2016.09.002>
19. Savickas, M. L. (1997). Career adaptability: An integrative construct for life-span, life-space theory. *The Career Development Quarterly*, 45(3), 247–259. <https://doi.org/10.1002/j.2161-0045.1997.tb00469.x>
20. Savickas, M. L. (2013). Career construction theory and practice. In R. W. Lent & S. D. Brown (Eds.), *Career development and counseling: Putting theory and research to work* (2nd ed., pp. 147–183). Wiley.
21. Savickas, M. L., & Porfeli, E. J. (2012). Career Adapt-Abilities Scale: Construction, reliability, and measurement equivalence across 13 countries. *Journal of Vocational Behavior*, 80(3), 661–673. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2012.01.011>

22. Talluri, S. B., Uppal, N., Akkermans, J., & Newman, A. (2024). Towards a self-regulation model of career competencies: A systematic review and future research agenda. *Journal of Vocational Behavior*, 149, 103969. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2024.103969>
23. van Laar, E., van Deursen, A. J. A. M., van Dijk, J. A. G. M., & de Haan, J. (2017). The relation between 21st-century skills and digital skills: A systematic literature review. *Computers in Human Behavior*, 72, 577–588. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.03.010>

Авторлар туралы мәлімет / Сведения об авторах / Information about authors

Dana Burkhanova	PhD, Associate Professor, School of Sciences and Humanities, Nazarbayev University, Astana, Kazakhstan, e-mail: dana.burkhanova@nu.edu.kz , ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6206-4331
Moldir Akmadi	PhD, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Kazakh National Women's Teacher Training University, Almaty, Kazakhstan, e-mail: akmadi.moldir@gmail.com , ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0789-3684
Anel Nurkanat	Master of Sociology, Senior Lecturer, School of General Education, Astana IT University, Astana, Kazakhstan, e-mail: aylenaan@gmail.com , ORCID ID: https://orcid.org/0009-0004-6370-0116
Дана Қамаловна Бурханова	PhD, қауымдастырылған профессор, Жаратылыстану, әлеуметтік және гуманитарлық ғылымдар мектебі, Назарбаев Университеті, Астана, Қазақстан. e-mail: dana.burkhanova@nu.edu.kz , ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6206-4331
Мөлдір Арманқызы Ақмади	PhD, Қоғамдық-гуманитарлық пәндер кафедрасы, Қазақ ұлттық қыздар педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан, e-mail: akmadi.moldir@gmail.com , ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0789-3684
Анель Нұрқанатқызы Нұрқанат	Әлеуметтану магистрі, аға оқытушы, Жалпы білім беру пәндері мектебі, Astana IT Университеті, Астана, Қазақстан, e-mail: aylenaan@gmail.com , ORCID ID: https://orcid.org/0009-0004-6370-0116
Дана Камаловна Бурханова	PhD, ассоциированный профессор, Школа естественных социальных и гуманитарных наук, Назарбаев Университет, Астана, Казахстан, e-mail: dana.burkhanova@nu.edu.kz , ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6206-4331
Мөлдір Арманқызы Ақмади	PhD, и.о. доцента кафедры общественно-гуманитарных дисциплин, Казахский национальный женский педагогический университет, Алматы, Казахстан, e-mail: akmadi.moldir@gmail.com , ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0789-3684
Анель Нурқанатқызы Нұрқанат	Магистр социологии, старший преподаватель, Школа общеобразовательных дисциплин, университет Astana IT, г. Астана, Казахстан. e-mail: aylenaan@gmail.com , ORCID ID: https://orcid.org/0009-0004-6370-0116

Dear colleagues,

The Center for Sociology at the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies (Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education) is organizing a session titled “Multiple Identities in the Digital Society: Risks and Opportunities” as part of the XXI ISA World Congress of Sociology, which will take place from July 4 to 10, 2027, in Gwangju, Republic of Korea.

MULTIPLE IDENTITIES IN THE DIGITAL SOCIETY: RISKS AND OPPORTUNITIES

Session Organizer: **Aigul SADVOKASSOVA** aigul.sad.astana@gmail.com

RC05 Racism, Nationalism, Indigeneity and Ethnicity (host committee)

Language: English

Session Type: Oral

Digitalization has transformed the ways individuals construct, express, and negotiate multiple identities across civic, ethnic, religious, linguistic, generational, and cultural domains. This session examines the risks and opportunities associated with multiple identities in digital society, with particular attention to how online platforms, networked communication, and algorithmic environments reshape social boundaries, trust, belonging, and civic consensus.

The session invites theoretically informed and empirically grounded papers that explore how digital spaces enable new forms of self-representation, participation, solidarity, and intercultural dialogue, while also generating fragmentation, polarization, exclusion, surveillance, misinformation, and identity-based conflict. Particular interest will be given to studies addressing the interaction between online and offline identities; the transformation of religious, ethnic, and civic belonging; youth identity formation; digital inequalities; platform governance; and the role of digital communication in either reducing or reinforcing social distance.

The session seeks to bring together research from different national and regional contexts, in order to identify both common patterns and context-specific dynamics. Contributions may employ quantitative, qualitative, comparative, computational, or mixed-method approaches.

The session will consist of oral paper presentations followed by moderated discussion and a collective question-and-answer segment. Presenters will be encouraged to reflect not only on the risks of digital identity fragmentation, but also on the potential

of digital environments to support inclusive citizenship, mutual recognition, social cohesion, and democratic participation. The session aims to advance a comparative sociological understanding of how multiple identities are negotiated in increasingly digital societies.

<https://isaconf.confex.com/.../webprogr.../Session26969.html>

For our Institute, this is a significant step toward expanding international scientific cooperation and showcasing the results of Kazakhstani social research within the global academic community. We thank everyone who submitted abstracts for our session. We invite you to participate and would appreciate it if you could share this information with members of the academic community interested in this topic. We look forward to seeing you at the Congress!